

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Имомзода Махина Мухаммадюсуф

**Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в
лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и
китайского языков**

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических
наук, профессор
Искандарова Дилоро Мукаддасовна

ДУШАНБЕ – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	13
1.1 Аспекты исследований в когнитивной лингвистике	13
1.2 Различные подходы к трактовке концепта	15
1.2.1 Структура и типология концепта	18
1.2.2 Понятия «концептосферы» и «семантического пространства языка» ...	21
1.2.3 Способы представления концепта	22
1.2.4 Лингвокультурные концепты в аспекте межъязыкового сопоставления	30
1.3 Языковая и концептуальная картина мира	32
1.3.1 Понятие национальной картины мира	35
1.3.2 Концептуальная картина мира	37
1.3.3 Национальный менталитет и ментальность	41
1.4 Национально-специфические особенности концепта «семья» как составляющие образа мира	42
<i>Выводы по первой главе</i>	47
ГЛАВА 2. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В ТАДЖИКСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	49
2.1 Номинативное поле концепта	49
2.2 Способы языковой объективации концепта «семья» в таджикском языке	51
2.3 Термины родства как средство лексической объективации концепта «семья»	55
2.3.1 Термины родства в таджикском языке	61
2.3.2 Термины родства в китайском языке	69
2.4 Сопоставительный анализ номинативного поля концепта «семья» в таджикском и китайском языках	76
<i>Выводы по второй главе</i>	80

ГЛАВА 3. КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАХ ТАДЖИКСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ	84
3.1 Фразеологизм как когнитивно-прагматический феномен ментальности таджикского и китайского языков	84
3.2 Семантическая классификация фразеологизмов, репрезентирующих концепт «семья» в таджикском языке	91
3.2.1 Семантическое поле концепта «семья» в таджикском языке	99
3.3 Семантическая классификация фразеологизмов, репрезентирующих концепт «семья» в китайском языке	104
3.3.1 Национальная специфика фразеологии китайского языка	107
3.3.2 Отражение концепта семья в китайских фразеологизмах	110
3.3.3 Компоненты семантического поля концепта «семья» в китайском языке	114
3.4 Сопоставительный анализ структуры концепта семья в таджикском и китайском языках	123
<i>Выводы по третьей главе</i>	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	133
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	140
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	140
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	141
ПРИЛОЖЕНИЕ А	166
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	174
ПРИЛОЖЕНИЕ В	189

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивная наука является междисциплинарной наукой, целью которой является объединение усилий специалистов разных областей по организации баз знаний. Психология и лингвистика имеют особую значимость благодаря особому положению объектов их анализа в речемыслительной деятельности человека.

Официальной датой утверждения когнитивной лингвистики как особого направления считают симпозиум в Дуйсбурге, организованный Рене Дирвеном (Дуйсбургский университет, Германия) весной 1989 года. Именно на этой конференции был основан журнал «Когнитивная лингвистика», там же была задумана серия монографий «Исследования по когнитивной лингвистике» [Рахилина 1998: 275]. Дальнейшее становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами следующих американских лингвистов: Дж. Лакофф (теория концептуальной метафоры, теория идеализированных когнитивных моделей [Lakoff 1980; 1987; 1993], Р. Лангакер (когнитивная грамматика, теория доменов, противопоставление профиля и базы) [Langacker 1987; 1991; 1999], Ж. Фоконье и М. Тернер (теория концептуальной интеграции), Э.Рош (теория прототипов и категориальная семантика [Rosch 1973; 1975], Л. Талми (концептуальная грамматика, теория силового взаимодействия, противопоставление фигуры и фона [Talmy 1978; 2000; 2003]), Ф. Джонсон-Лэрд (теория ментальных моделей), Т. А. Ван Дейка (когнитивная модель понимания дискурса), Ч.Филлмор (семантика фреймов, грамматика конструкций [Fillmore 1982; 1988]), М.Джонсона (образные схемы [Johnson, 1987]).

В России основы когнитивной лингвистики были заложены в трудах Е.С. Кубряковой. По словам О.В. Александровой «Вместе с когнитивной наукой появилась и когнитивная лингвистика, что совершенно понятно, так как язык – это важнейшее средство мыслительной деятельности человека» [Александрова 2005: с. 42–43]. Так как язык тесно связан с мышлением человека, и именно язык позволяет наиболее естественный доступ к сознанию. Язык позволяет не только

сообщить о структурах сознания, но и описать их на любом естественном языке. Обращение к языку в рамках когнитивной науки также связано и с тем, что язык представляет собой едва ли не самую яркую когнитивную способность человека.

Н.Н. Болдырев утверждает особое преимущество использования когнитивного подхода к языку: «Когнитивный подход к изучению языка позволяет не только взглянуть на использование языка как внутреннего мира человека, но и на то, как язык позволяет познать внешний мир сознанием человека» [Болдырев 2001: 22].

В когнитивной лингвистике мы видим новый этап изучения сложных отношений языка и мышления.

Как отмечает З.Д. Попова, когнитивная лингвистика зародилась в недрах психолингвистики. Именно психолингвисты обосновали существование невербального мышления, существование в сознании людей концептосферы, состоящей из квантов знания – концептов и вечно обновляющейся, постоянно изменяющейся. Знаки языка создаются людьми для обмена важной информацией, то есть для наиболее общераспространенных и коммуникативно востребованных концептов, что знаки языка лишь пунктир на пространстве концептуальных смыслов, что концептосфера намного объемнее и шире, чем та ее часть, которая обозначена языковыми средствами. Эти теоретические достижения психолингвистики стали основой для создания методологии когнитивной лингвистики [Попова 2006: 74].

Термин концепт в последние три десятилетия стал широко использоваться в лингвистике. В лингвистических школах различных стран появляются направления и целые школы, которые актуализируют именно лингвокультурологический подход к языку, о чем свидетельствуют многочисленные исследования русских и зарубежных лингвистов. При подобном подходе язык уже представляется не только кодом, но также и средством выражения системы ценностных ориентаций по отношению к конкретному объекту. В связи с этим особое внимание в современной лингвистической

литературе уделяется исследованию лингвокультурного концепта, который представляет собой ментальную единицу, отличающуюся национально-культурной спецификой и обладающую лексико-семантической объективацией в языке как на уровне лексики, так и на уровне фразеологической системы языка.

В сопоставительном языкознании в разной степени изучаются выделяемые на данный момент уровни языка. Наибольшей популярностью пользуются сопоставления в области лексики и фразеологии. З.Д. Попова утверждает, что проявление национально-культурной специфики во фразеологии наиболее ощутимо. Ничто так не отражает культуру, быт, традиции, верования, мифологические представления народа, как фразеологический фонд его языка [Попова 1985: 116]. Лексика непосредственно связана с предметами и явлениями материального мира, с историей общества. С помощью лексических единиц закрепляется и передается от поколения к поколению общественный опыт. Поэтому лексическая система больше всего обусловлена категориями материального мира и социальными факторами.

По словам Ю.С. Степанова, в семантике ключевых терминов культуры сочетается значение обиходных слов и господствующие в обществе идеи [Цит. по Сулименко 2006: 39]. По его мнению, своеобразие лексико-семантических систем связано не с тем, что язык «творит» действительность, а лишь со специфическим отражением в языке объективной действительности. Когнитивная семантика определяет для разных языков разные модели фрагментов языковой картины мира. Задачей исследователей концепта в разных языках состоит в сопоставлении семантических пространств, что позволяет обнаружить общечеловеческие универсалии в отражении окружающего мира и в то же время дает возможность увидеть специфическое, национальное в наборе концептов. Проявление национальной специфики концептосферы того или иного народа выражается либо в национальных различиях в содержании близких концептов у разных народов, либо в наличии несовпадающих концептов в концептосфере. Национальная специфика концептов проявляется в следующем:

- в наличии несовпадающих когнитивных признаков;
- в разной яркости тех или иных когнитивных признаков;
- в разной полевой организации одноименных концептов, в различиях образного компонента, интерпретационного поля;
- в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата. При сопоставлении таджикского и китайского концепта «семья» учитывались все проявления национальной специфики концептов.

Среди множества школ в современной когнитивной лингвистике следует выделить научную школу Воронежского университета (З.Д. Попова, И.А. Стернин), на идеях которой в рамках семантико-когнитивного подхода к языку выполнено и наше исследование. Главное положение этой методологии состоит в том, что через изучение семантики языковых знаков можно описывать концептосферу человека. На основе этого методологического положения были разработаны методы анализа, позволяющие обнаруживать особенности национального и группового сознания, а также описывать разнообразие индивидуально-авторских концептосфер.

В таджикском языкознании исследования в области когнитивной лингвистики начались в первое десятилетие 21 в., уже защищено несколько диссертационных работ в данной области (А.Пак, И.Будна, З.Гулова, М.Мамедова и др.), проводятся многочисленные исследования, посвященные концептам и концептосфере, национальной языковой картине мира, ассоциативному полю, ментальности, метафоризации концептов и др. В основном данной проблемой занимается только кафедра теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета во главе с доктором филологических наук, профессором Искандаровой Д.М.

Любое слово как единица языка соотносится с предметом или явлением реального мира. Однако в языках предметы и явления обозначаются разным комплексом звуков, а самое главное в разных культурах могут быть разными и

культурные представления о них. Поэтому правы те, кто утверждает, что язык не просто отображает мир, он строит идеальный мир в нашем сознании. Именно поэтому современная лингвистика проявляет большой интерес к сравнительно-сопоставительному анализу различных концептов как в родственных, так и неродственных языках. Когнитивная лингвистика использует язык как один из самых достоверных инструментов исследования содержания ментальных единиц языка.

Концепт «семья» относится к ключевым фрагментам концептосферы (термин Д.С. Лихачева), представляющим национальную культуру и ментальность в концентрированном виде, соотносясь с такими важными сферами человеческой жизни, как хозяйственно-экономическая, этическая, психологическая, образовательно-воспитательная, культурно-духовная и др. Концентрируя в себе морально-нравственные ценности лингвокультурной общности, «семья» представляет собой некую опорную точку в познании национального менталитета, аккумулирующую в себе важнейшие понятия материальной и духовной культуры нации. Значимость концепта «семья» и его сопряженность с выявлением особенностей национального менталитета делает особенно актуальным его изучение на занятиях по русскому языку как иностранному.

Актуальность исследования концепта «семья» связана с важностью описания основных культурных концептов современной концептосферы в таджикском и китайском языках с целью выявления национальной специфики данного концепта в таджикской и китайской культурах.

Теоретической основой работы послужили семантические и когнитивные концепции, представленные в работах Аскольдова С.А. (1997), Бабушкина АЛ. (1996, 2001), В.Н. Базылева (2005), Богдановой С.Ю. (2006), Болдырева Н.Н. (2001, 2004, 2005), Вежбицкой А. (1997, 2001), Воркачева С.Г. (2001–2005), Воробьева В.В. (1997), Демьянкова В.З. (1992, 1994, 2005), Залевской А.А. (1996, 2001, 2005), Карасика В.И. (2001, 2002, 2005), Кубряковой Е.С. (1997, 2004, 2006),

Лихачева Д.С. (1993), Никитина М.В. (2004), Пименовой М.В. (2003, 2006), Поповой З.Д. (1999–2008), Рахилиной Е.В. (1998, 2000), Степанова Ю.С. (1997), Стернина И.А. (1999–2008), Слышкина Г.Г. (2001), Уфимцевой Н.В. (1988, 1995, 2000, 2006), Фрумкиной Р.М. (1992), Хохловой Н.В. (2003) и др.

Целью диссертационного исследования является описание состава и семантики языковых средств, объективирующих концепт «семья» в таджикском и китайском языках, установлении национальной специфики языковой объективации исследуемого концепта и в описании на базе полученных результатов национальной специфики содержания и структуры исследуемого концепта в таджикской и китайской концептосферах.

Для достижения поставленной цели в диссертации последовательно решаются следующие **задачи**:

1. Определение понятийного аппарата когнитивной лингвистики, необходимого для исследования;
2. Определение методики исследования концепта, позволяющей обеспечить его содержательное описание;
3. Анализ языковых средств объективации концепта «семья» на основе лексикографических данных, фразеологического и паремиологического фондов таджикского и китайского языков;
4. Когнитивная интерпретация результатов семантического описания средств языковой объективации исследуемого концепта;
5. Сопоставительный анализ построенных моделей с целью выявления национальной специфики исследуемого концепта в таджикской и китайской концептосферах.

Научная новизна диссертации состоит в подробном описании национальной специфики и определении существенных признаков концепта «семья» в таджикском и китайском языках, установлении общих и индивидуальных характеристик этого концепта в таджикской и китайской лингвокультурах на материале лексико-фразеологической и паремиологической

систем с учетом особенностей выражения этого концепта в национальном сознании носителей таджикского и китайского языков. В работе впервые описаны содержание и структура концепта «семья» в таджикской и китайской концептосферах с использованием метода семантико-когнитивного анализа, выявлено соотношение универсальных и национально-специфических признаков в структуре таджикского и китайского концепта «семья», выявлена специфика языковой объективации исследуемого концепта в таджикском и китайском языках.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что диссертационная работа вносит определенный вклад в изучение языковой семантики и в область решения проблемы оптимизации межкультурного общения, выявляя идиоматические особенности языка, образующего этнокультуру, представляя вариативность существования комплекса сем в рамках концепта «семья» и предполагает дальнейшее исследование в области когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, лингвокультурологии. Исследование лингвистической сущности концепта «семья» способствует дальнейшей разработке комплексного подхода к анализу семантических признаков на стыке семасиологии, стилистики, психолингвистики, лингвокультурологии.

Практическая значимость. Результаты данной работы могут быть использованы в лекционных курсах по общему языкознанию, сопоставительной лингвистике, когнитивной лингвистике, методике лингвистического анализа, при преподавании иностранного языка, в обучении межкультурной коммуникации и подготовке учебных пособий по страноведению и лингвокультурологии.

Теоретико-методологическая база исследования: В качестве теоретико-методологической базы использованы труды таджикских, китайских, российских и других зарубежных исследователей в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лексической семантики, лингвострановедения.

Выполненное исследование базируется на следующих **положениях, доказанных в лингвистической литературе:**

1. В каждом языке специфически отражается опыт народа.
2. Значения языковых единиц оказывают влияние на мировосприятие и поведение людей – носителей той или иной лингвокультуры.
3. Единицей лингвокультуры является концепт.

Объектом исследования выступают языковые средства объективации концепта «семья» в таджикском и китайском языках.

Предметом исследования является национальная специфика содержания и структуры концепта «семья» как элемента таджикской и китайской концептосфер.

В работе использованы **следующие методы:** описательный метод, методы семного, компонентного и лингвокогнитивного анализа, метод когнитивной интерпретации, методы количественного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт «семья» является актуальным для современного таджикского и китайского языкового сознания, имеет в таджикском и китайском языках обширное номинативное поле, репрезентированное широким кругом лексических и фразеологических единиц.
2. Концепт «семья» является одним из наиболее коммуникативно релевантных концептов таджикской и китайской концептосфер.
3. Концепт «семья» как в таджикском, так и в китайском языковом сознании имеет объемное и разнообразное когнитивное содержание. При этом китайское когнитивное сознание концептуализирует семью гораздо более разнообразно и по большему числу параметров, чем таджикское.
4. Концепт «семья» в таджикском и китайском языках является композитивным ментальным образованием, представляющим собой интегральную совокупность ряда более конкретных концептов: *муж, жена, мать, отец, дети, родственники* и т.д., которые образуют его содержание в своем единстве. Концепты-компоненты в концепте «семья» образуют вариативный и открытый

концептуальный ряд. Таким образом, композитивный концепт «семья» является открытым композитивным концептом в отличие от закрытых композитивных концептов, образуемых постоянными концептами-компонентами.

5. Концепт «семья» в сопоставляемых языках имеет существенные типологические сходства. Высокий уровень образной конкретизации концепта «семья» в обеих концептосферах, обширная регулятивная зона, наличие противоречивых признаков в энциклопедическом и интерпретационном поле, противоречивая оценочность, преобладание периферийных когнитивных признаков в содержании концепта свидетельствуют о том, что композитивный концепт «семья» как в таджикском, так и в китайском языковом сознании является диспозициональным (вероятностным) по своему типу, преимущественно субъективным по содержанию и имеет морально-этическую акцентуацию.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были изложены в докладах на научной конференции «Славянские чтения» в РТСУ (2013, 2014, 2015, 2016 гг.). Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры теоретического и прикладного языкознания РТСУ.

Объем и структура исследования. Диссертационное исследование, общим объемом 192 страницы, состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1 Аспекты исследований в когнитивной лингвистике

Когнитивная лингвистика как особое направление языкознания сложилась в последние два десятилетия прошлого века и особое развитие получила в последнее десятилетие третьего тысячелетия, хотя основы ее были заложены в трудах классиков еще в 19 веке. Это прежде всего труды В. фон Гумбольдта о народном духе, А.А.Потебни об активной роли языка в процессах познания, И.А.Бодуэна де Куртене о языковом мышлении, Н.В.Крушевского об интерпретации семантического пространства языка, И.И.Мещанинова о понятийных категориях. У истоков когнитивного взгляда на язык в российском языкознании стояли Е.С.Кубрякова, Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, Ю.С.Степанов и другие.

В конце 20 – начале 21 веков одним из распространенных направлений лингвистических исследований становится изучение языковой репрезентации отдельных концептов, что позволяет говорить о становлении лингвоконцептологии. Предметом изучения новой научной дисциплины являются опредмеченные в языке культурные концепты. Лингвоконцептологию многие исследователи рассматривают как теоретическую базу межкультурной коммуникации. Одной из предпосылок достижения успеха в межкультурной коммуникации является общность когнитивной базы языков-коммуникантов. Знание о системе ключевых концептов иной лингвокультуры дает возможность как реального и правильного восприятия речи собеседника, так и создание обратного положительного эффекта. Поэтому при сопоставлении концептов разных языков важным представляется как выявление универсальных явлений,

так и определение национально-культурной специфики концептов, обусловленной различиями национально-культурных традиций.

По мнению В.И.Карасика, изучение концептов является одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики. Изучение концептов привлекает внимание многих исследователей, так как их рассмотрение уводит за рамки дефиниционно-понятийного анализа. Концепт включает в себя обширную ассоциативную зону смыслов, которые не всегда вербализованы. Изучение таких смыслов требует обращения к исследованиям антропологов, психологов, социологов, культурологов. Концептологический анализ является междисциплинарным исследованием, проявлением знаковой характеристики современного гуманитарного знания [Карасик 2005: 184–185].

Несмотря на то, что лингвоконцептология является очень молодой междисциплинарной наукой, в ней сложились различные школы и направления, отличающиеся пониманием предмета дисциплины, методами и приемами исследования. В качестве основных подходов к осмыслению концепта выделяются лингвокогнитивный и лингвокультурный.

Одной из известных и авторитетных школ является воронежская школа под руководством И.А. Стернина. Основной идеей указанной школы является семантико-когнитивный подход к языку в рамках лингвокогнитивной концептологии, в которой ставится задача моделирования содержания концепта с применением методики когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования и определения места концепта в национальной концептосфере [Карасик 2007: 9]. Школа И.А. Стернина снискала серьезный авторитет в исследовании концептов.

Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы дополняют друг друга, так как именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование [Карасик 2007: 12].

1.2 Различные подходы к трактовке концепта

Представители школ лингвоконцептологов в одинаковой степени признают, что концепт является основной единицей сознания, он имеет овеществление языковыми средствами. Именно поэтому через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт. Хотя вместе с тем отмечают, что описание, основывающееся только на языковых данных, не является исчерпывающим в связи с наличием невербальной части содержания концепта. Однако именно концепт является наиболее приемлемой единицей при сопоставлении языков и культур.

В лингвоконцептологии не все вопросы, связанные с пониманием сущности концепта, до конца решены. Появляются новые работы, посвященные систематизации точек зрения на понятие «концепт». Ведутся споры вокруг разграничения концепта и категории, концепта и значения, концепта и понятия, концепта и концептуальной сферы [Карасик 2005: 24–27; Шафиков 2007: 3–17]. Во многих лингвоконцептологических исследованиях данные понятия употребляются в качестве синонимов, авторы не считают необходимым разграничить данные термины и привести их чёткие определения, что создаёт терминологический разнобой и не способствует ясности исследования.

Так как термин «концепт» (от лат. *conceptus* – «мысль», «понятие») является междисциплинарным, то в зависимости от направления научного исследования термин получает разное определение, а именно философское, психологическое, культурологическое, лингвистическое и т.д. (культурологическое определение дано в «Словаре констант русской культуры» Ю.С. Степанова, логико-философское определение дано в работах Н.Д. Арутюновой, психолингвистическое определение концепта можно обнаружить в работах А.А. Залевской, лингвокультурологическое понимание концепта отражено в работах В.И. Карасик). Как справедливо отмечает в своей диссертации «Концепт

«женщина» в русском языковом сознании» Адонина Л.В., «концепт трактуется как представление [Аскольдов-Алексеев 1997: 271]; как «алгебраическое выражение значения» [Лихачёв 1997: 281]; ключевое слово культуры [Вежбицкая 1999]; «сгусток культуры в сознании человека», «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 43]; как знание об обозначаемом во всех его связях и отношениях [Телия 1996: 100]; как содержательная единица памяти, представляющая собой кванты структурированного знания [Бабина 1996]; как содержание понятия в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения [Степанов 1997: 40]; как «зерно первосмысла» [Колесов 2002: 51]; как «квант знания», «семантический эмбрион», или «смысловый ген» значения языкового знака [Алефиренко 2003: 4]; инвариант значения лексемы [Рахилина 2000: 281]; сложный комплекс признаков, который используется для описания фрагмента мира или части такого фрагмента [Пименова 2003] и т.п.». По «Краткому словарю когнитивных терминов», «понятие концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [Кубрякова 1996: 90].

Концепты, по С.Г. Воркачеву, концентрируют в себе духовное богатство нации. В них отражается дух народа, что определяет их антропоцентричность, т.е. ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания [Воркачев 2003: 7].

Именно поэтому, несмотря на многочисленные исследования, даже в рамках одного научного направления термин концепт до сих пор не имеет однозначного определения. «Дело в том, что концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это даёт большой простор для её толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов,

культурологов, и она несёт на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [Попова, Стернин 2006: 21].

Мы вслед за Карасиком В.И. под концептом понимаем «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2002: 129].

В соответствии с данным определением концепта в нашей работе используется комплекс методов исследования его репрезентации в языке, включающий изучение коллективного языкового сознания, кодифицированного в лексике, фразеологии и паремиологии сопоставляемых языков. Концепт реализуется в совокупности языковых средств. Сюда относятся языковые средства, которые эксплицируют и уточняют содержание концепта. Целью концептуального анализа является, во-первых, выявление парадигмы культурно-значимых концептов и описании их концептосферы, во-вторых, в определении содержания концепта: синонимов и дефиниций слова-имени, фразеологизмов, пословиц, поговорок, в которых представлен концепт. Все эти репрезентации являются источником знаний о содержании концепта [Катаева 2004: 25].

Для сопоставительного изучения лингвокультурных концептов детальному анализу должны быть подвергнуты ценностная, образная и понятийная составляющие концептов, выявлены универсальные компоненты концептов, которые и являются основой для сопоставления, а также этноспецифические компоненты.

Язык рассматривается в тесной связи с общественной жизнью его носителей, бытом, культурой. Совокупность этих знаний составляет мир изучаемого языка, без которого невозможно понять языковые явления. Слова с особыми культурно-специфичными значениями отражают не только образ жизни, характерный для носителей конкретного языка, но и образ мышления [Вежбицкая 1999: 268; Тер-Минасова 2000: 78]. В основе семантических систем языков лежат понятийные системы, которые сформировались в сознании носителей той или иной лингвокультурной общности. Многие исследователи отмечают значимость

универсальных, общечеловеческих факторов для формирования понятийных систем: единство материального мира, условий жизни, межличностные отношения, единое направление деятельности людей, общность механизмов восприятия окружающей действительности и т.д.. При всех общих условиях, в жизни каждого народа есть свойственные только ему специфические реалии культуры, быта, сферы общественных отношений. Семантические системы разных языков и отдельные элементы этих систем содержат несовпадающие элементы, определённую национально-специфическую информацию, известную только данной национально-культурной общности людей. Когнитивистика утверждает, что культура формирует человека; человек как познающий субъект всегда находится под влиянием своей национальной культуры [Демьянков 1994: 19]. Достаточно велика значимость интралингвистических факторов, формирующих уникальную национальную концептуальную модель мира. Язык через его инвентарь, систему значений и их ассоциаций, подключаясь к концептуальной модели мира, окрашивает её в национально-культурные цвета [Телия 1988: 177].

1.2.1 Структура и типология концепта

Другая сложность при исследовании концепта заключается в том, что до конца не определены структура и типология концепта. Ю.С. Степанов в структуре концепта выделяет три основных слоя: буквальный смысл (внутренняя форма), пассивный (исторический), новейший (актуальный и активный) [Степанов 1997: 41]. В.И. Карасик выделяет образный (относит «зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отражённых в нашей памяти»), понятийный («языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно»)

и ценностный («Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить») компоненты концепта [Карасик 2001: 8].

З.Д. Попова, И.А. Стернин в структуре концепта выделяют ядро (базовый слой) и периферию (интерпретационный слой): «Базовый слой концепта может исчерпывать содержание концепта, если он отражает конкретные чувственные ощущения и представления, либо концепт представлен в сознании очень примитивно мыслящих индивидов. В более сложных концептах дополнительные когнитивные признаки (концептуальные слои) наслаиваются на базовый образ и образуют мякоть плода. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные (когнитивные) слои и наслаиваться как слои в облаке от более конкретного слоя к более абстрактному» [Попова, Стернин 2002: 61]. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию и содержит «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [Попова, Стернин 2001: 97].

Пименова М.В. представляет трехчленную классификацию концептов. «Все концепты, так или иначе объективированные в языке, могут быть распределены по трём понятийным (категориальным) классам:

I. Базовые концепты – то есть те концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира; среди них выделяются: 1) космические концепты; 2) социальные концепты; 3) психические (духовные) концепты.

II. Концепты-дескрипторы, которые квалифицируют базовые концепты; среди них присутствуют: 1) концепты, под которыми понимаются различного рода изменения (размер, объем, глубина, высота, вес и т.д.); 2) качественные концепты, выражающие качество (тепло – холод, целостность – партиципность, твёрдость – мягкость); 3) количественные концепты, репрезентирующие количество (один, много, мало, достаточно).

III. Концепты-релятивы, реализующие типы отношений. Среди них выделяются: 1) концепты-оценки (хорошо – плохо, правильно – неправильно, вредно – полезно, вкусно – невкусно); 2) концепты-позиции (против, вместе,

между, впереди – позади (всех), рядом, вверху-внизу, близко-далеко, современный-несовременный); 3) концепты – привативы (свой – чужой, брать – отдавать, владеть – терять, включать – исключать)» [Пименова 2006: 45–46].

Ведущие исследователи концепта утверждают, что он не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека [Аскольдов 1980; Кубрякова 2004; Степанов 1997].

На основании синтеза, обобщения и анализа имеющихся точек зрения и мнений О.Н. Аль Каттан выделяет следующие сущностные признаки концепта:

- общность, абстрактность представления о чем-либо;
- тождественность понимания реципиентами с одинаковым менталитетом и культурной принадлежностью;
- культурно-этническая, историческая значимость для носителей языка;
- участие в формировании концепта коллективного сознания;
- способность к моделированию, схематическому представлению [Аль Каттан 2003: 70].

Каждый естественный язык определенным способом отражает восприятие и концептуализацию мира. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов, которые и составляют как бы своего рода коллективную философию, навязываемую в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности в основном универсален, в отдельных случаях национально специфичен. Отсюда, согласно теории Сепира–Уорфа, носители разных языков могут видеть мир отчасти по-разному, через призму своих языков.

1.2.2 Понятия «концептосферы» и «семантического пространства языка»

Очень важным для исследователей концепта является разграничение понятий «концептосферы» и «семантического пространства языка». Семантика номинативных единиц рассматривается в лингвистике как единство внутреннего и внешнего содержания языкового знака. Внутреннее содержание слова составляет его собственно языковая семантика – сочетание лексического, грамматического, словообразовательного и стилистического значений, где лексические и грамматические значения представляют предметные структурные отношения языкового знака к внеязыковым объектам номинации, словообразовательное и стилистическое значения порождаются деривационными и функционально-смысловыми отношениями, устанавливающимися между единицами внутри языковой системы. Все четыре компонента формируют семантическую структуру слова: смысловую структуру многозначного слова.

Концептосфера – это «совокупность всех знаний и понятий, возникающих при произношении и осмыслении данного слова в сознании индивидуальной личности, а также систему представлений, образов и ассоциаций, рождающихся при сознательном или бессознательном механизме восприятия и ассоциировании. Основной функцией является функция замещения не только основных значений слова, но и всех его возможных вариантов и оттенков употребления» [Лихачёв 1993: 14]. «Концептосфера – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий...абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира» [Попова, Стернин 2007: 12]. Каждый концепт имеет свою концептосферу, которая, в свою очередь, является одним из составных элементов общей концептосферы носителя языка и всего народа. Семантическое пространство языка – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков – «слов, фразеосочетаний,

синтаксических структур» [Рудакова 2002: 54–55]. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует его семантическое пространство. Семантическое пространство имеет только языковое выражение, в отличие от концептосферы, которую образуют концепты – единицы сознания, включающие как вербализованные, так и невербализованные знания. Семантическое пространство языка формируют семемы и денотаты, концептосферу составляют денотаты и смыслы. «Семантическое пространство языка – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка» [Попова, Стернин: 2007: 12].

1.2.3 Способы представления концепта

Реальным выразителем концепта является слово. Именно поэтому анализ концепта часто начинается с анализа структуры слова, т.е. его компонентного анализа. Данный метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка разрабатывается в рамках структурной семантики, его целью является разложение значения на минимальные семантические составляющие [Кузнецов, 1990: 8]. При компонентном анализе на основе словарных дефиниций выявляются характерные для языковой единицы дифференциальные признаки.

Концепт очень близок ментальному миру человека, а через него и к культуре и истории. «Концепты представляют собой коллективное наследие в сознании народа, его духовную культуру, культуру духовной жизни народа. Именно коллективное сознание является хранителем констант, то есть концептов, существующих постоянно или очень долго время» [Степанов 1997: 76].

Языки существенно отличаются друг от друга своим семантическим пространством, так как у них различная вербализация значения и различная структурная организация концепта. В разных языках концепт охватывает

неодинаковые фрагменты действительности, вложенные в основу, ядро концепта, т.е. в основу одних и тех же концептов у разных народов могут быть вложены разные признаки. С этой точки зрения сопоставление концептов одной концептосферы в разных языках даёт интереснейший материал для лингвиста. Семантическое пространство языка даёт информацию только о части концептосферы, концептосфера гораздо объёмней и шире семантического пространства языка, хотя оба явления представляют мыслительную сущность носителя языка и потому тесно связаны друг с другом. Языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта. Значение слова – это лишь попытка дать общее определение о содержании выражаемого концепта, очертить известные границы представления его отдельных характеристик данным словом [Кубрякова 2001: 22–23]. «Когнитивная картина мира существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, языковая картина мира – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное пространство языка» [Попова, Стернин 2007: 6].

Концепт реализуется в языке через то или иное лексико-фразеологическое поле, имеющее определённый состав и структуру, т.е. представляющее собой упорядоченный набор лексических и фразеологических единиц, находящихся в определённой иерархии. Состав лексико-фразеологического поля обусловлен степенью коммуникативной релевантности этих единиц и представленностью в их значении того или иного семантического компонента.

Семантическую структуру языковой единицы можно наложить на соответствующие когнитивные образования, в результате чего можно говорить о сочетании этих двух аспектов в когнитивной семантике, которая имеет существенные отличия от классической семантики. Здесь кроме чисто языковых значений накладываются экстралингвистические знания, связанные с концептуализацией и категоризацией, что в конечном итоге приводит к

формированию национальной картины мира. Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов, (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов). Например, концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т. д. [Кубрякова 2001: 10–34]. «Категоризация – это деление мира на категории (включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или объектов). Вместе с тем, категоризация как познавательный процесс – это мысленное соотнесение объекта или события с определённой категорией. Соответственно обмен информацией с помощью языка сводится к соотнесению с имеющейся у человека системой знаний, к идентификации предметов и событий, т. е. с определением категорий» [Алефиренко, Корина 2011: 24]. Когнитивная семантика обращена не только к значению языковых единиц, но и к невербальной информации, что позволяет исследовать семантику как сложную и саморегулирующую систему. В когнитивной семантике можно изучать концепт в двух аспектах: когнитивно-дискурсивном и когнитивно-лингвокультурологическом. В сопоставительном изучении концептов разных языков оба указанных аспекта следует сочетать в исследовании.

Когнитивно-дискурсивный принцип исследования семантики расширяет поле анализа значения. Если традиционная семасиология утверждает, что значение языкового знака в системе языка определяется его парадигматическими и синтагматическими связями, то когнитивная семантика рассматривает значение языкового знака в его дискурсивных связях, т. е. во взаимоотношениях когнитивного субстрата данного языкового знака с другими элементами когнитивного контекста.

Объективная значимость когнитивных контекстов в процессах формирования и понимания языковых значений обуславливает важность опоры в когнитивно-дискурсивном анализе как на языковые, так и на неязыковые сведения. Такой подход обеспечивает связь языковой семантики с культурно

маркированной информацией дискурса. Подобный подход переводит исследование из описательной дисциплины в когнитивно-семиологическую.

Цель когнитивно-лингвистического исследования заключается в следующем: описав значение всех слов и выражений, репрезентирующих тот или иной концепт в национальном языке, систематизировать, т.е. системно описать, представить в упорядоченном виде участок системы языка, репрезентирующий данный концепт (семантическое, лексико-семантическое, лексико-грамматическое, синтаксическое поле) [Кубрякова 2001: 49]. Важной теоретической проблемой является проблема национальной специфики концептов. В концептуальной сфере разных народов наблюдается значительно больше сходств, чем в языковой сфере. Сходство значительной части концептосфер обеспечивает переводимость с одного языка на другой – переводчик постигает концепт языка оригинала, которые выражает через языковые средства, наиболее адекватно отражающие данный концепт. [Вежицкая 1997: 28]. Когнитивное направление основывается на том, что «язык представляет наиболее естественный доступ к сознанию» [Кубрякова 1997] и является одним из «наиболее характерных типов когнитивной деятельности» [Лакофф 1988]. Подобный подход предоставляет возможность увидеть анализируемые единицы, как результат взаимодействия языка, культуры и мышления, описать их, обращая особое внимание на национально-специфические характеристики, что не всегда удаётся сделать при традиционном подходе. Исследуя концепт «семья» в таджикском и китайском языках, мы обращаемся к анализу когнитивной деятельности языкового коллектива и пытаемся анализировать языковые единицы в их взаимосвязи с исторически сложившейся предметной сферой и социокультурной средой. Когнитивная деятельность – это процесс концептуализации фрагментов объективного мира; под концептом понимается мыслительный аналог фрагментов объективного мира. В концепте закрепляются сведения разных единиц оперативного сознания: понятия, образы, представления.

Концепт представляется как совокупность знаний об определённом объекте действительного мира, структурированных во фрейм. Предельными единицами анализа концепта выступают другие концепты, организованные в составе лексического значения в определённую структуру. Формирование концепта происходит в процессе общественной деятельности языкового коллектива, поэтому в концептуальной информации содержатся специфические сведения о мире, социальные, культурные и исторические факторы развития общества.

Концепт, одновременно имеет материальное основание и носит идеальный характер, и представляет собой абстракцию довольно высокого уровня и значительной степени обобщённости [Кубрякова 1988: 143; Телия 1996: 97].

В концепте совокупно представлены знания всех единиц оперативного сознания: понятия, представления, образы [Кубрякова 1988: 143]. Под понятием понимается высший продукт деятельности мозга, одна из важнейших разновидностей отражения объективной действительности [Кубрякова 1988: 143]. Представление отличается от понятия тем, что это более конкретная, чем понятие, форма отражения, основанная на прототипическом образе объекта или явления действительного мира.

Внутренняя форма слова – образ, лежащий в основе значения или употребления слова, которая может быть объяснена только на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово. Во внутренней форме слова выражается не только толкование действительности, но и её оценка. Оценке принадлежит творческая роль в изменениях значений.

Концепт содержит понятие, т.е. категориально-таксономическое представление знания об объекте реального мира, а также включает представление носителей данной культуры о разнообразных свойствах обозначаемого объекта, т.е. типовой образ. Концепт – сложное образование, содержащее не только информацию об отражённом объекте, но и образные схемы, существующие в коллективном сознании. Концептуальное знание

тождественно семантическому знанию, представленному в виде фреймов. Фрейм представляет собой особую организацию знания, необходимого для понимания тесно связанных между собой слов [Филлмор 1988].

Фреймы представляют собой структуры узлов и отношений, которые придают связность тому или иному аспекту человеческого опыта [Кубрякова 1996: 188–189]. Фрейм позволяет учитывать все многообразие связей анализируемого концепта с другими концептами в рамках данной ситуации. То есть фрейм – своего рода посредник между значением языковой единицы и выполняемой ею знаковой функцией [Телия 1996: 91–92]. Он обеспечивает условия конкретизации лексического значения в конкретной речевой реализации слова.

Фрейм имеет двойственную природу: с одной стороны, он представляет собой совокупность слов, связанных между собой определённой ситуацией действительного мира, то есть является некоторым образом структурированной лексической подсистемой, а, с другой стороны, фрейм – это средство организации и инструмент познания. По Ч.Филлмору фрейм – «набор слов, каждое из которых обозначает определённую часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого» [Филлмор: 49]. Лексическим представителем фрейма может быть изолированное слово и переменное или устойчивое словосочетание. Под фреймом понимается система слов и словосочетаний, организованных вокруг некоторого понятия, некоторого фрагмента действительности.

Однако в языках есть лакуны, отсутствие лексем для тех или иных концептов, и безэквивалентные единицы – единицы, присущие только данной языковой системе и отсутствующие в других языковых системах. Безэквивалентные единицы языка свидетельствуют о наличии национального концепта. Лакуна – отсутствие лексемы при наличии концепта и семемы в лексико-семантической системе языка. Таким образом, безэквивалентная лексика сигнализирует об отсутствии концепта в концептосфере народа, а лакуны – об отсутствии лексем или семем при наличии концепта. Анализ репрезентации

одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в разных способах репрезентации одного и того же концепта, в степени потребности или обобщённости репрезентации концепта в разных языках, в количестве и наборе лексем, фразеологических сочетаний, репрезентирующих концепт, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке. Таким образом, может быть выявлена национальная специфика репрезентации концепта в разных языках.

С точки зрения когнитивно-семасиологического содержания языкового знака концепт – это культурно-семиотический феномен, поскольку обладает способностью отражать не только смыслы, облачённые в языковую форму, но и так называемые невербализованные смыслы. Между концептом и понятием нет знака равенства потому, что концепт синкретичен, т.е. является одновременно и суждением, и понятием, и представлением. Поскольку в его структуре сосуществуют логическое и образное начало, по сути своей термину *концепт* синонимично «обыденное образное понятие». «Такого рода «природное» своеобразие концепта обеспечивает ему широкие когнитивно-семасиологические возможности: он одновременно и *стимул* (источник) семантического развития языкового знака, и его *продукт*. В последней своей ипостаси, будучи конечным пределом развития и формирования семантики слова, концепт, с одной стороны, служит его интенционалом, образующим семантическую инвариантность знака, а с другой, – выступает источником его импликационала, поскольку направляет когнитивный поиск, обеспечивающий говорящим возможности выбора средств речевой реализации его смысловой архитектоники [Алефиренко, Корина 2011: 41].

Концепт – это не форма, а способ схватывания смысла – связывание суждений (высказываний) в одну точку зрения на тот или иной предмет. «Схватывание смысла» – это своего рода попытка понять, каким образом нашему языковому сознанию представляется когнитивное содержание языкового знака.

Это в свою очередь ставит вопрос о том, как порождается концепт в процессе того или иного речемыслительного акта, что служит тем связующим мостиком, по которому осуществляется перевод когнитивной структуры в языковую. [Алефиренко, Корина 2011: 41]. В. фон Гумбольдт считает таким «мостиком» внутреннюю форму слова. Она может выступать формой форм как чувственной, так и смысловой данности. Внутренняя форма слова, в отличие от понятия – категории объективной, классифицирующей, статичной, логической, характеризуется способностью к субъективному, переживаемому, динамичному и поэтому лингвокреативному представлению предметов номинации в языковом сознании говорящих на определённом языке. «Внутренняя форма как закон смыслового развития слова не может быть ни самим смыслом (равно как и образом, сопровождающем представление, механизмом ассоциации и апперцепции), ни этимологически исконным значением слова. Она – продукт дискурсивного мышления, служащий для нашего языкового сознания импульсом, толчком, отправным пунктом для преодоления тех противоречий, которые так или иначе имплицированы в концепте в виде скрытой когнитивно-дискурсивной энергии, определяющей творческий потенциал языкового знака. Преодоление этих противоречий доступно всем говорящим на данном языке, поскольку осуществляется по повторяющимся законам живого комбинирования словесно-логических единиц, т. е. по словесно-логическим алгоритмам. Именно такого рода алгоритмы позволяют назвать способы представления смыслового содержания в языковом знаке его внутренней формой. ... Внутренняя форма слова, таким образом, как пограничный элемент когнитивной и языковой семантики» [Алефиренко, Корина 2011: 42].

«Следовательно, если объект знакообозначения условно назвать внешней формой речемышления, а актуальное значение языкового знака – оптической формой, то лежащие между ними логические формы следует считать внутренними и по отношению к первым, и по отношению ко вторым» [Шпет 2003: 400].

1.2.4 Лингвокультурные концепты в аспекте межъязыкового сопоставления

Лингвокультурный концепт рассматривается исследователями как «сгусток» этнокультурного отмеченного смысла, который вербализован и это имя совпадает с названием лексической доминанты его лингвоментальной сущности. Под определение лингвокультурного концепта попадают имена конкретных предметов (например, «матрёшка» [Карасик 2002: 145] и имена предметов при условии их включенности в ассоциативное поле определённой культуры, имена прагматических лакун в межъязыковом сопоставлении («берёза», «черёмуха», «рябина» и пр.), имеющие созквивалентное предметное значение [Воркачев 2003: 28]. К их числу, как отмечает А. Вежбицкая, относятся имена национально-специфических понятий, которые при сопоставлении языков находят лишь частичное соответствие, имена духовных ценностей, составляющих мировоззренческие универсалии («красота», «свобода», «вера», «любовь», «истина», «справедливость», «судьба» и пр.). Их лингвокультурная специфика в языках трудноуловима, поскольку в них закодированы определённые способы концептуализации мира [Вежбицкая 1999: 434]. Межъязыковое сопоставление возможно при изучении лингвокультурных концептов, реально вербализованных в языках. В аспекте сопоставительного изучения лингвокультурный концепт – это сложное ментальное образование, полученное «погружением в культурную среду».

С.Г. Воркачев предлагает среди лингвокультурных концептов выделять концепты-уникалии и концепты-универсалии. В их семантическом составе выделяются однородные составляющие, основными из которых являются: 1) понятийная, рационально-дискурсивная, включающая признаки, необходимые для родо-видовой идентификации концепта; 2) метафорически-образная, эмоционально-чувственная, куда входят модели семантического переноса, «воплощающие» абстрактные сущности; 3) «значимостная», системно-языковая,

объединяющая признаки, связанные с формой существования «знакового тела» концепта и способами его вербализации в определённом языке; 4) гносеологически и аксиологически оценочная, включающая признаки, связанные с ценностными характеристиками концепта [Карасик 2002: 129]. Все эти составляющие выделяются и в семантическом прототипе, формируемом для межъязыкового сопоставительного описания лингвокультурных концептов высшего уровня. Наряду с концептами-универсалиями существуют и концепты-мировоззренческих универсалий, способные к смене имени при переходе из одной дискурсивной области в другую, проявляя потенциальную разноименность: «счастье» – «блаженство», «справедливость» – «правда», «свобода» – «воля», «любовь» – «милость» и пр. В области понятийной составляющей при межъязыковом сопоставлении концепты-универсалии отличаются не только простым набором сем, но и способом их организации: тем, как эти семы взаимодействуют, образуя концептуальные блоки, в котором концепт получает свою этнокультурную определённость [Воркачев 2002: 58].

В нашей работе сопоставительному исследованию подвергается лингвокультурный концепт «семья», изучение вербализации которого осуществляется на материале таджикского и китайского языков в синхронии. Любое сопоставительное исследование результативно лишь при условии соблюдения необходимых логических требований сравнимости объектов [Кондаков 1975: 568], которые должны быть однородными. Сравнимые объекты должны принадлежать к одному логическому классу, а признак, по которому они сравниваются, должен быть существенным и относиться к числу свойств, формирующих качественную определённость этих предметов.

Основанием для сравнения являются свойства, по которым сопоставляются объекты. При сопоставлении формируется, как предлагает С.Г. Воркачев, набор семантических признаков, совокупность которых образует «эталон сравнения», обеспечивающий возможность сопоставительного изучения объектов по всей полноте свойств, образующих их качественную определённость. Признаки,

составляющие эталон сравнения, упорядочиваются иерархически и количественно, на них выстраиваются отношения логической выводимости и транзитивности, а их совокупность приобретает черты семантической теории, которая при определенной степени эксплицитности и формализованности может считаться семантической моделью или прототипом [Воркачев 2003].

1.3 Языковая и концептуальная картина мира

Термин «картина мира» получило широкое употребление во многих гуманитарных науках, однако в лингвистике и культурологии данное понятие стало наиболее употребительным. В лингвистике понятие языковая картина мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта, а также к идеям неогумбольдтианства и гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа. «Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», – писал В. фон Гумбольдт. В своём труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» [Берлин, 1836] Гумбольдт первым высказал мысль о неразрывной связи языковой картины мира с процессом коммуникации в человеческом обществе: «Люди понимают друг друга не потому, что передают друг другу знаки вещей, и не потому, что взаимонастраиваются на точную и совершенную репродукцию одного и того же понятия, а потому, что один в другом взаимно дотрагиваются до одного и того же звена в цепи своих смысловых представлений и основы внутренних понятий, нажимают на одну и ту же кнопку духовного инструмента, благодаря чему в сознании каждого из них всплывают соответственные, хотя и не тождественные, понятия» [Гумбольдт 2000: 135].

Следует отметить, что взаимопонимание между представителями различных народов имеет место на лингвистическом, ментальном и культурном уровнях сознания. Лингвисты при сравнении языков учитывают не только схожесть или различие в их культуре, но и мировидение носителей

рассматриваемых языков, говоря иными словами, языковые картины мира. Но «мировоззренческие понятия личностны и социальны, национально специфичны и общечеловечны одновременно. Они живут в контекстах разных типов сознания – обыденном, художественном и научном. Это делает их предметом изучения культурологов, историков религий, антропологов, философов и социологов» [Лихачев 1991: 3].

Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в лексико-фразеологических единицах представлений народа об окружающей действительности в определенную историческую эпоху. Именно поэтому изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенной эпохи, позволяет судить о когнитивной картине мира народа. В современном языкознании картиной мира называют целостный глобальный образ мира, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека (В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов). «Картина мира» является одним из основных понятий, выражающих специфику отношений человека с окружающим его миром [Серебренников 1988]. «Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2003: 4].

Современные когнитивисты доказывают факт, что человек мыслит образами, которые облачаются в слова, т.е. вербализуются посредством языка. По организации языка можно судить о внутренней структуре и расчленённости образов: «Очевидно: то, что трудно даётся человеку в системе образов, то трудно воплотимо и в языке, так как язык – это инструмент установления смысловых связей между словами, скрывающими под собой образы явлений» [Малышев 2009: 26].

Прослеживая связь познавательных процессов с языком, Е.В. Клобуков отмечает: «Человек в ходе своей познавательной деятельности осуществляет и

фиксирует в языковых средствах глобальную категоризацию мира, выстраивая содержательные противопоставления различного типа – от самых общих до вполне конкретных» [Клобуков 2005: 40]. Степень абстрактности или обобщённости данных противопоставлений определяет их отнесение к разным уровням категоризации. Дуализм свойственен человеческому мышлению, следствием чего является склонность к формированию бинарных оппозиций. На данной основе строится и языковая картина мира, которая имеет глобальные свойства, общие для всего человечества в силу типовых особенностей структуры человеческого мышления, и национальную специфику, обусловленную особенностями национального мировосприятия, традиционной культурой, религией и т. д. Б. Уорф считал, что каждый язык по-своему ориентирует внимание на тех или иных сторонах действительности, навязывая всем думающим на этом языке свой способ членения мира [Уорф 1957; 1960].

В связи с концептуализацией современная наука различает наивную и научную картины мира. Достаточно точно разграничены данные понятия Ю.Д.Апресьяном во введении к первому выпуску «Нового объяснительного словаря синонимов». Ю.Д. Апресян обосновывает данную концепцию следующим образом: «а. Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Основные концепты языка складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

б. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

в. С другой стороны, он «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о

внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений говорящих и способны служить надёжным проводником в этот мир.

г. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, наивную психологию. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определённые системы» [Апресян 1995: 44–45].

Следует отметить, что научная картина мира большинством исследователей не признается объектом лингвистического исследования, а понятие «наивная картина мира» практически приравнивается к понятию «языковая картина мира».

1.3.1 Понятие национальной картины мира

Особенности каждой национальной картины мира представляют собой те структурные элементы представлений об окружающей действительности, которые отличают её от других национальных картин, но общая структура этих картин тождественна, поскольку человечество мыслит по одним и тем же схемам, опираясь на концепты. С точки зрения когнитивной лингвистики мышление есть, прежде всего, оперирование концептами. Являясь глобальной мыслительной единицей, концепт всегда имеет обобщённо-образный, метафорический характер, и потому его вербализация в разных языках, будучи денотативно тождественной, включает в себе разные наборы сем – образ, возникающий при воспроизведении одного и того же денотата, будет непременно отличаться у разных народов. Отличается и набор концептов, отражающих традиционное миропонимание народа и формирующих концептосферу национального языка. Согласно Д.С.Лихачёву, интерпретация концептосферы языка сближается с пониманием культуры народа: «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – её литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к

национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно» [Лихачёв 1997: 153].

На развитие национальной ментальности и национального языка в целом и когнитивных приоритетов языка в частности оказывает влияние целый комплекс экстра- и интралингвистических факторов, каждый из которых может в какой-то момент оказаться преобладающим в определённых культурно-исторических условиях. Однако в этом комплексе присутствуют и такие факторы развития, которые релевантны при любых условиях и оказывают определяющее воздействие на формирование языковой картины мира данного народа. Из экстралингвистических факторов – это, прежде всего, ландшафт традиционной среды обитания народа (фактор географического детерминизма), культурный опыт, накопленный во всех сферах материальной и духовной жизни народа, и его традиционные верования. Воплощаясь в языке, данные факторы вербализуются в виде концептов, отражающих особенности национального мировосприятия и когнитивные приоритеты данного народа.

Поскольку концепт представляет собой квант структурированного знания, а структура знания имеет у каждого народа свою национально-культурную специфику, то даже при аналогичной вербализации концепта в разных языках его семантическое наполнение и ассоциативные связи могут значительно расходиться. Иными словами, концептосферы таких языков будут при формально аналогичном наборе концептов и родственных им когнитивных структур иметь различные когнитивные доминанты, заключающие в себе национально-культурную специфику.

Традиционно под языковой картиной мира народа понимается «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [Пименова 1999: 9], «это сложившаяся давно и сохранившаяся донине национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная

рамками консервативной национальной культуры этого народа» [Пименова 2005: 17].

1.3.2 Концептуальная картина мира

В создании концептуальной картины мира участвуют как вербализованные, так и невербализованные представления (Караулов 1987; Кубрякова 1988; Серебренников 1988), поскольку «не всё, воспринятое и познанное человеком, не всё прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающее извне по разным каналам в голову человека, имеет или приобретает вербальную форму. Не всё отражается с помощью языка и не вся информация, поступающая извне, должна быть пропущена через языковые формы» [Кубрякова 1988: 142].

Таким образом, под концептуальной (непосредственной, прямой, первичной, когнитивной, ментальной) картиной мира или концептосферой понимается картина, формирующаяся в результате непосредственного познания (восприятия, осмысления) мира человеком и включающая как содержательное, концептуальное знание об окружающей действительности, так и совокупность стереотипных представлений (ментальных стереотипов) народа, которые обуславливают понимание им тех или иных явлений действительности и определяют его поведение в определённых стереотипных ситуациях [Попова, Стернин 2003: 4–5].

Языковая (опосредованная, вторичная) картина мира, в свою очередь, определяется как результат объективации концептуальной картины мира в языке. Если концептуальная картина мира представлена совокупностью концептов, то языковая картина мира существует в виде значений языковых единиц, образующих семантическое пространство языка. Языковая картина мира не равна концептуальной, а является лишь её частью, поскольку языковое выражение получает далеко не всё содержание концептосферы, а только те её концепты, которые имеют коммуникативную значимость и, соответственно, культурную ценность для данного народа. По меткому определению Карнилова О.А.:

«Языковую картину мира можно определить как *запечатленный в словах*, социально наследуемый (т. е. передаваемый от поколения к поколению) «слепок» этого национального образа мира, как самый главный фактор, предопределяющий и гарантирующий воспроизведение в относительно неизменном виде национального образа мира в сознании сменяющих друг друга поколений представителей данной национальности, носителей данной культуры» [Корнилов 2003: 81].

Когнитивная картина мира существует в виде концептов, языковая картина мира существует в виде значений языковых знаков. «Совокупность концептов образует языковую картину мира национального языка, а совокупность прототипов этих концептов – национальный образ мира, что даёт основание для введения нового концепта – национальная языковая картина мира» [Алефиренко, Корина 2011: 68].

Членение мира осуществляется не языком, а когнитивными классификаторами. Язык фиксирует когнитивное членение. Языковая картина мира создается отдельными средствами, среди которых следует выделить: номинативные средства, т.е. лексемы, фразеологизмы; функциональными средствами языка, т.е. отбором лексики и фразеологии в целях релевантного общения; образными средствами языка; специфическими средствами текстопостроения, т.е. дискурсными средствами языка и т.д. [Попова, Стернин 2007: 6–8].

Одним из значимых элементов выявления языковой картины мира является сопоставление элементов разных языков, как родственных, так и не состоящих в родстве.

Описание языковой картины мира включает в себя описание членения действительности конкретным языком, описание национальной специфики значений языковых единиц, выявление отсутствующих языковых единиц, принятых называть лакунами, нахождение существующих только в одном языке единиц. Так как на уровне всей лексики такое исследование проводить достаточно

сложно, если совсем невозможно, то в основном выбирают какой-либо тематический ряд или лексико-семантическую группу слов, как, например, исследуемая нами система терминов родства, входящих в номинативное поле концепта «семья».

Таким образом, в языковой картине мира любого народа присутствуют универсальные схемы, обусловленные структурой человеческого мышления и сознания, и национально специфичные черты зачастую проявляются не в виде самостоятельных схем, отличных от универсальных, а в виде уникальных, присущих только данному народу комбинаций универсальных схем или их отдельных компонентов, создавая неповторимую национально-специфичную интерпретацию явлений окружающей действительности в национальной концептосфере. Именно здесь наиболее полно проявляется интерпретационная природа концептов [Алефиренко 2008], составляющих национальную концептосферу и отражающих особенности мировосприятия конкретного народа. Данное явление наблюдается как в языке в целом, так и на его отдельных структурных уровнях. «Интерпретационная природа концептов и фреймов выражается в одинаковом наборе минимальных смысловых элементов – сем. Однако в каждом из языков они (семя) подвергаются неповторимой комбинации. Именно индивидуальность семных комбинаций создаёт этнокультурное своеобразие фразеологических значений, определяя тем самым специфику глубинных ярусов фразеосемантического пространства разных языков» [Алефиренко 2008: 163].

Языковая картина мира, как было показано выше, не равна когнитивной, которая гораздо шире. В языке названо далеко не все содержание концептосферы. Судить о когнитивной картине мира по языковой картине мира можно лишь в определенных ограниченных пределах, так как в языке названо только то, что имеет для народа коммуникативную значимость. Коммуникативная значимость языковой единицы, по-видимому, связана с ценностью выражаемого ею концепта для культуры народа. «...Люди ... наталкиваются на какой-то предел

понимания. Произносятся те же слова, формулы, а мыслится под ними весьма разное – и главная беда в том, что об этом часто и не подозревают. Чтобы мнимое взаимопонимание максимально приближалось к действительному, надо делать поправку на национально-историческую систему понятий и ценностей, т. е. учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я. Но как? Что видит он в мире такого, чего я не вижу? И от чего это зависит? Вот в чем загвоздка. Если удалось бы как-то прояснить этот вопрос, в наше распоряжение поступил бы словно некоторый «коэффициент», который облегчал бы контакты между народами и культурами» [Гачев 1988: 44–45].

«Членение мира» осуществляется не языком, а когнитивными процессами. Язык лишь отражает когнитивное членение, осуществляемое концептосферой и сигнализирует о таком членении. Языковая картина мира создаётся чисто языковыми средствами, а именно номинативными средствами, функциональными средствами, образными средствами внутренней формой языковых единиц, дискурсивными средствами языка и т. д.

Изучение языковой картины мира может проходить в двух взаимосвязанных направлениях: чисто лингвистическом, когда проводится описание языка как системы, исследуется упорядоченность языковых единиц, соотношение языковых единиц внутри языковой системы и т. д. Но когда исследователь интерпретирует полученные результаты для выявления обозначенных языком когнитивных признаков, описание языковой картины мира выходит за пределы чисто лингвистического исследования и становится частью лингвокогнитивного исследования. Исследование системных отношений в языке, а также исследование его национального семантического пространства – это моделирование вторичной, опосредованной, языковой картины мира. Важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками. «Описание языковой картины мира включает в себя: описание «членения действительности», отражённого языком в языковых парадигмах (лексико-семантических и лексико-фразеологических группах и полях); описание

национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках); выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка; выявление эндемичных (существующих только в одном языке) единиц» [Попова, Стернин 2007: 7–8)].

Изучение языковой картины мира может оставаться в рамках описательной системной лингвистики, а в случае когнитивной интерпретации результатов может выступать как инструмент изучения концептосферы народа. Языковая картина мира лишь частично отражает концептосферу, хотя является достаточно удобной и достоверной для изучения концептосферы. Таким образом, «когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию» [Попова, Стернин 2007: 8].

1.3.3 Национальный менталитет и ментальность

Национальную картину мира нельзя рассматривать в отрыве от национального менталитета. Под менталитетом понимают образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления, характер и т.д. Исследователи по-разному определяют данное понятие. Так З.Д.Попова и И.А.Стернин отмечают: «*Менталитет* мы определяем как специфический *способ восприятия и понимания действительности*, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определённой личности, социальной или этнической группы людей» [Попова, Стернин 2007: 9]. *Менталитет* описывает специфику отражения внешнего мира, обуславливающую способы реагирования достаточно большой общности людей [Петровский 1984: 15]. Менталитет – это мировидение, мировосприятие целой нации, связанный с особым специфическим складом ума, диктующий особый, присущий только для данной общности людей способ мышления. *Ментальность*

– характерная для конкретной культуры специфика «психической жизни представляющих данную культуру людей, детерминированную экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте» [Дубов 1993: 21]. Однако менталитет – это не только мировосприятие и мировидение народа, но и совокупность культурных стереотипов, закреплённых в национальном сознании благодаря их преемственности, повторяемости и значимости. Ментальность – это мироощущение в категориях и формах родного языка, которые объединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества народа. Единицей ментальности признается концепт.

1.4 Национально-специфические особенности концепта «семья» как составляющие образа мира

Семья – это ячейка общества, которая является носителем традиционной культуры и менталитета народа, что увеличивает её значение как для философии, социологии, истории, лингвистики, так и для любой другой смежной науки. Ни один народ, соприкасаясь с цивилизацией, не обходился без семьи. В культурах каждой нации семантическая область *семьи* играет важную роль, являясь культурной универсалией, которая в различных культурах, сохраняя ядро смыслов, приобретает культурно-специфичные коннотации.

Концепт «семья» входит в число главных элементов, формирующих языковую картину народа. Семья, являясь основной ячейкой социума, национально специфична и «является зеркалом, в котором отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народов» [Перевозникова 2004: 147]. Семья как социальный институт является одной из главных ячеек, с которой человек сталкивается с самого рождения и пребывает в ней до конца жизни. В течение всей сознательной жизни может изменяться только статус человека в семье, но ни один из нас не остаётся в изоляции от данного общественного института. В большинстве коллективистских обществ, к числу

которых относится и Таджикистан, семья состоит из довольно большого количества людей, живущих по определённым устоявшимся традициям. В таджикскую семью, как и во многие другие азиатские семьи, как правило, входят не только родители и их дети, но также дедушки, бабушки, дяди, тёти и прочие родственники. Такие образования называются большими семьями или семейными кланами. Поэтому семья играет важную роль в жизни представителей этих народов.

Семья как социальный институт взаимодействует со всеми общественными сферами. Под влиянием общественно-экономического процесса она изменяется, хотя её развитие обладает относительной самостоятельностью. Универсальный концепт «семья», несмотря на длительное существование, нельзя признать сформировавшимся, поскольку экономические, идеологические и культурные изменения в социуме ведут к трансформации концепта. Так, в культурном пространстве таджикского и китайского общества взаимоотношения мужа и жены можно охарактеризовать как более чем партнёрские, нежели в других культурах. Мысли о превосходстве мужчин, содержащиеся в Коране и конфуцианстве, отражены и в лексике и фразеологии таджикского и китайского языков. Подобные идеи связаны с сильной патриархальной властью, сохранявшейся вплоть до XX века. Власть мужа над женой трактуется представителями духовенства как идейная основа семейной иерархии.

Семья как самая маленькая ячейка нашего большого общества чутко реагирует на все преобразования в обществе, адаптируясь к изменениям социума. В 20 веке подход к пониманию концепта «семья» изменился в связи с изменением общественного строя, который ввёл в семейные отношения новые законодательные процедуры, однако мало что изменилось в менталитете народа по отношению к семье. Таджикские традиционные культурные ценности в отношении семьи позволяют нам отнести таджикскую культуру к таким видам культур, где на первом месте стоят семья и семейные ценности, хотя наблюдаются существенные изменения в роли членов семьи. Так, например,

существенно изменилась роль женщины в семье. Теперь женщина не является простой домохозяйкой, занимающейся воспитанием детей. Она строит карьеру, утверждает свои позиции в обществе. Она умеет совмещать работу, дом и воспитание детей.

Специфическими особенностями как китайской, так и таджикской семьи является общность социально-экономических интересов её членов, которая может быть актуальной для нескольких поколений. Кровное родство для обоих народов на протяжении многих столетий остаётся характерной чертой их культурного развития и предопределяет многие специфические отношения в семье. Одним из устоев, которое конфуцианство утверждает между людьми, связанными кровным родством, является соблюдение определённого этикета по отношению к старшим и младшим членам семьи, что отражается и в языке.

Уклад в китайской семье всегда был строго патриархальным и имел определённые правила и нормы. На протяжении более чем 2000 лет в семье соблюдались **五家庭** wu hao jia ting «пять хороших проявлений», или «пять хороших качеств»:

- 1) в семье должны быть уважение к старшим и любовь к юным;
- 2) должна быть гармония между мужем и женой;
- 3) семья должна поддерживать добрые отношения с соседями;
- 4) в семье должны присутствовать трудолюбие и бережливость;
- 5) семья должна заботиться об охране окружающей среды.

Традиционная китайская семья создавалась для конкретной цели – продолжение рода. Согласно конфуцианским нормам, человек, не желавший создавать семью, считался безнравственным, так как такой человек не думал о продолжении рода, а, значит, уклонялся от своего долга перед предками. На холостяков в Китае смотрели с презрением и подвергали суровому моральному осуждению.

Для китайской и таджикской культур характерна определённая иерархия членов семьи по старшинству, в обоих языках лексика данной тематической

группы строго структурирована, однако в китайской культуре эти отношения выражены гораздо ярче.

Для обеих культур ещё одним принципом организации семейных отношений между кровными родственниками является разделение членов семьи на родственников по мужской и женской линии, что также нашло отражение в лексической системе языков. Основной причиной является традиция двух народов жить семейными кланами.

Для доказательства того, что этническое сознание есть совокупность таких маркированных локальных ассоциаций, изучение которых помогает вскрыть особенности образа мира, характерного для представителей того или иного лингвокультурального сообщества, доктор филологических наук Ю. А. Сорокин и кандидат филологических наук Цзян Ямин провели ассоциативный эксперимент, в ходе которого выяснили, что в отличие от русских, у которых в центре образа мира находится человек, у большинства опрошенных китайцев центром образа мира является семья [Красных, Изотов 2000: 5–7]. Формирование такой установки неслучайно: в Китае все виды и формы общения строились на основе конфуцианских постулатов, подчёркивавших, что почтительность к родителям предопределяет стабильность общества и семейной ячейки как его части [Красных, Изотов 2000: 5–7]. На основе данных по терминологии родства и их практическому использованию носителями культуры можно построить схему родства.

Однако, по точному определению А.Бурькина, «система лексических единиц, наименований объектов – безразлично, как она устроена и о каком языке идёт речь, – во-первых, никогда не будет полностью отражать системные отношения объектов, во-вторых, её единицы будут так или иначе задействованы в других номинационных системах. Так устроен человеческий язык, т.е. любой естественный язык отвечает этим условиям. Это значит, что в любой системе родства будут существовать такие отношения, которые средствами языка не номинируются и в систему номинаций не входят, и в любой системе терминов

родства будут присутствовать такие свойства, которые не распространяются на номинируемую ими актуальную систему родства, неважно, будут ли термины родства связываться с определёнными социальными отношениями и структурами, этикетом и т.д.» [Бурыкин 2011: 16]. Между системами терминов родства и отношениями родства нет корреляций, или они носят систематизирующий характер. Именно поэтому отдельные родственные отношения во многих языках имеют описательный характер. А.А.Бурыкин утверждает, что система терминов родства в любом языке обычно на 400–500 лет (а может быть, и на больший временной интервал) архаичнее той реальности, к которой она прилагается, поскольку язык меняется медленнее, чем общество [Бурыкин 2011: 30]. Данное утверждение подтверждается и на примере таджикского и китайского общества. Этим можно объяснить реальные связи и различия между системами родства и системами терминов родства.

При рассмотрении концепта «семья» следует исходить из того, что понимание «семьи» в разных культурах различно. В каждой культуре существует национально-специфический компонент концепта «семьи». Разное содержание данного концепта находит своё отражение в языке и речи и проявляется в лексико-грамматических, функциональных, прагматических особенностях. И поскольку концепт «семья» является сложным и многокомпонентным образованием, то при анализе следует учитывать их семантические, парадигматические и синтагматические характеристики. Общим семантическим признаком для таджикского и китайского языков в концепте «семья» является признак «группа родственников, живущих вместе и имеющих единое хозяйство». Определение семьи через «группу родственников» предполагает объединение на основе родства – «связи между людьми, основанной на происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях» [Ожегов 1986: 593].

Выводы по первой главе

Проведённый обзор современных концепций лингвокогнитивистики, лингвоконцептологии и лингвокультурологии позволил нам определить теоретические принципы анализа лексических и фразеологических единиц, а также паремий таджикского и китайского языков, составляющих номинативное поле концепта «семья».

Нами принимается когнитивный подход к исследованию лексической семантики. Языковые единицы, служащие обозначениями концепта «семья» в таджикском и китайском языках, которые представляются, с одной стороны, как объединение языковых единиц, референты которых соотносятся с общей сферой действительности, с другой – как определённая схематизация опыта членов языкового коллектива в данной сфере.

При таком подходе, лексическое значение рассматривается как способ концептуальной организации знаний человека о мире. На концептуальном уровне сознания происходит совмещение различных типов знания об определённом объекте или явлении, в частности о семье. В концепте объединяется знание понятия, типового образа, все многообразие ассоциативных связей с другими концептами, все знания об отражаемом объекте или явлении. На концептуальном уровне осуществляется и структурирование полученной информации во фрейм.

Кроме того, проанализировав национально-специфические особенности концепта «семья» в таджикском и китайском языках, можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что отношения в семье в целом стали более либеральными как у таджиков, так и у китайцев, и те, и другие склонны сохранять патриархальные отношения, в той или иной степени отражённые в языке.

Основой для сопоставительного анализа в данной работе станет тезис о том, что межъязыковое сопоставление возможно при изучении лингвокультурных концептов, реально вербализированных в языках. В аспекте сопоставительного

изучения лингвокультурный концепт – это сложное ментальное образование, полученное «погружением в культурную среду».

ГЛАВА 2. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В ТАДЖИКСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1 Номинативное поле концепта

В целях дальнейшего описания номинативного поля концепта *семья* обратимся к определению объёма данного понятия.

Основным постулатом когнитивной лингвистики, как уже отмечалось, является мысль о том, что концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации.

«Концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих. Чтобы восстановить структуру концепта, надо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт – (лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд), включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталон, свойственные определённому языку» [Пименова Предисловие 2004: 9].

В этой связи первостепенной задачей когнитивной лингвистики считается получение исчерпывающего списка языковых единиц, объективирующих интересующий исследователя концепт [Попова, Стернин 2007: 47].

«Совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определённый период развития общества, определяется нами как *номинативное поле концепта*» [Попова, Стернин 2007: 47].

Ученые отмечают, что номинативное поле отличается от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики – лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок в свой состав, и не выступает при этом как структурная группировка в системе языка,

представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц. Номинативное поле включает единицы всех частей речи.

Важно иметь в виду, что специализированные языковые средства существуют в языковой системе (или формируются на какой-то определённый период) для коммуникативно релевантных концептов, то есть для тех, которые являются в обществе предметом обсуждения, обмена информацией, высказывания отношения.

Номинативное поле концепта принципиально неоднородно – оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). «Так, в ядро номинативного поля концепта «руководитель» войдут *начальник, руководитель, шеф, босс, хозяин, администратор, первое лицо, власть имущий, руководит, распоряжаться, командовать, руководящий* и др., в периферию – *кричит, толстый, своевольничать, капризный, компетентный, авторитарный, всевластный* и мн.др.» [Попова, Стернин 2007: 48].

В.И.Карасик разграничивает три принципиально различных способа языковой объективации концепта – обозначение, выражение и описание.

Обозначение понимается как присвоение фрагменту осмысляемой действительности наименования, специального знака. «Обозначение может иметь разные степени точности. ... Стандартное и уточняющее обозначения относятся к наивно-языковой концептуализации, генерализирующее и специальное уточняющее – к специальной сфере общения» [Карасик 2004: 109–110].

«Выражение концепта – это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [Карасик 2004: 110]; «Описание концепта – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений» [Карасик 2004: 110]. Описание осуществляется дефинированием,

контекстуальным анализом, этимологическим анализом, паремиологическим анализом, интервьюированием, анкетированием, комментированием [Карасик 2004: 110–111].

Все эти способы в равной степени могут участвовать в формировании номинативного поля исследуемого концепта.

К языковым средствам, которые могут входить в номинативное поле концепта и обеспечить его формирование в процессе лингвокогнитивного исследования относятся в том числе следующие, которые будут подвергнуты анализу в данной работе:

- прямые номинации концепта (ключевое слово-репрезентант концепта, которое избирается исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, и его системные синонимы);
- производные номинации концепта (переносные, производные);
- однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта;
- фразеосочетания, включающие имя концепта;
- паремии (пословицы, поговорки и афоризмы).

Концепты, объективируемые лексическими и фразеологическими единицами, часто называют лексическими или лексико-фразеологическими. Однако следует особо подчеркнуть, что данное наименование характеризует *способ вербализации* концепта, а не тот факт, что концепт является словом или фразеологизмом [Попова, Стернин 2007: 50].

2.2 Способы языковой объективации концепта «семья» в таджикском и китайском языках

Рассмотрим языковые средства объективации концепта «семья» в таджикском языке.

В толковом словаре таджикского языка лексема *оила/семья* определена следующим образом: *хонавода, зану фарзанд; хешу табор; оила барно кардан (сохтан) хонавода ташикил кардан; оила доштан; соҳиби зану фарзанд ва хешу табор будан*. Данная лексема заимствована из арабского языка. В современном таджикском языке под семьей понимают группу, объединяющую мужа, жену и детей, шире всех родственников по кровной линии.

Наряду с лексемой *оила* достаточно широко используется лексема *хонавода*, которая является исконно таджикской лексемой. «Фарҳанги забони тоҷикӣ» даёт следующее определение: ХОНАВОДА *хонадон, оила, аҳли хона, зану фарзанд*. По своей семантической наполняемости *хонавода* практически не отличается от *оила*. Термин *хонадон* также используется для обозначения семьи.

Как видно из приведенных лексем, в исконно таджикских терминах семья тесно связана с домом (первая часть двух последних слов *хона* имеет значение «дом»). Концепты *дом* и *семья* объединены неслучайно, поскольку дом в традиционном сознании как таджикского, так и китайского народов это не только сооружение для жилья, но жилище, объединяющее группу людей, связанных семейными узами. Именно поэтому в таджикском языке такие лексемы, как

ХОНАДОР 1) он ки хона дорад, соҳибхона. 2) он ки кору бори хонаро саришта мекунад; хонадор кардан, зан гирифта додан, зандор кардан (касоро); хонадор шудан зан гирифтани, шавҳардор шудан. 3) марди зандор, зани шавҳардор

ХОНАДОРӢ 1) оиладоршавӣ, соҳиби хонаводашавӣ, зандоршавӣ ё шавҳардорӣ. 2) идора кардани кори рӯзгор, саришта кардани кори хона

ХОНАДОРШАВӢ зандоршавӣ, оиладорӣ

ХОНАМОНДА духтари хонамонда, духтари шавҳар накарда, дар хонаи падар зиндагикунанда, связаны не только с домом, но и с созданием семьи.

Лексема семья в китайском языке многозначна: дом, «имущество» 家大业大 – *jia da ye da* – Большое семейное имущество; «обращение к уважаемому человеку» 您老人家 – *nin lao ren jia* – Вы, ваша милость. В китайской языковой

картине мира присутствует восприятие семьи 家 – jia – как общности людей, объединенных какой–либо идеей, связанная либо с трудовой деятельностью (农家 – nong jia– крестьянское хозяйство, 渔家 – yu jia– рыбак), либо идеологией, направлением в искусстве, философии («школа, течение», например: 儒家 – ru jia – Конфуцианство). Конфуцианство очень многое определяет в поведении людей, в моральных ценностях и пропаганде культа семьи. В китайском словаре фиксируется также научное восприятие данного явления – люди одного пола, биологическая общность. Значение «род, фамилия» (например: 李家 – Li jia – род «Ли») в китайской языковой картине мира включает национально–специфические элементы (императорский род). Специфика синонимических связей лексемы также обусловлена различиями языковых систем, поэтому ввиду многозначности лексемы «семья» в китайском языке, требуется наличие уточняющего контекста для того, чтобы определить точное значение иероглифа 家 – jia.

Психологический склад китайского народа отражён в сложившихся веками представлениях о семье, которые традиционно передаются от поколения к поколению. Китаец воспринимает семью как надежный оплот: 在家千日好, 出门半日难 – zai jia qian ri hao, chu men ban ri nan – Хорошо и тысячу дней в своей семье, трудно половину дня вне семьи. Человек без семьи одинок: 孤木难活 - gu mu nan huo – Одно дерево тяжело растёт; 孤雁难飞 – gu yan nan fei – Один сухонос далеко не летает. Для китайцев дома каждая вещь дорога, даже старая и вышедшая из строя: 家有敝帚, 享之千金 – jia you bi zhou, xiang zhi qian jin – Свою метлу, хоть и ломаную, не отдают и за тысячу золотых монет. Семантический объём слова семья – 家 – jia – в китайском языке несколько

широко, что обусловлено разнообразными национальными традициями и особенностями жизни социума. Системность таксономической модели таджикского и китайского концептов *семья* обеспечивается наличием когнитивных классификаторов: «кровное родство», «некровное родство», «социально-хозяйственное объединение».

Лексическое, грамматическое и стилистическое значения являются планом содержания лексической единицы и при сопоставлении указанного плана в двух языках на предмет адекватности их плана содержания, можно обнаружить, что содержание может быть эквивалентным, частично эквивалентным и безэквивалентным, что может быть обусловлено: формально-структурными характеристиками языка; продуктивностью средств пополнения словарного состава языка; семантикой и структурой лексических единиц; степенью дифференциации словарного состава.

Поскольку значение может рассматриваться как отношение к обозначаемому предмету или явлению действительности. т.е денотату, так и в связи с отражением предмета или явления в сознании, т.е. сигнификату, то традиционно различаются денотативные и сигнификативные значения. Для целей нашего исследования интерес представляет сигнификативное значение. Семантические поля слов разных языков, как правило, не совпадают, что объясняется наличием различий в структурном делении отражаемой сознанием носителей разных языков экстралингвистической действительности.

Анализ лексикографических источников таджикского и китайского языков позволил выявить как универсальные характеристики концепта «семья» в указанных языках, так и чисто национальные, специфические для конкретного языка особенности отражения данного концепта, обусловленные различиями в культурном, историческом развитии таджиков и китайцев, а также различиями языковых систем. Толкования лексических единиц со значением «семья» в таджикской и китайской языках дает основание утверждать, что слово «семья» в китайском языке имеет большее количество толкований, чем в таджикском.

Наиболее устойчивым семантическим признаком «семьи» в семантическом поле обоих языков является значение «группа близких родственников, проживающих вместе», что связано с основным назначением семьи и значимостью данного общественного института для культуры и менталитета таджикского и китайского народов.

2.3 Термины родства как средство лексической объективации концепта «СЕМЬЯ»

Терминология родства является составной частью лексики любого языка, она плавно вытекает из системы родства, которая отражает брачные и семейные нормы, структуру семьи и в целом родственную организацию того или иного общества. Именно поэтому система родства и терминология родства являются предметом изучения этнологии и социологии, а не только лингвистики. Во многих языках мира используются релятивные (относительные) слова, указывающие на отношение одного индивида к другому. В одном лице могут соединяться одновременно *сын, внук, дядя, племянник и дедушка* по отношению к разным родственникам.

Начиная с Л. Г. Моргана, обозначилось дальнейшее развитие дискуссии о соотношении этнического и социального содержания этого феномена. Л. Г. Морган считал, что система терминов родства отражает лишь стадиальную принадлежность определенного общества и не имеет собственно этнической составляющей [Морган 1934].

Последняя точка зрения надолго закрепилась в этнологии. Считалось, что если сама терминология родства как один из самых древних пластов лексики любого языка, как объект лингвистического анализа может помочь в установлении генетических связей между языками, а, следовательно, и их носителями, то система терминов родства одинакова для народов генетически неродственных, но стоящих на одной ступени эволюции социальной организации

социума. С другой стороны, народы, говорящие на родственных языках, но находящиеся на различной стадии эволюционного развития будут иметь и различные системы терминов родства. Таким образом, собственно этнические аспекты терминологии родства находятся в предметном поле лингвистики, а социальные детерминанты системы терминов родства находятся в поле этнологических подходов.

В дальнейшем, благодаря исследованиям ряда специалистов данной области были показаны возможности анализа систем терминов родства для реконструкции этногенеза и определения этнического своеобразия отдельных народов.

Система родства предопределяется социальной организацией социума, который по мере своего общественного развития трансформирует и саму систему. Именно поэтому часто система родства может служить источником для изучения социальной структуры общества.

Изучение системы родства занимает ключевое положение в структуре общественных наук. В большей степени данная проблема разработана в этнологии, однако достаточно широко привлекала внимание лингвистов, социологов, психологов, юристов. Универсальность феномена родства представляет сложность для систематического описания в рамках какой-либо одной науки, в связи с чем наблюдается многочисленное количество школ, подходов и взглядов как на уровне разных этнических культур, так и разных дисциплин.

Термины родства были предметом исследования еще в XIII веке в работе японского исследователя Дадзай Сюндай, который пытался описать «конфуцианские нормы траура по усопшим родственникам» [Крюков 1972: 7]. При исследовании возникла необходимость сопоставления китайских терминов родства с японскими. При сопоставлении выяснилось, что многие китайские термины родства не имеют соответствий в японском языке. Дадзай Сюндай так и не смог в своей работе до конца проследить причины подобных несоответствий и объяснить подобные явления, однако одно то, что он попытался как-то установить

эти соответствия, было уже определенным шагом в исследовании терминологии родства в разносистемных языках.

Второй работой следует упомянуть работу Ж.Лафито, описавшего быт и нравы североамериканских индейцев. Он обратил внимание на необычное именование родственников в языках этих народов, например, матерью они называют не только свою мать, но и ее сестер [Lafitau 1733: 552]. Следует отметить, что подобные явления наблюдаются у некоторых ираноязычных народов в современном Таджикистане, например, у шугнанцев.

Уже в этих первых работах было отмечено, что в системе родства разных народов обнаруживаются серьезные расхождения, что можно считать постановкой задач для дальнейшего изучения терминов родства в историческом и сопоставительном отношении. Уже в середине XIX в. появляются серьезные работы по данной тематике. В 1848 г. Ф.И. Буслаев посвятил отдельные главы своей магистерской диссертации этимологическому анализу терминологии общественного быта в славянских языках [Буслаев 1884]. Он пришел к заключению, что происхождение всех славянских терминов родства можно объяснить через сопоставление их с санскритскими терминами. К числу таких работ следует отнести вышедшую в 1867 г. в России работу филолога П.А. Лавровского «Коренное значение в названиях родства у славян» [Лавровский 2005]. «В ряду выражений, определение которых сопровождается особенно богатыми результатами в сравнительном языкознании, – писал Лавровский, бесспорно, одно из видных мест занимают термины родства. Отметить по возможности полное количество их и указать на коренное их значение, под руководством строгих и точных правил современной науки языкознания, то же самое, что определить первобытную, по крайней мере, основную, идею, какую соединял древнейший человек с разными степенями родственности, а такое определение само по себе должно уже заключать и данные о взгляде его вообще на связь родственную» [Лавровский 2005: 15].

В основе любой системы родства лежит представление о биологическом (кровном) родстве и родстве по браку, однако различные системы родства значительно отличаются одна от другой. Начало научному изучению системы родства было положено Л. Г. Морганом, который разделил все системы родства на два типа: 1) классификационную, в которой целые группы родственников обозначаются одним общим термином, т.е. термин родства обозначает не конкретного родственника, а класс родственников. Каждый человек, входящий в определенный класс, имеет точно такое же отношение к другим индивидам, что и другие члены этого класса (например, *хоҳар* – *сестра* могут входить все родственники женского пола одного поколения, которые в таджикской и китайской системах родства делятся по степеням родства – родные, двоюродные, троюродные, сводные и т.д.; 2) дескриптивную, где каждый новый родственник обозначается либо отдельным термином, либо описательно через сочетание уже известных терминов.

Классификационные системы родства в свою очередь были подразделены Морганом на два типа – малайский, в котором родственники делятся только по поколениям, и турано-ганованский, разграничивающий боковых родственников по отцу и матери. Согласно гипотезе Моргана, малайские системы родства были порождены кровнородственной семьей, турано-ганованские – пуналуальной семьей, описательные – моногамной семьей.

Одной из наиболее серьезных работ следует признать вышедшую в 1859 г. работу американского юриста Л.Г. Моргана под названием «Системы родства краснокожей расы». Позже, в 1871 г. Л.Г. Морган издал более обобщающий и более систематизированный труд под названием «Системы родства и свойства человеческой семьи» [Morgan 1871], в которой впервые обращают внимание на принципы именования родственников. Л.Г. Морган отмечает, что принцип именования родственников у индейских племен существенно отличается от европейцев. Для него удивительно, что брата матери и брата отца индейцы обозначают разными терминами, что вряд ли могло удивить таджика или китайца.

Однако реальные системы родства не укладываются в предложенные Морганом типы.

В 20–х гг. 20 в. учёные Р. Лоуи (США), У. Риверс (Великобритания), П. Кирхгоф разработали новую (четырёхчленную) типологию системы родства. Они выделили «раздвоенно-коллатеральный» тип, в котором разграничиваются как прямые и боковые родственники, так и боковые родственники по линии отца и матери, т.е. родственники по линии отца и по линии матери обозначаются разными терминами. У. Риверс, А. М. Золотарев и Д. А. Ольдерогге пересмотрели вопрос об историческом соотношении различных типов и показали, что малайская система родства не является древнейшей, а возникает в результате упрощения системы родства турано-гановацкого типа. С другой стороны, изучение исторической эволюции системы родства китайцев свидетельствует, что изменение турано-ганованской системы родства может пойти и по пути превращения её в номенклатуру раздвоенно-коллатерального типа [Крюков, 1972].

Обобщение большого фактического материала по системе родства различных народов мира позволило установить, что основные черты данной системы определяются не только формами брачных отношений, как полагал Морган, но прежде всего структурой семьи на разных этапах его развития. Альфред Кребер установил, что в различных системах родства могут быть учтены следующие важные различительные признаки: поколение, прямое и боковое родство, возраст, пол, различие родства по мужской и женской линии, кровное родство и родство по браку.

Люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир, что не вызывает сомнения ни у лингвистов, ни у специалистов других смежных областей общественных наук. Именно поэтому работы, связанные с соотношением языка и культуры, в современных исследованиях значатся как наиболее актуальные. Исследователи пришли к выводу, что причиной непонимания в межкультурной коммуникации является не столько знание языков, сколько незнание

специфических черт национального сознания, которое формирует мировосприятие, основанное на системе предметных значений и когнитивных схем.

Одним из важнейших показателей в межкультурной коммуникации является разделение культур на индивидуалистские и коллективистские, так как этим признаком объясняются различия в поведении носителей разных культур, что находит отражение и в языке. Измерение культур по данному признаку показывает специфику связи между членами социума, в том числе и в семье [Прошин 1994: 91].

Как таджикское, так и китайское общество следует отнести к коллективистским обществам, т.е. общество, где интересы группы превалируют над интересами индивида. Одним из признаков являются большие по своему количественному составу семьи, объединяющие всех кровных родственников, родственников по браку, некровных родственников, образуя семейные кланы. Члены такой семьи или клана с самого раннего детства осознают себя частью коллектива и любая конфронтация с другими членами данного коллектива как в китайской, так и в таджикской семье считается неприемлемым поступком. В коллективистском типе культур личность определяется через принадлежность к определенным группам, которые влияют на разные типы социального поведения [Грушевицкая, Попков, Садохин 2002: 245].

Связи, как между терминами родства, так и между родственными отношениями обладают абсолютной взаимозависимостью и взаимообусловленностью. Термины родства образуют определенную систему, причем эти системы различны у разных народов. Множество терминов у разных народов (и на разных этапах истории одного народа) по-разному определяют родственные отношения в зависимости от определенных традиций.

Как лингвисты, так и представители других смежных наук, например, этнологи уделяют достаточно пристальное внимание вопросам, связанным с изучением семантики терминологии родства.

Система терминологии родства является не только отражением семейно-родственных отношений, но и подсистемой, отражающей распределение ролей в социальной среде. Именно через систему терминологии родства просматривается национальное своеобразие каждого народа. В данном языковом пласте содержатся представления о роли семейных отношений и о реальной позиции конкретного представителя семьи в данной социальной среде. Его позиция предопределяет как его права, так и его обязанности по отношению к другим членам данного коллектива. Именно поэтому лингвисты считают, что лексико-семантическое поле терминологии родства представляет собой совокупность языковых единиц, обладающих общностью содержания и отражающих понятийное и функциональное свойство явлений номинации.

Поскольку, как отмечалось выше, в рамках данного исследования особый интерес представляет нуклеарная и полная семья, которая характеризуется способностью к продолжению рода, то нами будут рассмотрены термины кровного родства по прямой линии в разных поколениях. Собственно, терминами кровного родства принято считать следующие: *отец, мать, ребенок, сын, дочь, брат, сестра*. Кровное родство по нисходящей линии представлено терминами *внуки, правнуки*, по восходящей – *дедушка, бабушка* и т. п.; названия *дяди, тетки (по отцу, по матери)*. Сюда же некоторые исследователи причисляют различные термины, выражающие приравнивание неродственных людей к кровнородственным, т. е. названия *отчима, мачехи, пасынка, падчерицы*.

2.3.1 Термины родства в таджикском языке

В структуре кровного родства как в таджикском, так и в китайском языке в первую очередь выделяется родство по отцовской линии, наиболее важной линии в культурной традиции указанных народов. На основе родства по отцовской линии образуется отцовский род. Данное объединение родственников считается

самой важной структурной единицей в системе обоих языков. Не случайно многими исследователями отмечается, что по своему составу род – это объединение лиц, ведущих свое происхождение только по одной линии, т.е. при матрилинейном счете родства родственники по линии отца не считаются членами моего рода, при патрилинейном счете родства – наоборот. В культурной традиции таджиков и китайцев издавна признавалась билатеральная система родства, т.е. симметричные отношения индивида с родственниками как со стороны отца, так и со стороны матери, хотя отцовский род и способы самоорганизации людей по этому основанию образуют ядро всей системы родства.

Основным компонентом терминологии кровного родства в таджикском языке является термин «Отец/ падар». Лексико-семантический анализ данной лексемы позволил выделить следующие концептуальные признаки.

ПАДАР 1. марде, ки аз вай фарзанд ба вучуд омадааст (тот, от кого родились дети), сохиби фарзанд (имеющий детей), калони оила нисбат ба зану фарзанд (глава семьи). Во втором переносном значении 2. *мач.асосгузор, бунёдгузори чизе, соҳае: падари таърих* (основоположник чего-либо).

В третьем значении 3. *мурочиати боэҳтиром нисбат ба марди солхӯрда* (уважительное обращение к пожилому мужчине).

В четвертом значении 4. *мач.роҳбар, роҳнамо: падари маънавӣ* (руководитель).

Данное понятие также репрезентируется словом **волид, додо**.

Все переносные значения (2–4) основаны на уважительном отношении к отцу как к руководителю, основателю, творцу, созидателю, что прочно связано с менталитетом членов таджикской семьи.

Референтные термины используются при обращении или указанию на конкретного родственника. Апеллятивы используются при обращении к родственникам. Одному референтному термину могут соответствовать несколько апеллятивов, различающихся стилистически. В таджикском языке референтному термину *падар/отец* соответствуют апеллятивы: *падар, ота, дада* и др.

Термины родства могут употребляться по отношению к чужим людям как в третьем значении слова *надар*. Такое употребление называют вторичным. Вторичное употребление имеют только термины кровного родства (практически все термины используются во вторичном употреблении), термины свойства такой функцией не обладают. Для носителей таджикского языка обращение к незнакомому человеку с использованием того или иного термина родства является довольно распространенным явлением, давно вошедшим в норму. Данный факт наблюдается на примере всех терминов кровного родства, в связи с чем в последующих терминах нами на указанную особенность не будет обращено особого внимания, кроме чистой констатации.

Не менее важным компонентом терминологии кровного родства таджикского языка является термин *модар* «мать». В «Фарҳанги забони тоҷикӣ» данный термин обозначен следующими концептуальными признаками:

МОДАР 1. зан нисбат ба фарзанд(он)аш (женщина по отношению к детям).
2. калимаи мурочиати эҳтиромона нисбат ба зани калонсол (вежливое обращение к пожилой женщине), фарзанд таваллуд кардан, соҳиби бача шудан (родить ребенка, иметь детей).

Данный концепт также репрезентируется в словах *волида*, *ум(м)*, *оча*.

В значении «родители» используется термин «волидайн, волидон».

Как видно из репрезентации слов *отец* и *мать*, второе обладает меньшим количеством значений. Связано это, прежде всего с тем, что роль женщины в таджикском социуме гораздо ниже роли отца, хотя, как увидим в репрезентации концепта *семья* во фразеологизмах, отношение к матери в ментальности таджиков очень высокое.

Для обозначения «сына» в таджикском языке используются термины «**Писар**» 1. фарзанди нарина (ребенок мужского пола); **писари угай** –пасынок. 2. бача (сын), 3. чавон (*дар мавриди хитоби одами солдида ба чавон*) молодой человек (при обращении пожилых людей к молодым). Семейные отношения не изменяют своих ценностей по отношению к детям. Несмотря на то, что пасынок

обозначается с дополнением «угай» (ғайрихунӣ, ғайрихудӣ; **духтари ўгай** духтарандар, рабиба (падчерица); **додари ўгай** додарандар, додари сабабӣ (неродной брат); **модари ўгай** модарандар (мачеха); **падари ўгай** падарандар (отчим); **фарзанди ўгай** писар ё духтари ба зан ё шавҳари пештара тааллуқдошта, рабиб, рабиба (неродной ребенок, пасынок или падчерица), т.е. некровный, в быту данный термин употребляется без указанного определения. Очень часто в семьях кровных и некровных детей отличить сложно, что связано с менталитетом таджиков по отношению к детям.

Для репрезентации дочери в таджикском языке используется термин **ДУХТАР** 1. фарзанди модинаи инсон; 2. дӯшиза, бокира.

Термин **ДЎШИЗА** (духтари бақадрасидаи бикр, чавондухтари шавҳарнакарда) используется по отношению в дочери, достигшей зрелого возраста, но не вышедшей замуж. Появление данного специального термина связано с тем, что по традиции таджики слишком рано (по сравнению с европейцами) выдают девочек замуж и уже в возрасте после 20 лет считают девушку, засидевшуюся в невестах, старой девой. Термин **бокира** (духтари ба шавҳар набаромада, шавҳарнадида – не вышедшая замуж, старая дева) употребляется практически в том же значении, что и *душиза*.

Интересным является то, что признак вступления в брак никак не отражен в определении сына, а в определение дочери данный признак является настолько существенным, что он репрезентирован в двух специальных терминах, подчеркивающих именно этот признак.

При определении терминов кровного родства **брат и сестра** в таджикском языке кроме признака кровного родства в основу понятия заложен признак возраста, что для менталитета таджиков является очень важным. В культурной традиции таджикского народа, как и многих других восточных народов, в том числе и китайцев, уважительное отношение к старшим является важнейшим элементом этики. Оно не могло не отразиться и в родственных отношениях.

Именно в силу данной этической нормы в терминологии родства дифференцирован данный признак.

Термин брат репрезентирован в нейтральном термине **БАРОДАР** – писари як падару модар нисбат ба писару духтарони дигари он падару модар, додар (сын одного отца и одной матери по отношению к другим сыновьям и дочерям того же отца и той же матери). Термин АКА/АКО означает *бародари калонӣ – старший брат*, термин УКА/УКО означает *бародари хурди – младший брат*, этот же признак передается термином ДОДАР.

Термин СЕСТРА также в таджикском языке обозначено словами **АПА** – хоҳари калонӣ – старшая сестра, **ХОҲАР** – духтаре, ки бо писар ё духтари дигар аз як падару модар зоида шуда бошад – девочка, родившаяся с сыновьями и дочерьми от одних и тех же родителей, **ҲАМШИРА** – хоҳари ширхурда – вскормленные одним молоком (по отношению к брату тоже употребляется этот термин в этом же значении – **ҲАМШИР**). Материнское молоко в культуре таджиков является святым, употребление данного термина практически всегда связывают с высоким стилем.

Термин ДЕДУШКА в таджикском языке репрезентировано лексемами **БОБО** – падари падар ё падари модар (отец матери или отца). Следует отметить, что слова, обозначающих кровное родство во втором поколении, не заложен принцип их разграничения на родство по линии отца и линии матери. Данное значение также лексикализировано в словах НИЁ с тем же значением, имеющее стилистическую окраску, и ЧАД чаще употребляется как отец отца, однако широкое употребление данная лексема не имеет. В сочетании с **чадди аъло** имеет значение прадеда.

Термин БАБУШКА в таджикском языке лексикализировано в слове **БИБӢ** – модари падар ё модар (мать отца или матери).

В таджикском языке существуют менее употребительные лексемы, указывающие на родство во втором поколении и имеющие значение ДЕДУШКИ и

БАБУШКИ – ПАДАРКАЛОН и МОДАРКАЛОН, буквально означающие «старший отец» и «старшая мать».

Термин ВНУК/ВНУЧКА репрезентированы в слове **НАБЕРА** – фарзанди фарзанд, фарзандзода, писарзода ё духтарзода (ребенок ребенка, рожденный от ребенка, рожденный от дочери или рожденный от сына). Во-первых, в данном слове нет разграничения по полу *внук/внучка* в связи с отсутствием в таджикском языке грамматической категории рода, во-вторых, если следует уточнить является ребенок ребенком сына или дочери, то употребляются два последних термина, которые являются малоупотребительными. Чаще уточняют просто описательно.

Следует отметить, что все термины кровного родства в таджикском языке употребляются в качестве уважительного отношения к собеседнику, не имеющего с адресантом кровного родства.

Брак устанавливает законный союз между мужчиной и женщиной, к числу важнейших функций которого относится образование самообеспечивающегося экономического и культурного микрообщества. В результате брака создается семья, берущая на себя решение всех социальных обязательств по материальному обеспечению, образованию, воспитанию и т.д. Именно через брак устанавливаются родственные отношения одних с другими, возникает родство по свойству. Поэтому заключение брака занимает в системах родства одно из центральных мест.

Основным звеном в системе брака является муж и жена. Лексема **шавҳар** «муж» в качестве основного компонента концепта «семья» в таджикской языковой концептосфере имеет свое специфическое содержательное наполнение.

Лексико-семантический анализ лексемы **шавҳар** и ее номинативного поля на основании словарных статей и синонимических рядов позволяет выделить следующие признаки:

1. шавҳар
2. ҳамсар;
3. хучаин;

4. завч;
5. ҳамболишт;
6. мардак.

Одно из основных концептуальных признаков реализовано в слове «хамсар». В толковом словаре таджикского языка «Фарҳанги забони тоҷикӣ» данное слово дается в двух значениях: 1. баробар, ҳамқаду баст. 2. завч, завча, чуфт, зан ё шавҳар нисбат ба ҳамдигар. Понятие «муж» выведено из значения двух слов – ҳам (совместный) и чуфт (пара). Например, в русском языке указанный концептуальный признак реализован в слове «половина», т.е. одна из равных частей. Данное слово часто используется в поэтической речи.

Лексема «хучаин» в словаре имеет следующее толкование: соҳиб, молик, соҳибкор. Значение «муж» в «Фарҳанги забони тоҷикӣ» у данного слова не зафиксировано. Связано это с тем, что данное значение появилось у слова в связи с социальным положением женщины. В таджикском обществе в концептуальном понимании *мужа* всегда присутствовало значение *кормилец, добытчик*, а значит и *хозяин*. Женщина в основном была домохозяйкой, хранительницей очага. Власть мужа над женой трактуется представителями духовенства как идейная основа семейной иерархии. Если главенство мужа оценивается положительно, то власть жены получает резко отрицательную оценку, а в эмотивном плане крайнее неодобрение. В современном таджикском языке данная лексема широко используется в разговорной речи.

Номинативный признак «завч» заимствовано из арабского языка и имеет значение 1. чуфт; 2. шавҳар, шўй. Второе значение выводится из первого, основного – пара.

Лексема *ҳамболишт* «разделяющие подушку» в концепте **шавҳар** появилась в связи с совместной супружеской жизнью.

Лексема *мардак* с диминутивным суффиксом *-ак* выводится из слова «мард/мужчина», используется в разговорной речи.

Таким образом, концепт **шавҳар** репрезентируется словоформами,

имеющими специфические и стилистические оттенки. Это дает возможность носителям языка не только констатировать положение мужчины как главы семьи, но и выражать свое личное отношение к нему в зависимости от ситуации общения. Подобную картину можно наблюдать и при анализе других компонентов концепта «семья» в его горизонтальном срезе.

Другим основным компонентом концепта семьи является лексема *зан* «жена». На основании словарных статей и синонимических рядов можно выделить следующие концептуальные признаки: 1) *зан* (*разг.* *занак*); 2) *завча*; 3) *заифа*; 4) *аёл*; 5) *аврат*; 6) *хамсар*.

Основное значение реализовано в лексеме **зан**. В толковом словаре таджикского языка «Фарҳанги забони тоҷикӣ» дано следующее толкование: 1. *чинси модинаи инсон, чинси муқобили мард*. 2. *завча, аёл, ҳамсари мард*.

Лексема **завча** заимствовано из арабского языка и образовано от слова **завч** в первом значении – пара 1. *чуфт муаннаси завч; зан, ҳамсари мард (жена, супруга)*.

Лексема **заифа** – *зан, аврат* образовано от арабского ЗАИФ в первом значении 1. *суфт, камзӯр, нотавон – слабый*. Сравните в русском языке «слабый пол».

Лексема **аёл** 1. *хамсари мард, зан*. Во втором значении употребляется как 2. *оила; зан ва фарзандон; ахлу аёл оила, аҳли хона; зану фарзанд; хонавода*. Правильный вариант лексемы **иёл**. В данном случае слово можно соотнести со словом **ИЁЛАТ** *ҳукмронӣ, фармонравой*.

В таджикском языке термины родства по свойству различаются по материнской и отцовской линии. Так, термин АМАК означает дядю по отцовской линии: АМАК – *бародари падар – брат отца*. ТАҒО репрезентирует дядю по материнской линии: ТАҒО – *бародари модар – брат матери*. Данный принцип положен и в основу репрезентации двоюродных братьев и сестер, в основе лексемы использованы слова АМАК и ТАҒО: **ТАҒОБАЧА** – *фарзанди тағо*

(бародари модар) чи духтар ва чи писар – сын или дочь дяди по матери, АМАКБАЧА – писари амак; фарзанди амак – сын или дочь дяди по отцу.

2.3.2 Термины родства в китайском языке

В китайской культуре термины родства, как и в традиции таджикского народа, используются по отношению ко всем членам семьи. История терминологии родства в китайском языке уходит в тысячелетнюю историю и тесно связана с обычаями и традициями, которые китайский народ сумел сохранить, а самое главное, придает им очень важное значение в жизни. Вместе с сохранившимися и пронесенными через века традициями и обычаями, сохранилась и терминология родства, достаточно полно отражающая традиции семьи, родства и всего того, что связано с семьей. Несмотря на то, что Китай сегодня является одной из ведущих и развитых стран мира, практически все ее традиции, в том числе и традиции семьи, сохранились. Безусловно, при взаимодействии с культурами других народов отдельные культурные традиции не могут не подвергнуться влиянию извне. Однако традиционная семья до настоящего времени остаётся самой главной ценностью в жизни китайцев. Традиционная китайская семья имеет ярковыраженный клановый характер, связанный с философией Конфуция, которая представляет собою систему поведения и этику, предписывающую отношения членов семьи не только друг к другу, но и к окружающим: соблюдение семейно-родовых понятий, древних законов устоев, главным из которых является культ предков. Отсюда недвусмысленно вытекает почтение сыном отца, младшего поколения старшему, отношение к возрасту и т.д. Как в культуре семейных отношений, так и в терминологической системе подчеркиваются самые важные традиции, работающие на концепт семьи, например, возрастная иерархия, деление членов семьи на «своих» и «чужих».

Традиционно сложилось так, что «своими» китайцы считают семью мужа,

«чужими» считают семью жены. Поэтому в Китае, если женщина вышла замуж, то она навсегда покидает свою семью и, тем самым, исключалась из клана своих родителей, и становилась неотделимым членом семьи своего мужа.

Последний признак проявляется настолько явственно, что терминология родства предопределила деление родственников по кровному родству (да и не только) на родственников по мужской и женской линии, причем этот признак отражен в иероглифике китайского языка – слово «чужие» в терминологии родства имеет свой определенный иероглиф 外 – wai, имеющий значение «внешний, наружный». Он широко применяется при обозначении родственников по женской линии. Например, *сын сестры* пишется и обозначается иероглифами 外甥 – wai sheng, внук от дочери 外孙子 – wai sunzi, бабушка по материнской линии 外婆 – wai po, дедушка по материнской линии 外公 – wai gong и т.д.

Переход женщины в новую семью воспринималось китайцами как появление нового члена семьи со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Подобное отношение к жене становилось одним из существенных принципов, который работал на прочность семьи, а вместе с тем и на сложившие семейные традиции китайского народа.

Лексико-семантический анализ лексем *муж/жена* в китайском языке имеет специфические особенности. Лексико-семантический анализ лексемы «муж» и ее концептуального поля в китайском языке на основании словарных статей и синонимических рядов позволяет выделить следующие концептуальные признаки: Муж: 1) 夫子 – fu zi – *учитель, наставник (часто о Конфуции)*; 2) 夫君 – fu jun – *(мой) супруг; муж, поэт. друг* 3) 夫主 – fu zhu – *уст. муж, супруг*; 4) 良人 – liang ren – *порядочный (благородный) человек, мой муж*; 5) 郎 – lang – *молодой мужчина, любимый, ненаглядный (мой)*; 6) 丈人 (zhang ren) *почтенный (пожилой) человек; старший; муж*; 7) 丈夫 – zhang fu), zhang fu *муж, супруг, мужчина, зрелый человек, муж высоких качеств; муж доблести (совета)*; 8) 官人

– guan ren – *должностное лицо, чиновник, уст., вежл. Вы, сударь; мой супруг* 夫子 – fu zi имеет очень большое семантическое поле. Его можно употреблять по отношению к мужу, если он человек очень образованный и в первую очередь очень умный, мудрый и жена всегда обращается к нему за советом, помощью. Знания этого человека сравниваются с Конфуцием. А как известно, Конфуций занимает очень важное место в менталитете китайского народа, поэтому не каждая жена сможет назвать своего мужа именно 夫子 – fu zi. 夫子 – fu zi синонимичен 丈人 – fu ren и 丈夫 – zhang fu, 良人 – liang ren всеми этими лексемами называют мужа, образованного и умного, порядочного. 丈人 – zhang ren еще имеет значение старшего, не обязательно старшего по возрасту человека, а именно в моральном плане, когда жена прислушивается к своему супругу, считается с его мнением. 丈夫 – zhang fu также считается мужем доблести, совета. 官人 – guan ren же отличается от рассмотренных выше лексем тем, что несет в себе немного другой смысл. Муж 官人 – guan ren является для жены не тем человеком, которому она может довериться, рассказать обо всем. Он по рангу выше супруги. Лексема 夫君 – fu jun имеет значение в первую очередь мужа-друга. 郎 – lan используется в большинстве случаев молодыми семейными парами, в значении *ненаглядный мой, любимый мой*.

Лексико-семантический анализ лексемы «жена» и ее концептуального поля в китайском языке на основании словарных статей и синонимических рядов позволяет выделить следующие концептуальные признаки: 1. 贤妻 (xian qi) *вежл. Ваша (достопочтенная, уважаемая) супруга* 2. 良妻 (liang qi) *добродетельная супруга, мудрая жена* 3. 娇妻 (jiao qi) *красивая жена* 4. 妇 (fu) *тк.в соч.; (замужняя) женщина жена. Жена, замужняя женщина* 妻 (qi) считается более уважительной формой обращения к жене, но стоит заметить, что оно употребляется лишь в случае обращения к чужой супруге. 良妻 (liang qi) и 妻 (qi) употребляется как уменьшительно-ласкательные формы, обозначающие красоту,

неповторимость жены.

Одним из самых важных принципов в этикете семейных отношений в китайской семье является обращение с учетом возрастного ценза, что отражено в делении членов семьи на «старших» и «младших» и, конечно же, в отражении данного признака в терминологии родства. При наличии у отца нескольких братьев или сестер, в зависимости от возрастной иерархии, обращение к ним идет в определенной форме выражения.

Например, *самого старшего брата* называют 大伯 (da bai) и старшую *сестру* 大娘 (da niang). При этом используется иероглиф 大 (da), указывающий на значение «*большой*», а в терминологии родства «*старший*». При обращении ко второму дяде и ко второй тете используется лексема 二叔 (er shu) - «*второй дядя*», и 二姑 (er gu), что означает «*вторая сестра*». *Самого младшего брата* называют 小叔 xiao shu), где иероглиф 小(xiao) переводится как «*младший*».

К вышесказанному можно добавить еще несколько иероглифов, с помощью которых выделяют других родственников: это 堂 – tang – *кузены по линии отца*; 表 – biao – *кузены по линии матери*.

Например, 堂哥 – tang ge – *двоюродный старший брат (по отцовской линии)*, 堂姐 (tang jie) *двоюродная старшая сестра (по отцовской линии)*, 表弟 (biao di) *младший двоюродный брат (по материнской линии)*, 表妹 (biao mei) *младшая двоюродная сестра (по материнской линии)* и т.д.

Таким образом, китаец при обращении обязан указывать степень старшинства в возрастной иерархии, указывать линию, к которой принадлежит данное лицо, использовать в речи определенный иероглиф при обращении к этому лицу. Лингвисты, проводящие исследования в терминологии родства в китайской традиционной семье, выделяют многообразные отличительные черты. Поэтому сложность любого специалиста в области генеалогии, это в первую очередь, изучение китайской культуры и обычаев, во-вторых, необходимость

детального изучения многочисленных родственных связей в китайской традиционной семье.

Еще одним важным признаком китайского языка является дифференциация терминов родства в китайском языке на термины по линии отца, и термины по линии матери. Ниже мы приводим схему терминов родства китайского языка для более наглядной демонстрации сравнительных характеристик терминологической системы китайского языка.

По линии отца в китайском языке насчитывается 21 понятие, среди них 15, которые являются синонимами.

三代 san dai	<i>три поколения (прадед, дед, отец)</i>
儿媳妇 er xi fu	<i>невестка (жена сына)</i>
公公 gong gong	<i>свекор</i>
伯母 bo mu	<i>жена старшего брата отца (тетя)</i>
叔叔 shu shu	<i>младший брат отца (дядя)</i>
婶婶 shen shen	<i>жена младшего брата отца (тетя)</i>
姑父 gu fu	<i>муж сестры отца</i>
弟兄 di xiong	<i>старший деверь (старший брат мужа)</i>
夫弟 fu di	<i>младший деверь</i>
大姑子 da gu zi	<i>золовка, сестрица (старшая сестра мужа)</i>
侄子 zhi zi	<i>племянник (сын брата)</i>
侄女 zhi nv	<i>племянница (дочь брата)</i>
孙子 sun zi	<i>внук</i>
孙女 sun nv	<i>внучка</i>
从祖叔父 zong zu shu fu	<i>двоюродный дядя (младший двоюродный брат отца)</i>

Синонимичные ряды понятий в китайском языке

爷爷 ye ye / 祖父 zu fu	дедушка
奶奶 nai nai / 祖母 zu mu	бабушка
婆婆 po po / 婆母 po mu	свекровь
伯伯 bo bo / 伯父 bo fu	старший брат отца (дядя)
姑姑 gu gu / 姑母 gu mu	сестра отца (младшая или старшая)
堂妹 tang mei / 堂侄女 tang zhi nv / 从妹 cong mei	двоюродная тетя (младшая двоюродная сестра)

По линии матери в китайском языке насчитывается 18 слов, из них 11 являются абсолютными синонимами.

外曾祖父 wai zeng zu fu	прадед по матери
女婿 nv xu	зять (муж дочери)
舅舅 jiu jiu	брат матери (младший или старший)
舅妈 jiu ma	жена брата матери
内兄 nei xiong	старший двоюродный брат (сын брата матери)
内弟 nei di	младший двоюродный брат (сын брата матери)
姨父 yi fu	муж сестры матери
姐夫 jie fu	муж старшей сестры
妹夫 mei fu	муж младшей сестры
外甥 wai sheng	племянник (сын сестры)
外甥女 wai sheng nv	племянница (дочь сестры)
外孙 wai sun	внук (по линии дочери)
外孙女 wai sun nv	внучка (по линии дочери)

Синонимичные ряды понятий в китайском языке

外祖父 wai zu fu/ 外公 wai gong	дедушка (со стороны матери)
外婆 wai po/ 姥姥 lao lao / 外祖母 wai zu mu	бабушка (со стороны матери)
岳父 / 丈人 zhang ren	тесть
岳母/ 丈母娘 zhang mu niáng	теща
姨母 yi mu / 姨 yi	сестра матери (старшая или младшая)

Среди многообразия терминов генеалогического родства в китайском языке существуют 16 понятий, которые являются нейтральными и употребляются вне зависимости от линии родства, причем 12 терминов являются синонимами.

儿子 er zi	Сын
女儿 nv er	дочь
哥哥 ge ge	старший брат
弟弟 di di	младший брат
姐姐 jie jie	старшая сестра
妹妹 mei mei	младшая сестра
嫂子 sao zi	жена старшего брата
堂哥 tang ge	старший двоюродный брат
堂姐 tang jie	старшая двоюродная сестра
1. 表弟 biao di	младший двоюродный брат
2. 表妹 biao mei	младшая двоюродная сестра

Синонимичные ряды понятий в китайском языке

母亲母亲 mu qin / 妈妈 ma ma	мама
父亲 fu qin / 爸爸 ba	папа
弟妹 di mei / 弟媳 di xi	жена младшего брата

老公 lao gong / 丈夫 zhang fu	муж
老婆 lao po / 妻子 qi zi / 太太 tai tai / 夫人 fu ren	жена

2.4 Сопоставительный анализ лексических средств объективации концепта «семья» в таджикском и китайском языках

Поскольку система терминов родства в китайском языке более развита, при классификации терминов родства в таджикском языке воспользуемся аналогичной схемой анализа по линии отца, по линии матери и нейтральные термины.

По линии отца в таджикском языке насчитывается всего 12 терминов:

падаршуй	<i>свекор</i>
амак	<i>младший брат отца (дядя)</i>
бародаршуй/ хевар	<i>старший деверь (старший брат мужа)</i>
додаршуй	<i>младший деверь</i>
хохаршуй	<i>золовка (сестра мужа)</i>
модаршуй	<i>свекровь</i>
амак	<i>дядя (брат отца)</i>
амма	<i>тетя (сестра отца)</i>
писари амак	<i>двоюродный брат по отцу (сын дяди)</i>
духтари амак	<i>двоюродная сестра по отцу (дочь дяди)</i>
писари амма	<i>двоюродный брат по отцу (сын тети)</i>
духтари амма	<i>двоюродная сестра по отцу (дочь тети)</i>

По линии матери в таджикском языке насчитывается 9 слов:

домод	<i>зять (муж дочери)</i>
тағо	<i>брат матери (младший или старший)</i>
хола	<i>сестра матери (старшая или младшая)</i>

писари тағо	<i>двоюродный брат (сын брата матери)</i>
писари хола	<i>двоюродный брат (сын сестры матери)</i>
духтари тағо	<i>двоюродная сестра (дочь брата матери)</i>
духтари хола	<i>двоюродная сестра (дочь сестры матери)</i>
падарарус	<i>тесть</i>
модарарус	<i>теща</i>

Среди многообразия терминов генеалогического родства в таджикском языке существуют 27 терминов, которые являются нейтральными и употребляются вне зависимости от линии родства, причем 13 терминов являются синонимами.

писар	<i>сын</i>
духтар	<i>дочь</i>
бародар	<i>старший брат</i>
додар	<i>младший брат</i>
хоҳар/апа	<i>старшая сестра</i>
хоҳар	<i>младшая сестра</i>
янга	<i>жена старшего брата, дяди</i>
келин	<i>жена младшего брата</i>
язна/поччо	<i>муж старшей сестры или тети</i>
чиян	<i>племянник, племянница</i>
бародарзода	<i>племянник, племянница (сын или дочь старшего брата)</i>
додарзода	<i>племянник, племянница (Сын или дочь младшего брата)</i>
хоҳарзода	<i>племянник, племянница (Сын или дочь сестры)</i>
набера	<i>внук/внучка</i>
падаркалон/бобо	<i>дедушка</i>
модаркалон/бибӣ	<i>бабушка</i>
модар/оча	<i>мама</i>

падар/дада/ ота	<i>nana</i>
шавҳар	<i>муж</i>
зан	<i>жена</i>

Теперь покажем систему соответствий терминов родства в китайском и таджикском языках, сопоставив их.

По линии отца прослеживаются следующие соответствия, причем необходимо отметить, что поскольку система китайских терминов родства более разветвлена, таджикские термины повторяются по несколько раз:

	三代 sāndài	<i>три поколения (прадед, дед, отец)</i>
келин	儿媳妇 érxífū	<i>невестка (жена сына)</i>
падаршуй	公公 gōnggong	<i>свекор</i>
янга	伯母 bómǔ	<i>жена старшего брата отца (тетя)</i>
амак	叔叔 shūshū	<i>младший брат отца (дядя)</i>
янга	婶婶 shěnshe	<i>жена младшего брата отца (тетя)</i>
поччо/ язна	姑父 gūfù	<i>муж сестры отца</i>
бародаршуй/ хевар	弟兄 dìxiong	<i>старший деверь (старший брат мужа)</i>
додаршуй	夫弟 fūdì	<i>младший деверь</i>
хохаршуй	大姑子 dàgūzi	<i>золовка, сестрица (старшая сестра мужа)</i>
чиян/ додарзодаи падари, бародарзодаи падари	侄子 zhízi	<i>племянник (сын брата)</i>
чиян/ додарзодаи падари, бародарзодаи падари	侄女 zhínǚ	<i>племянница (дочь брата)</i>
набера(писар)	孙子 sūnzi	<i>внук</i>

набера (духтар)	孙女 sūnnǚ	внучка
амак	从祖 zòngzǔshūfù	двоюродный дядя (младший двоюродный брат отца)

По линии матери прослеживаются следующие корреляции:

бобокалон	外曾祖父 wàizēngzǔfù	прадед по матери
домод	女婿 nǚxu	зять (муж дочери)
таго	舅舅 jiùjiu	брат матери (младший или старший)
янга	舅妈 jiùmā	жена брата матери
бародарзода, писари таго	内兄 nèixiōng	старший двоюродный брат (сын брата матери)
додарзода. Писари таго	内弟 nèidì	младший двоюродный брат (сын брата матери)
язна. поччо	姨父 yīfù	муж сестры матери
язна. поччо	姐夫 jiěfu	муж старшей сестры
язна. поччо	妹夫 mèifu	муж младшей сестры
хохарзода, чиян	外甥 wàisheng	племянник (сын сестры)
хохарзода, чиян	外甥女 wàishengnǚ	племянница (дочь сестры)
набера	外孙 wàisūn	внук (по линии дочери)
набера	外孙女 wàisūnnǚ	внучка (по линии дочери)

Синонимичные ряды понятий

падаркалон, бобо	外祖父 wàizǔfù/ 外公 wàigōng	дедушка (со стороны матери)
модаркалон, биби	外婆 wàipó/ 姥姥 lǎolao / 外祖母 wàizǔmǔ	бабушка (со стороны матери)
падарарус	岳父 / 丈人 zhàngrén	тесть
модарарус	岳母 / 丈母娘 zhàngmǔniáng	теща
хола	姨母 yímǔ / 姨 yí	сестра матери (старшая или младшая)

Таким образом, можно заключить, что в таджикском и китайском языках по линии отца соответственно 12 и 21 слов, по линии матери 9 и 18 слов, нейтральных терминов – 27 и 16. Количество нейтральных терминов родства, независящих от отцовской и материнской линий в таджикском языке больше, к тому же в некоторых словах, таких как *набера* и *чиян* нет и родовых различий. Всего мы выявили 48 терминов родства в таджикском и 55 – в китайском языке.

Выводы по второй главе

Таким образом, различия в терминологии родственных отношений предопределяются несовпадением культурных традиций двух народов, религиозного и философского восприятия мира, что несомненно отражается на семантической дифференциации конкретного объекта и несовпадении структуры его членения, поскольку концепт как ментальная сущность формируется под непрерывным влиянием на нее таких факторов, как мировоззрение, быт, традиции, культура, религия и другие сферы жизни. Семья как социальная единица состоит из определенного количества близких людей, связанных

кровными узами. Как для китайцев, так и для таджиков большое значение в их жизни играет семья и традиции семейных и родственных отношений. В китайском языке родственные отношения определяются в одном слове одновременно и по старшинству, и по полу: 弟 *dì* «младший брат», 姐 *jiě* «старшая сестра», 哥 *gē* «старший брат». В таджикском языке наблюдается членение данного принципа. Например, в слове АКА реализуется отношения как по возрасту, так и по полу, а в лексеме БАРОДАР – только по полу. В связи с этим количество терминов в китайском языке больше, чем в таджикском.

На примере анализа словарных статей, связанных с терминологией родства, становится понятным, что семья характеризуется как нуклеарная единица, в состав которой входят муж и жена, а также их неженатые дети или же их отсутствие. Несмотря на то, что через толкование слов раскрывается только номинативный слой концепта, все же в основе каждого определения заложен общий денотат, представляемый лексемами «группа», «единство». Такое определение семьи предполагает объединение на основе каких-либо общих признаков. Определение семьи через «группу родственников» предполагает объединение на основе родства – связи между людьми, основанной на происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что словарный запас терминов генеалогического родства китайского языка несколько богаче таджикского. Связано это с тем, что для китайцев в определении родства и соблюдении этических норм, сложившегося менталитета, уклада семейной жизни, религиозных и философских традиций важны не только пол и возраст, а сложившиеся отношения к родственникам по отцовской и материнской линии. В таджикской культурной и языковой традиции существуют очень близкие выражения восприятия семьи и отношений между родственниками, однако такой выраженной дифференциации по признаку родства по отцовской и материнской линии не существует. Семья занимает особое место как в жизни китайцев, так и в

жизни таджиков.

Анализ семантического поля составляющих концепта *семья* (муж, жена, сын, дочь, брат, сестра, дедушка, тетя, дядя и т.п.), их синонимических и ассоциативных рядов, а также их символической значимости с учетом национальной и культурной специфики позволяет выявить большой спектр концептуальных признаков. Как таджикский, так и китайский концепт *семья* национален по своей сути, хотя не лишен и интернационального наполнения. Его национальная специфичность отражена во взаимоотношениях членов китайской и таджикской семьи. Интернациональный характер исследуемого концепта заключается в признании и принятии общечеловеческих ценностей в обеих культурах, на которых формируется семья.

Концепт *семья* является композитивным ментальным образованием, представляющим собой интегральную совокупность ряда более конкретных концептов: *жена, муж, мать, отец, дети, родственники* и т.д., которые образуют его содержание в своем единстве. Концепты-компоненты в концепте *семья* образуют вариативный и открытый концептуальный ряд. Таким образом, композитивный концепт *семья* является открытым композитивным концептом в отличие от закрытых композитивных концептов, образуемых постоянными концептами-компонентами.

Семья имеет структуру вертикального родства по схеме: семья – род – клан – нация, где семья служит фундаментом иерархической системы, отражающей путь становления социальных отношений от отдельной ячейки общества до целого государства. В основе горизонтального среза концепта *семья* лежит тип родства: кровное родство по прямой линии, кровное родство не по прямой линии, родство по браку, а также те неродственные отношения, которые попадают в разряд семейных. Исходя из перечисленных типов родства и их сочетаний выделяются две основные разновидности семьи: нуклеарная (одна семейная пара с детьми) и сложная (включающая родственников по восходящей и боковым линиям). Основой является нуклеарная семья, поскольку ее функцией является

продолжение рода по нисходящей линии. Таджикская семья является самым важным звеном передачи этнокультурных традиций, сохранения и развития народных компонентов культуры и обрядности. Семья представляет собой некое психологическое целое. Одной из самых важных функций семьи остается культивирование и передача последующему поколению определенных черт специфической культуры народа, а именно поведения в быту, социуме, в обществе в целом.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАХ ТАДЖИКСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

3.1 Фразеологизм как когнитивно-прагматический феномен ментальности таджикского и китайского языков

Исследование концептов, объективированных фразеологизмами, в рамках приобретающих популярность лингвокультурологического и когнитивного направлений, а также сопоставительного аспекта изучения фразеологических систем разных языков, в частности таджикского и китайского, может помочь в изучении особенностей мышления и мировосприятия этих народов, в выявлении их культурных ценностей, а также специфических и универсальных черт в способах концептуализации действительности, которые присущи тому или иному языку.

Достаточно полное представление о языковой картине мира дает фразеология языка. Природа значения фразеологической единицы тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. В. Н. Телия пишет, что фразеологизмы возникают в языках «на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [Телия 1996: 214]. Фразеологическая единица – это «след, отпечаток материальной культуры носителя, отражающий действительность через переносное значение некоторых слов, привычные метафоры, сравнения, свободные сочетания и другие лексические коннотации» [Телия 1996: 147]. Именно подобное восприятие

окружающего мира и представляет собой фразеологическую картину мира, ассоциативно закреплённую в сознании народа. Фразеологическая картина мира выступает как совокупность знаний о мире, прежде всего на уровне обыденного сознания, и поэтому представляет собой «наивную картину мира». Фразеологическая картина мира представляет собой элемент языковой картины мира, который, по убеждению Е.С. Кубряковой, есть «особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это – своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, совокупность обозначений, влияющая на членение опыта и видение ситуаций, событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но в известной мере правила их образования и функционирования» [Кубрякова 2004: 64–65]. Изучение фразеологической системы нескольких языков позволяет получить достоверную информацию об отношении к тому или иному факту действительности у представителей разных народов. Проблема фразеологической картины мира рассматривается в совокупности с такими взаимосвязанными категориями, как «менталитет» и «ментальность» [Телия, 1996; Хайруллина, 1997; Киприянова, 1999]. Менталитет описывает специфику отражения внешнего мира, обуславливающую способы реагирования достаточно большой общности людей [Петровский 1984: 15]. Менталитет – это мировидение, мировосприятие нации, ее особый склад ума, способ мышления. Ментальность – характерная для конкретной культуры специфика «психической жизни представляющих данную культуру людей, детерминированную экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте» [Дубов 1993: 21].

Очередным доказательством представляется исследование в таджикском и китайском языковом сознании характера корреспонденций психического, внутреннего мира с фрагментами реального мира на примере фразеологизмов, репрезентирующих концепт «семья». Представляя собой один из

фундаментальных общественных институтов, семья является неотъемлемым компонентом культуры народа. Семья при всей своей универсальности проявляет в разных языках определённую специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики. Лингвокультурологический анализ концепта «семья» в таджикском и китайском языках является достаточным интересным, так как оба народа отличаются особым отношением к данному объекту.

Для любого развитого общества семья является важнейшим общественным институтом. Именно в данном институте формируется личность со всеми присущими ей индивидуальными качествами, предопределяющие культурную, психологическую и социальную активность человека в том или ином сообществе. Семья отражает общечеловеческие и национально-специфические ценности, а представления о семье можно отнести к числу универсально значимых концептов. Семья – это уникальный социальный институт, который способствует сохранению исторических и культурных традиций в обществе, активно адаптируется к изменяющимся историческим условиям, к укладу жизни и социальным условиям.

Функции семьи очень значимы. К основным из них следует отнести формирование личности, первичную социализацию человека в обществе, она служит проводником основообразующих ценностей лингвокультурной общности от поколения к поколению.

Каждый народ высоко ценит семейные отношения, которые составляют фундамент здорового общества.

Как в таджикском, так и в китайском обществе устойчивость традиционных семейных отношений обусловлена тем, что каждая семья относится к более широкой родственной группе. Члены семьи чувствуют ответственность не только за себя и свою семью, но и за весь род.

Институт семьи строится на союзе мужчины и женщины. Биологические различия между мужчинами и женщинами одинаковы во всем мире, но их социальные роли никак не соотносятся с биологическими различиями и в каждом обществе они специфичны. Статус отца и матери в семье также тесно связан с детьми.

Ведущая роль семьи в формировании мировоззрения даёт основание позиционировать концепт «семья» как один из ключевых концептов культуры, вобравших в себе моральные, этические, нравственные, культурные, исторические ценности лингвокультурной общности, раскрывающие основополагающие элементы менталитета нации.

В единицах языка, в нашем случае фразеологизмах, составляющих концепт «семья», заключены важнейшие понятия материальной и духовной культуры, которые передаются посредством языка из поколения в поколение.

Сущность языка заключается в его функции: в материи языка оформляется концептуальная модель мира [Антропова 2002: 8]. Процессы языковой концептуализации, базирующиеся на языке, связаны с деятельностью мышления и сознания. Вопрос о характере языковой концептуализации до настоящего времени не нашел своего однозначного решения, что объясняется сложностью этого лингвистического явления. Необходимо найти когнитивные механизмы, которые при всех вариациях функционирования в отличающихся формах познавательной деятельности сохраняют нечто общее и существенное для понимания природы человеческого познания. Концептуализацию следует понимать, как переход от эмпирического описания к связному объяснению целостности знания.

Понятие языковой концептуализации соотносится с такими понятиями, как «язык», «концепт», «языковая картина мира», «образ мира», «концептосфера», «фразеологическая картина мира». Томас Лукманн дает в этой связи следующую характеристику: «Язык является настолько важной частью человеческой жизни, что его характеристика как неотъемлемого качества человека не вызывает никаких сомнений. Он выполняет функции, важные даже на самом элементарном

уровне человеческого опыта. Ничто не может сравниться с ролью языка в передаче «самых малых» трансценденталий обыденной жизни: он связывает настоящий опыт с прошлым и будущим; благодаря языку люди получают доступ к скрытой субъективности другого не только в ситуации непосредственного общения, но и в социальных отношениях между современниками; более того, язык обеспечивает связь между поколениями» [Лукманн 1988: 40]. Под языковой концептуализацией в лингвистике понимается вербализованное оформление, структуризация накапливаемых человеческим сознанием и мышлением смыслов, ассоциаций, образов, символов и т.п. По мнению С.Г. Воркачева, языковая концептуализация – это совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц; ученый считает, что она различна в разных культурах [Воркачев 2002: 84].

Мы говорим о наличии имен концептов в том случае, если концептуализируемая область осмыслена в языковом сознании и получает однословное или фразеологическое обозначение. «Концептуализация действительности осуществляется как обозначение, выражение и описание» [Карасик 2002]. Концептуализация – это множество аналитических приемов, операций и процедур, используемых при исследовании и описании процессов познавательной деятельности человека, заключающихся в осмыслении и интерпретации поступающей к нему информации о том или ином фрагменте мира/познания и приводящей к образованию концептов и концептуальных систем посредством языковых единиц разных системных уровней. Языковая концептуализация может трактоваться и как способ представления действительности (или ее фрагмента) посредством языка, и как «вербализованное оформление «накапливаемых» человеческим сознанием смыслов и структуризация знания о мире на основе данных языка» [Рыбникова 2001: 7].

В данной главе средством процесса языковой концептуализации концепта «семья» выступают фразеологизмы таджикского и китайского языков. Это обусловлено тем, что фразеологизм как языковой знак и явление культуры –

уникальная единица кода экспрессивно-образной номинации, имеющей особую когнитивную организацию, характеризующейся специфической корреляцией гносеологического, семантико-смыслового, ассоциативно-образного, этического и прагматического аспектов. Семантическая структура фразеологизма в значительно большей степени зависит от экстралингвистических факторов, чем семантика отдельного слова, следовательно, во фразеологии наиболее полно и ярко отражается своеобразие жизни и быта того или иного народа. В этой связи таджикские и китайские фразеологизмы будут интерпретироваться как ключевые знаки культуры этих народов, формирующие и отражающие народно-мировоззренческую основу.

Исключительная ценность фразеологических единиц заключается в том, что они, как ни одна другая единица языка, отражают менталитет народа, ярко проявляющего свою национальную специфику. В восточной культуре большое значение имеют традиции. Как для таджикской, так и для китайской традиционной культуры главным приоритетом являются семья, почитание старших и жесткая иерархия. Все это ярко отражается во фразеологической системе языка.

Самой распространенной формой выражения и хранения установок, стереотипов, символов отдельно взятой культуры, является фразеологический фонд языка. В содержании фразеологического фонда каждого языка выделяются как универсальные, так и культурно-национальные элементы. Общечеловеческое содержание, которое отражается во фразеологии языков народов мира базируются на общих типах образной интерпретации реалий окружающей действительности. Национально-культурная специфика фразеологизмов основывается в первую очередь на конкретных культурно-исторических условиях развития народа и его традициях. Каждая нация в форме присущей именно ее менталитету образной интерпретации действительности отражает факты, явления, события, не просто называя, но и одновременно оценивая их. В лингвистике широко представлены работы, исследующие национальное своеобразие фразеологического фонда

конкретного языка или же двух языков (в этом же аспекте представлена и наша работа). Проблема фразеологической универсальности исследована в меньшей степени, хотя уникальность фразеологии каждого отдельного языка заключается именно в особом соотношении общего, универсального и культурно-национального. Национальная особенность фразеологии того или иного языка может проявляться как в характеристиках ее внутриязыковой организации, так и в уникальности различных фактов национальной культуры, связанных с отличным восприятием некоторых концептов, получивших отражение во фразеологических единицах.

При формировании этнического самосознания и культуры регуляторами поведения служат врожденные и приобретаемые в процессе социализации факторы. Это культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом, определенной культурой и осознавать себя ее элементом. По мнению В.А. Масловой, механизмом формирования стереотипов являются когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют когнитивные функции – функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии [Маслова 2001: 110]. Язык отражает национальную ментальность и культурные ценности определенного этноса. У каждой культуры есть свои ключевые концептуально значимые фразеологизмы. «Специалисты по этнической психологии отмечают, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчеркивают у себя такие качества, как ум, предприимчивость, деловитость, а нации с более отсталой экономикой – доброта, сердечность, гостеприимство» [Щербина, 2008: 72].

Таким образом, языковая личность реализуется и характеризуется с помощью языковых доминант, среди которых важное место принадлежит фразеологическим образованиям.

3.2 Семантическая классификация фразеологизмов, репрезентирующих концепт «семья» в таджикском языке

Фразеология таджикского языка сложилась в 40–50-е гг. прошлого века под сильным влиянием фразеологии русского языка (следует отметить, что подобная ситуация царила не только в области фразеологии, а в целом в таджикском языкознании) поэтому рассмотрение фразеологии таджикского языка следует начать с начала ее развития в 20 в.

В таджикской лингвистической науке теоретические разработки вопросов фразеологизмов начинаются с 50–60-х гг. (См. Н. Маъсуми (1959), М. Фазылов (1963–1964), Р. Гафаров (1966), Х. Маджидов (1966), С.В. Хушенова (1971), И. Хасанов (1974) и др.). С семидесятых годов прошлого века появляются сопоставительные работы по фразеологизмам на материале таджикского, русского, узбекского и английского языков (см. работы Г.Б. Баракаевой (1968); А. Ахметжанова (1970); Э. Бабаева (1976); М.Н. Азимовой (1980); Х.И. Икрамовой (1967); Б.А. Тахохова (1974); М. Юсуповой (1974) и др.

В настоящее время исследователей фразеологии все больше привлекают сравнительно-типологический, структурно-типологический аспекты изучения фразеологии, имеющие дело с анализом фразеологических материалов двух и более языков [Азимова 2006; Юсупова 2006 и др.].

В 1963–64 гг. вышел в свет двухтомный толковый фразеологический словарь (составитель М.Фазылов). В предисловии составитель приводит информацию о фразеологической системе в таджикском языке и пытается классифицировать фразеологические единицы таджикского языка, что является первым опытом их классификации в таджикской лингвистике. Заслуга М.Фазылова состоит в том, что он отделяет глагольные фразеологические словосочетания и именные фразеологические словосочетания. В словаре содержится огромное число пословиц и поговорок.

У основ изучения фразеологии таджикского языка стоял также Р.Гафаров. В его статьях предпринимаются попытки показать разницу между синтаксическими фразеологизмами и словосочетаниями, а также уточнить основные признаки фразеологических словосочетаний. Автор доказывает, что основным признаком фразеологизмов выявляется в результате их повторного (многократного) использования, когда теряются номинативные значения их частей. Он также выделяет изафетные и глагольные фразеологические словосочетания. Вслед за В.В.Виноградовым исследователь разделяет фразеологизмы таджикского языка на следующие типы: 1) фразеологические словосочетания (*барги сабз, гули сари сабад*); 2) обычные лексические единицы (*рохи оҳан, кирми харак*); 3) фразеологические сращения.

Одним из первых исследований в области фразеологии таджикского языка следует считать работу Н. Маъсуми «Очерки о развитии литературного таджикского языка», основная часть которой посвящена анализу языка и стиля повести «Смерть ростовщика» С.Айни. В этой работе автор обращает внимание и на место фразеологических сочетаний в данном произведении. Он пишет: «Широта объёма и круга фразеологии, особенно на языке художественной литературы, показывается (раскрывается) с разнообразием её формы, вида и смысла, которые составляют суть изобразительных средств языка писателя» [Маъсуми 1959: 47]. Кратко анализируя устойчивые словосочетания, автор делит их на 2 группы:

1) словосочетания, которые при употреблении имеют более или менее определённое место, относятся к теме и конкретному явлению, как будто каждый из них относится к одной теме и известному явлению.

2) словосочетания, которые при разговоре не имеют темы и постоянного предмета и являются в какой-то мере более или менее устойчивыми формами выражения и у которых широкий круг употребления [Маъсуми 1959: 47].

В работе Т.Максудова, Ф.Зикрияева и Х.Джалилова «О фразеологических единицах и их синтаксической задаче» рассматриваются отношения ФЕ со

свободными синтаксическими словами и словосочетаниями и терминологии фразеологии.

В главе «Семантическая классификация ФЕ» авторы, опираясь на классификацию лингвистов В.В.Виноградова, Н.М.Шанского и Р.Гаффарова, по семантике и отношению частиц делят на 4 группы:

- 1) непроезводные фразеологические слова (рехтаҳои фразеологӣ);
- 2) фразеологические соединения (омехтаҳои фразеологӣ);
- 3) фразеологические связи (вобастагиҳои фразеологӣ);
- 4) фразеологические обороты (ифодаҳои фразеологӣ).

Работа С.В.Хушеновой «Изафетные фразеологические единицы таджикского языка» является одним из первых теоретических исследований устойчивых сочетаний таджикского языка. В работе анализируются изафетные ФЕ в сравнении с синтаксическими словосочетаниями и сложными словами. Кроме того, исследуются лексический состав и структурно-функциональные особенности устойчивых изафетных единиц.

В 1992 году вышла в свет работа лингвиста Х. Маджидова «Фразеология современного таджикского языка». В данной работе дается основательная классификация фразеологических единиц, источников проявления, фразеологизмы рассматриваются с точки зрения стилистического использования. Автор разделяет фразеологические единицы на 2 части: семантические группы ФЕ (идиомы, фраземы, неидиоматичные фразеологизмы); группы ФЕ по структуре (фразеологические составы, фразеологические сочетания, фразеологические предложения). С точки зрения семантики в работе изучаются проблемы полисемических, омонимических и синонимических особенностей фразеологических единиц, их вариантности и антонимии. С точки зрения стилистики, Х.Маджидов выделяет общеупотребительные, книжные и разговорные фразеологические единицы.

Х.Маджидов, как и многие другие исследователи фразеологии, в основном опирается на воззрения русских учёных в отношении фразеологии с пояснением

специфики таджикского языка. Автор, кроме классификации и стилистических особенностей фразеологии таджикского языка, выделяет общую фразеологию, историческую фразеологию, сравнительную фразеологию и изобразительную фразеологию. Кроме последней, все перечисленные разделы выделяются практически на всех языковых уровнях.

Основные проблемы фразеологии таджикского языка развивались под непосредственным влиянием теоретических идей академика В.В.Виноградова. Несомненно, все вышеупомянутые научные исследования, учебники и учебные пособия, словари и др. внесли определенный вклад в становление и развитие таджикской фразеологии.

Самым интересным во фразеологии является изучение устойчивых сочетаний с позиций когнитивной лингвистики. Подобные работы только стали появляться в отечественном языкознании. Как отмечалось выше, центром когнитивистики в РТ по праву принято считать кафедру теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета под руководством доктора филологических наук профессора Искандаровой Д.М.

Данная часть нашей работы связана с номинативным полем концепта «семья» и его репрезентацией в таджикской и китайской фразеологии и паремиологии.

Так сложилось, что в прошлом, как в досоветский период, так и в Советском Союзе, в Таджикистане были сильны патриархальные воззрения на семью. Это был патриархальный мир традиционного житейского уклада, который включал в себя веками отработанный механизм социализации, воспитывающий в человеке стремление работать на благо семьи, подчиненность детей и женщин главе семьи – мужчине. Брак в досоветский период строился не на любви, а на выгоде. Женщина воспринималась как некий объект, который можно было выгодно «купить» и «продать». Настоящая любовь была редким явлением и не считалась поводом для заключения брака. Считалось, что хорошая жена должна была быть не столько красивой, сколько хозяйственной – на ней лежала вся работа по дому:

воспитание детей, уборка, готовка, работа в поле, в семье. Мужчина был главой семьи. Он должен был обеспечивать и защищать своих домочадцев, быть сильным, строгим и справедливым. Жена должна была быть прилежной, во всем подчиняться своему мужу. Это подчинение оправдывалось идеей исламской религии, хотя эти устои были и в доисламский период. Идея заключалась в превосходстве мужа над женой. Религия пронизывала все сферы общества и имела огромное влияние на сознание народа, так что никто не оказывал сопротивление этому укладу. Практически каждый мужчина был женат ввиду более высокого социального статуса по сравнению с женщиной. Для женщины же не выйти замуж считалось позором. Это как бы говорило о том, что женщина не подходила под нормы и критерии того периода.

В советский период и до настоящего времени люди, не состоящие в браке, уже не вызывают общественного осуждения. В советский период излишняя религиозность сменилась умеренным принятием религиозных законов. Выросло несколько поколений людей, сознание которых было свободно от религиозных предубеждений. На современном этапе ощущается более сильное влияние религии на институт семьи в Таджикистане, хотя можно говорить о том, что отношения в семье и в обществе в целом стали более либеральными.

Основные признаки, выделяемые в рамках анализируемого явления, мы полагаем возможным также отнести к семантическому полю концепта. Сюда относятся супруги, родственники, дети, любовь, родители, соседи и другие компоненты, наиболее тесно связанные с ядром. В результате анализа нами выделены фразеологические единицы, отражающие специфику концепта «семья» в таджикской лингвокультуре.

Первый компонент семантического поля концепта – компонент *дети*. Отношение к детям является особым на всем востоке, так как с ними связаны надежды родителей, они составляют суть семейной жизни: *Аз фарзанд беҳтар неъмате нест. – Нет лучше блага, чем дитя. Фарзанд – лаззати умр. Дитя – услада жизни. Асал ширин, аз асал ҳам бача ширин. – Сладок мед, а дитя слаще*

меда. *Меваи инсон – фарзанд аст. – Плод человека – дитя. Фарзанд ҳам гулу, ҳам булбули оила. – Дитя – и цветок и соловей семьи. Оилаи бефарзанд, дарахти бемева. – семья без детей, что дерево без плодов.* Однако, при всей любви к детям, очень важным оставалось их воспитание: *Бача азиз аст, одобаш аз вай азиз. – Дитя дорого, а воспитанность его дороже его самого. Давлати инсон – фарзанд. Богатство рода человеческого – дети.* Следует различать отношение к детям и взрослым: *Бача – бачавор, калон – калонвор. – С ребенком по-ребячьи, со взрослым – по-взрослому. Бача – дар бачагӣ, арус – дар арусӣ. – ребенка воспитывай в детстве, невесту, пока она невеста.* В воспитании детей особую роль отводят матери: *Бача лой – оча кулол. – Ребенок глина, а мать – гончар.* Особой любовью в семье окружены внуки: *Бача донак, набера мағзи донак. – Дитя косточка, внук /внучка ядрышко в косточке. Дона аз мағз ширин. – Ядрышко вкуснее косточки.* В семье всегда опасались нерадивого ребенка, он приносил всегда какие-либо беды: *Бачаи нағз раҳмат мебиёрад, бачаи бад – лаънат. – Хороший ребенок приносит отраду, плохой ребенок – проклятье. Дарахти бесамар беҳ аз фарзанди носолех. – Бесплодное дерево лечие недобродетельного ребенка. Фарзанди хуб – боғи падар, фарзанди бад – доғи падар. – Хороший ребенок – сад отца, плохой ребенок – горе отца.* В таджикской семье не принято баловать ребенка: *Бачаи эрка – балои ҷон. – Избалованный ребенок – несчастье в жизни.* Важным в таджикской семье всегда было контролировать детей: *Бачаро кор фармову аз пасаш дав. – Ребенку дело поручи, сам следом беги.* Вместе со всем этим принято было прислушиваться к желаниям детей: *Бача ҳукми подшоҳ дорад. – Ребенок имеет власть царя.* Особое внимание уделяется любви к детям: *Меҳри фарзанд бар шоҳу гадо яке бувад. – Любовь к своим детям свойственна и царям, и нищим.*

Другим компонентом семантического поля концепта «семья» являются отец и мать. Почитание родителей является священным долгом детей. В таджикском обществе послушание родителей, как и их непочитание осуждается: *Амри модар муқаддас асту азиз. – Повеленье матери священо и дорого. Некӣ муқаддамтар аз*

ҳама бо кӣ бояд кард? Дар ҳаққи падару модар. – Прежде всего кому должно делать добро? Матери и отцу. Падару модар баҳо надоранд, тиллою нуқра куҳнагӣ. – Золото и серебро не стареют, отец и мать цены не имеют. Давлати фарзандон – падару модар. – Богатство детей – отец и мать. Падару модар розӣ – худо розӣ. Если мать с отцом согласны, бог тоже согласен.

Одним из важных составляющих концепта «семья» является выбор невесты, так как новый член семьи всегда должен вписаться в ауру семейных отношений: *Арус чи гуна аст? Додарарус намуна аст. – Какова невеста? Брат образец (т.е. о невесте можно судить по ее брату). Духтар чи гуна? Модар намуна. – Какова дочь? Образец – мать (т.е. суди о дочери по ее матери). Модараширо бину духтараширо гир. – Посмотри на мать, а потом бери в жены дочь. Зан гирӣ, дида гир, дег гирӣ, санчида гир. – Жену берешь – посмотри, котел покупаешь, проверь, постукивая, нет ли трещин. В таджикской семье к дочери всегда относились, как к временному члену семьи, скорее, как к члену семьи мужа: Духтар – алафи дари мардум. – Девушка – трава, растущая у чужих ворот.*

Выбор невесты, будущей жены, связывают с покоем в доме: *Дар хонае, ки роҳат нест, дар куча фарозат нест. – В доме, где нет покоя, и на улице нет отдыха. Дар хона ҷанҷол бисёр шуд, барака гум шуд. Хонаи ҷанҷолиба барака намешавад. – В доме, где есть ссоры, нет достатка. Балои сафар беҳ, ки дар хона ҷанг. – Бедствие в пути лучше, чем ссора в семье.*

Чтобы избежать лишних ссор, необходимо соблюдать тактичность: *Духтарам, ба ту мегуям, келинам, ту шунав. – Тебе, дочка, говорю, а ты, невестка, слушай.*

Особое место в концепте «семья» занимает семантическое поле лексемы *жена*. От характера и способностей жены зависит благополучие всей семьи, так как именно с женой в таджикском обществе связывают все радости и беды дома:

Дар хона, ки зан нест, рушноӣ нест. – В доме, где нет жены, там нет света. Зани солиҳа ба кадом хонае, ки бошад, рушноӣ ба рушноӣ меафзояд. – Добродетельная жена, в каком бы она доме ни была, приумножает свет. Дар

хонае зан нест, бидон, ки як сӯзан нест. – Если в доме нет женщины. Знай ни одной иголки не найдешь. Хоксорат мекунад, зан мекунад. Тоҷдорат мекунад, зан мекунад. – Скромным тебя жена делает, венценосным тебя жена сделает. Зани нағз – гули хона. – Хорошая жена – цветок дома. Зан савдои умр. – Жена – на всю жизнь. Зани нек офияти зиндагонӣ бува. – Хорошая жена – основа жизненного благополучия. Зан шарикӣ зандагӣ ва ёри дармондагист. – Женица – товарищ в жизни и друг в несчастье.

Однако ко всем положительным качествам жена в обязательном порядке должна быть матерью. Большинство разводов в таджикской семье происходит из-за отсутствия детей: *Зани бибача – дарахти бемева. – Бездетная женица – бесплодное дерево.*

Одним из важных компонентов концепта «семья» является лексема *супруги* и отношения между ними: *Зану шавҳар – ширу қаймоқ. – Жена и муж – молоко и сливки. Зану шавҳар меҳрубон бошанд, гаҳвора холӣ намемонад. – Если муж и жена дружны, у них люлька пустовать не будет. Оила аҳл бошад, гаҳвора холӣ намемонад. – В дружной семье колыбель не пустует.*

Центральным компонентом концепта «семья» является семантическое поле любви, которое в большой степени нашло отражение не только во фразеологизмах, но и в таджикской поэзии и прозе: *Ишқ – дарди бедавог. – Любовь – неизлечимая болезнь. Ишқ камбагалу бой намегуяд. – Любовь не смотрит, кто беден. А кто богат. Ишқу мушк пинҳон намемонад. – Любовь и мускус не утаишь. Дарди марази ишқро набошад табиб. – Нет лекаря, исцеляющего болезнь любви. Барои оишқ Бағдод дур нест. – Для влюбленного и до Багдада недалеко. Ишқ – ишқи аввал. – Настоящая любовь – первая любовь.*

Любви все возрасты покорны, однако в таджикском менталитете негативное отношение к старческой любви: *Ишқи пирӣ гар бичунбад, сар ба расвой занад. – Если проснется любовь в старости, она может привести к позору.*

Таким образом, система ценностей формируется, с одной стороны, в результате исторического развития народа и его культуры, с другой стороны,

является результатом поиска общественного идеала. Различия в ценностном мировоззрении – это различия в ценностных ориентациях культур народов мира. Ценности, которые служат основанием таких различий, можно назвать базовыми социальными ценностями. Исследуемый нами концепт «семья» можно считать универсальным в своем существовании в разных культурах, но специфичным по выражению в каждом языке. Его репрезентация во фразеологическом слое языка доказывает неоспоримую ценность как для культуры, так и для языкового сознания.

3.2.1 Семантическое поле концепта *семья* в таджикском языке

Анализ фразеологической и паремиологической системы таджикского языка позволило нам выделить несколько семантических групп, связанных с концептом «семья», которые отражают семейные связи, статусные позиции в семье, взаимоотношения, кровное родство и т. д. Анализ концепта «семья» показал, что он является одним из важнейших концептов языкового сознания и занимает значительное место во фразеологической системе таджикского языка.

Для того, чтобы определить структуру семантического поля концепта *семья* в таджикском языке, определим объем данного поля и выявим основные группы.

В результате проведенного лексико-семантического анализа было выделены следующие группы, в некоторых из них выделяется по несколько подгрупп, представляющих собой компоненты семантического поля данного концепта. (Полную классификацию см. в Приложении А):

І. РОДСТВО

1. Родители (*падару модар*)

Падару модар баҳо надоранд, тиллою нуқра кӯҳнағӣ. – Золото и серебро не стареют, родители цены не имеют.

Падару модар розӣ – худо розӣ. Если родители согласны, бог тоже согласен.

2. Мать и дети

Бача – лой, оча – кулол. Дитя – глина, мать – гончар.

Дили модар ба фарзанд, дили фарзанд ба фарсанг. – Сердце матери к дитяти (тянется), а сердце дитяти тянется отмерять фарсанги, т.е. дитя стремится уйти.

Дили оча ба бача, дили бача ба куча. – Сердце матери к ребенку (тянется), а сердце ребенка тянется к улице.

3. Мать и дочь

Духтар чи гуна – модар намуна. Какова дочь – образец – ее мать, т.е. суди о дочери по ее матери.

Духтари некбахт – боги оча, духтари бадбахт – доги оча. Счастливая дочь – сад матери, несчастная дочь – горе матери.

4. Отец и дети

Фарзанди нагз - боги падар, фарзанди бад - доги падар. Хорошее дитя - сад отца, плохое дитя - горе отца.

Фарзанд агарчи айбнок аст, дар чаими падар зи айб пок аст. Будь ребенок и порочен, в глазах отца он чист.

Фарзанди нек - ҷонишини падар. Доброе дитя станет заместителем отца.

5. Ребенок, дети

Аз фарзанд беҳтар неъмате нест. – Нет лучше блага, чем дитя.

Фарзанд – лаззати умр. - Дитя – услада жизни.

Меваи инсон фарзанд аст. – Плод человека – дитя.

Бачаи нагз раҳмат мебиёрад, бачаи бад – лаънат. – Хороший ребенок приносит отраду, плохой ребенок – проклятье.

6. Дочь. Девочка

Духтар – алафи дари мардум. – Девушка – трава, растущая у чужих ворот.

7. Внуки

Бача донак, набера магзи донак. – Дитя – косточка, внук /внучка – ядрышко в косточке.

Дона аз магз ширин. – Ядрышко вкуснее косточки.

II. ОТНОШЕНИЯ

1. Отношения между мужем и женой, супругами

Худо хоки зану шуйро аз як ҷой гирифта аст. – Землю, из которой созданы жена и муж, бог взял из одного места.

Зану шавҳар – ширу қаймоқ. – Жена и муж – молоко и сливки.

Зан шарики зандагӣ ва ёри дармондагист. – Женщина – товарищ в жизни и друг в несчастье.

2. Мир в семье. Конфликты, ссоры

Дар хонае, ки роҳат нест, дар куча фарозат нест. – В доме, где нет покоя, и на улице нет отдыха.

Дар хона ҷанҷол бисёр шуд, барака гум шуд – В доме, где есть ссоры, нет достатка.

Балои сафар беҳ, ки дар хона ҷанг. – Бедствие в пути лучше, чем ссора в семье.

III. ВОСПИТАНИЕ, УВАЖЕНИЕ

1. Воспитание

Бача азиз аст, одобаш аз вай азиз. – Дитя дорого, а воспитанность его дороже его самого.

Бача – дар бачагӣ, арус – дар арусӣ. – Ребенка воспитывай в детстве, невесту, пока она невеста.

Духтарам, ба ту мегуям, келинам, ту шунав. – Тебе, дочка, говорю, а ты, невестка, слушай.

2. Уважение и почитание старших, забота о младших, помощь

Амри модар муқаддас асту азиз. – Повеленье матери священо и дорого.

Давлати фарзандон – падару модар. – Богатство детей – отец и мать.

Падару модар розї – худо розї. Если мать с отцом согласны, бог тоже согласен.

IV. ЧУВСТВА

1. Любовь

Ишқ – дарди бедавоств. – Любовь – неизлечимая болезнь.

Ишқ камбагалу бой намегӯяд. – Любовь не смотрит, кто беден. А кто богат.

Барои ошиқ Бағдод дур нест. – Для влюбленного и до Багдада недалеко.

Лайлиро ба чашми Маҷнун бояд дид. – На Лейли надо смотреть глазами Маджнуна (Красота в глазах смотрящего)

2. Любовь к детям

Меҳри фарзанд бар шоҳу гадо яке бувад. – Любовь к своим детям свойственна и царям, и нищим.

V. СУПРУЖЕСТВО, БРАК

1. Выбор невесты

Арӯс чи гуна аст? Додарарӯс намуна аст. – Какова невеста? Брат образец (т.е. о невесте можно судить по ее брату).

Модараша бину духтараша гир. – Посмотри на мать, а потом бери в жены дочь.

2. Вступление в брачный союз

Зан гирӣ, дида гир, дег гирӣ, санҷида гир. – Жену берешь – посмотри, котел покупаешь, проверь, постукивая, нет ли трещин.

3. Жена, женщина

Зан – ободии хона. – Жена благополучие дома.

Зани нағз – гули хона. – Хорошая жена – цветок дома.

Зан савдои умр. – Жена – на всю жизнь.

Занро муяш дарозу ақлаш кам. – Волос долог, да ум короткий.

Заиф аз хона ба ҳамом, аз ҳамом ба гур. – У женщины одна дорога: от дома до бани, и от бани до могилы.

Зани бе бача-дарахти бе мева. – Бездетная женщина – бесплодное дерево.

3.1 Роль женщины

*Мардро мард мекардагӣ ҳам зан, номард мекардагӣ ҳам зан.
Мужчину делает человеком жена, и подлецом тоже делает его жена.*

*Хоксорат мекунад, зан мекунад. Тоҷдорат мекунад, зан мекунад. –
Скромным тебя жена делает, венценосным тебя жена сделает.*

*Зани солиҳа ба кадом хонае, ки бошад, рушноӣ ба рушноӣ меафзояд. –
Добродетельная жена, в каком бы она доме ни была, приумножает свет.*

4. Несколько жен-хозяек (отриц.)

*Дар хонае, ки ду зан ҳаст, барака нест. В доме, где две жены, не будет
благодати*

*Дар хона ҳафт бону, хокаш то зону. – В доме семь хозяек, посуда
грязной осталась.*

Кадбону ду шуд, ош шур шуд. – У двух хозяек кушанье пересоленное.

5. Мужчина

*Марди баҳунар - хонааш пури зар. – У человека, владеющим ремеслом, дом полон
золотом.*

VI. СЕМЬЯ, РОДИНА

1. Любовь и отношение к Родине

Одами бехона, ҳамаҷо бегона. – Бездомный человек, везде чужой.

*Шахси беватан - булбули бечаман. – Человек без родины – соловей без
цветника.*

VII. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

1. Дом, очаг

Ҳар кас дар хонаи хеш ҳоҷа аст. – В своем доме и стены помогают

*Оби дари хона тира аст. – Вода, протекающая возле дома, мутна, а дочь
соседа неказиста.*

2. Гостеприимство

Меҳмон дар хона баракат меоварад. – Гость приносит в дом благодать.

Меҳмон бо дастовез дустиро бо худ меорад. – Вместе с подарком гость приносит дружбу.

Меҳмон дар дасти соҳиби хона асир аст. – Гость – пленник хозяина.

Меҳмонатро иззат кун, агарчи вай душмани ту бошад. – Гостя своего принимай с почетом, даже если он враг тебе.

Меҳмон – ҳар ки бошад, хона – ҳар чи бошад. – Гость всякий, кто бы не пришел, угощение все, что в доме есть.

VIII. СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ

1. Отношение между свекровью и невесткой, или тестем и зятем

Духтарам ба ту мегуям, келинам ту шунав. – Говорю я тебе, моя дочь, а ты, моя невестка, слушай.

Модаршуй дар гур, нештараиш дар руй. – Свекровь в могиле, а жало ее снаружи.

Хусур омад, домод баромад. – Тесть пришел, зять вышел.

Таким образом, в семантическом поле концепта *семья* в таджикском языке мы выделили 8 основных групп. Для проведения сопоставительного анализа проведем семантическую классификацию поля концепта *семья* в китайском языке.

3.3 Семантическая классификация фразеологизмов, репрезентирующих концепт «семья» в китайском языке

Китайский народ уделяет особое повышенное внимание развитию института семьи. Семья всегда рассматривалась как некое маленькое государство, отец являлся «представителем» императора в этом государстве. Отношения между членами семьи базировались на нормах конфуцианской морали. Как и в любой восточной стране, религия в целом оказывала огромное влияние на развитие китайского общества, на житейский уклад, на духовную жизнь и

китайский институт семьи. В традициях восточных стран, в том числе Китая, уклад в семье всегда был и остается строго патриархальным и имеет определенные правила и нормы. Конфуцианские нормы, человека, не желающего создавать семью, считают безнравственным, так как такой человек не думал о продолжении рода, а, значит, уклонялся от своего долга перед предками. Холостяков в Китае подвергали суровому моральному осуждению.

С течением времени отношение государства изменилось к семье, брак не является чем-то обязательным или навязываемым обществом. Власти Китая обратили внимание на остро стоящую демографическую проблему в стране, которая заключалась в стремительном и неконтролируемом росте населения. В развитии китайского института семьи за последние десятилетия наметились следующие тенденции: уменьшение среднего размера семьи; изменение внутрисемейных отношений и положения детей в семье; трансформация семейной морали; нуклеаризация ит.д.

Однако основные моральные устои по отношению к семье и ее членам остались. Традиционно в течение беременности и некоторого времени после рождения ребенка мама и новорожденный особо опекались: матери не следовало часто вставать с кровати и вообще передвигаться, запрещалось стричь волосы, пить зеленый чай, следовало держать нижнюю часть тела в тепле и т. п. В этот период вся забота о ребенке и домашние обязанности ложились на плечи других родственников женского пола.

Осталась на уровне прежних традиций особая система ухода молодых людей за старшим поколением, поддержка родителей являлась и остается особой функцией семьи. Хотя новая демографическая политика, пришедшая на смену конфуцианским понятиям о большом потомстве, нанесла серьезный ущерб системе института семьи, особенно в части отношения к родителям. Уход за своими родителями, бабушками и дедушками теперь выпадало на долю одного ребенка, что, несомненно, вводит новые моральные и этические нормы в отношения между поколениями. Претерпела изменения и концепция

«абсолютного послушания отцу», она продолжается меняться в сторону идеи равенства между членами семьи. Связь между поколениями постепенно изменилась, в основе отношений вливается материальная сторона обеспечения старшего поколения. Ощущается достаточно сильное влияние европейской культуры на внутрисемейные отношения Китая. Выражается это, прежде всего в том, что молодое поколение стало более самостоятельным и менее зависимым от мнения своих родителей и прародителей, однако дети не утратили традицию уважения к старшим и заботы о них.

Уменьшение количественного состава семьи повлекло за собой изменение структуры семьи, трансформацию внутрисемейных связей. Так, ребенок, живший в расширенной семье, с раннего детства вступал в семейно-родственные отношения со значительным количеством близких родственников, усваивал стереотипы поведения и нормы взаимоотношений между старшими и младшими, мужчинами и женщинами. Он был братом, кузеном, племянником, а позднее – дядей, тетей и т.д. В современной городской семье круг контактов единственного ребенка часто ограничивается родителями, у которых при современном ритме жизни не хватает времени на полноценное общение с ним. Столь резкое сокращение круга близких родственников привело к трансформации модели семейных отношений, изменило представления об обязанностях родственников по отношению друг к другу.

В связи с этими новыми отношениями появились новые выражения, по-разному отражающие настоящие отношения. В результате описанной политики выросло целое поколение маленьких королевичей, любимых и опекаемых обоими родителями, да еще и четырьмя бабушками и дедушками. Для них в Китае даже придумали особое название – 坑老子 (keng lao zi) – дословно «грызущие родителей», «висящие на шее у родителей».

Есть молодые люди, которые все же перешли к самостоятельной жизни, переехав из родных городков в большие мегаполисы и начав делать карьеру. Однако эти наотрез отказываются жениться или выходить замуж, их называют 坤

婚证 – kun hun zheng – «боящиеся женитьбы», что так же говорит о снижении уровня готовности брать на себя ответственность.

И, наконец, есть *динцзу* – молодые пары, состоящие в браке, но не желающие заводить детей.

3.3.1 Национальная специфика фразеологии китайского языка

Фразеологизмы любого языка, в том числе, и китайского, являются отражением национальной культуры, хранителем тайн истории, а в китайском языке также тесно связаны с императорскими династиями, с известными историческими событиями, вложившие в них народную мудрость, испытанную веками.

Источником большинства фразеологизмов китайского народа является классическая китайская литература, причем не только философские трактаты, исторические хроники, художественная литература, но и притчи, легенды и мифы, крылатые слова и выражения, заимствования из других языков. Фразеологизмы китайского языка проявляются в способах образного переосмысления фактов действительности, в типологических особенностях языка.

В китайском языке существуют различные подходы к классификации фразеологизмов, которые существенно отличаются от классификации фразеологизмов в таджикском языке. Так А.Л. Семенас классифицирует китайские фразеологизмы, в широком смысле 术语 (shu yu), на готовые выражения 成语 (cheng yu), привычные выражения 惯用语 (guan yong yu), пословицы 谚语 (yan yu), поговорки 俗语 (su yu), усеченные выражения, недоговорки-иносказания 歇后语 (xie hou yu). О.А.Корнилов делит фразеологизмы на 俗语 (su yu) – поговорки, 谚语 (yan yu) – пословицы, двучастные аллегорические речения – первая часть, которых представляет собой какое-либо иносказание (аллегорию), а вторая – его раскрытие, толкование. Если

такое речение употребляется не в полной, а в усеченной форме (только первая иносказательная часть), то можно говорить о фразеологических единицах другого типа – о недоговорках-сказаниях иероглиф и пхиньин. Ван Дэчуню выделяет афоризмы, крылатые фразы, поговорки и гуаньюньюй.

Наиболее признанной является классификация фразеологизмов китайского языка, предложенная Ма Гофань (马国凡). Он выделяет 5 основных разрядов фразеологизмов китайского языка:

- 1) чэньюй 成语 (cheng yu) – идиомы;
- 2) яньюй 颜语 (yan yu) – пословицы;
- 3) сехоуяй 歇后语 (xie hou yu) – недоговорки-иносказания;
- 4) гуаньюньюй 惯用语 (guan yong yu) – фразеологические сочетания;
- 5) суюй 俗语 (su yu) – поговорки.

Каждый из выделенных типов имеет свои особенности, но все они связаны одним началом.

История чэньюев уходит в глубокую древность. Большая часть фразеологизмов берет свое начало в китайской классической литературе, много чэньюев связанных с историческими событиями, философскими и религиозными учениями, легендами и мифами, а также с идиоматическими выражениями, заимствованными из других языков. Чэньюй 成语 буквально означает «готовое выражение», т.е. это устойчивое фразеологическое словосочетание, построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения. У чэньюев можно выделить ряд характерных признаков: архаичность лексики, семантическое единство, наличие добавочного экспрессивного значения. Чэньюй может состоять из разного количества знаков (от трех до четырнадцати), но подавляющая часть представляет собой четыре односложных слова. Подобное преобладание четырехсложных чэньюев обусловлено принципом языковой экономии.

Яньюй – пословица, малая форма народного поэтического творчества, облаченная в краткое, ритмизованное изречение, несущее обобщённую мысль, вывод, иносказание с дидактическим уклоном. Китайские пословицы состоят из четырёх и более иероглифов, так как представляют собой законченные выражения.

Национальный колорит китайской фразеологии ярко выражен во фразеологической единице сехоуэй. Сехоуэй 歇后语 *xiē hòu yǔ* – двучленные изречения, в которых первая часть представляет собой иносказание, вторая – его раскрытие. Сехоуэй, как особый тип фразеологии, до сих пор мало известен за пределами китайского языка. Сехоуэй, или недоговорки, могут употребляться как в полной форме (первый и второй члены вместе), так и в усеченной (только первый член). Однако это не ведет к образованию новой фразеологической единицы, а лишь выражает экспрессивную функцию фразеологической единицы. Недоговорка в составе простого предложения чаще всего выступает в функции сказуемого, типы которого зависят от грамматической структуры второй части сехоуэй.

Гуаньюньюй 惯用语 (*guān yòng yǔ*) – трехморфемное словосочетание. Большинство китайских лингвистов и переводчиков считают, что к категории гуаньюньюй относятся глагольные трёхсложные сочетания. Однако существует мнение о том, что к таким фразеологическим сочетаниям можно отнести и четырёхсловные (как чэньюй). Третьи полагают, что гуаньюньюй – это просто разновидность поговорок 俗语 (*sù yǔ*). Гуаньюньюй характеризуется такими же свойствами и признаками, как и другие фразеологические единицы китайского языка, а именно экспрессивностью, образностью, яркой стилистической окраской. Гуаньюньюй дословно часто может передать характер и настроение пословиц и поговорок.

Термин суюй (или поговорка) появился в китайской лингвистике сравнительно недавно, в 60–х гг. XX столетия. Однако не все лингвисты выделяли суюй в самостоятельный вид фразеологизмов. Отсутствие прямого поучительного

смысла – вот что является основным отличием поговорки от пословицы. Модель словосочетания является характерной для данной фразеологической единицы, которой также присущи целостность значения, устойчивость и гибкость структуры, принадлежность к книжному стилю. Китайские поговорки наделены остроумием, скрытым смыслом и глубоким культурно-историческим подтекстом. В основном преобладают поговорки восьмикомпонентного характера.

3.3.2 Отражение концепта семья в китайских фразеологизмах

Проанализируем, каким образом концепт *семья* репрезентируется в китайской фразеологической системе.

Для создания семьи важен подбор невесты. В китайской литературе существует два типа красавиц – 小家碧玉 *xiao jia bi yu* (*красивая девушка из бедной семьи*) и 大家闺秀 *da jia gui xiu* (*незамужняя девушка из высокопоставленной и богатой семьи*). Если говорят о бедной семье, то используют фразеологизмы 家贫如洗 *jia pin ru xi* (*Семья бедна, словно обмытая*), 家徒四壁 *jia tu si bi* (*в доме только четыре голых стены*) и 家无担石 *jia wu dan shi* (*в доме никаких запасов продовольствия*); о богатой семье скажут – 家给人足 *jia ji ren zu* (*в доме достаток и члены семьи живут в довольстве*); 家财万贯 *jia cai wan guan* (*имущество в семье – десять тысяч связок монет*).

Преобразование бедной семьи в богатую передаётся фразеологизмами 白手起家 *bai shou qi jia* (*создать своё благополучие собственным трудом*) и 发家致富 *fa jia zhi fu* (*развить семейный бизнес и нажить богатства*); тогда как обратный процесс отражён другими словами: 家道中落 *jia dao zhong luo* (*состояние семьи в упадке*) и 倾家荡产 *qing jia dang chan* (*пустить по миру семью и промотать всё имущество*). Культурную и образованную семью в Китае называют 书香人家 *shu*

xiang ren jia (*Семья с запахом книг*) и 诗礼之家 shi li zhi jia (*дом, где изучают «Шицзин» и «Ли цзи»*).

Психологический склад китайского народа отражён в сложившихся стереотипных представлениях о семье. Так, китаец воспринимает семью, как надёжный оплот: 在家千日好 出门半日难 (zai jia qian ri hao chu men ban ri nan) – *Хорошо и тысячу дней в своей семье трудно половину дня вне семьи*; В представлении китайского народа человек без семьи одинок: 孤木难活 (gu mu nan huo) – *Одно дерево тяжело растёт*; 孤雁难飞 (gu yan nan fei) – *Один сухонос далеко не летает*. Для китайцев дома каждая вещь дорога даже старая и вышедшая из строя: 家有敝帚, 享之千金 (jia you bi zhou xiang zhi qian jin) – *Свою метлу хоть и ломаную не отдают и за тысячу золотых монет*.

Коллективное представление лингвокультурной общности о накопленном опыте находит выражение в следующих советах и наставлениях: – Не надо рассказывать чужим о домашних дрязгах: 家丑不可外扬 (jia chou bu ke wai yang) – *Домашние скандалы чужим знать нельзя*. Ср.: *Не выноси сор из избы*. Или 家家有本难念的经 (jiā jiā yǒu běn nán niàn de jīng) – *В каждой семье есть свои трудности и противоречия*. – Посторонним не следует вмешиваться в семейные дела: 清官难断家务事 qing guan nan duan jia wu shi – *Даже способному чиновнику трудно разобраться в домашних дрязгах*. Все приведенные выше пословицы можно заменить одной китайской чэньюй – 家和万事兴 (jiā hé wànshì xīng) – *В семье лад – десять тысяч дел переделано*.

В китайских пословицах о семье присутствуют также исторические реалии. Например: 梁园虽好, 不是久恋之家 (liang yuan sui hao bu shi jiu lian zhi jia) – *Нет ничего милее своего дома, даже если это сад императора Ляосяо*. Первые два иероглифа обозначают сад, который был устроен императором Ляосяо династии Хань. А поговорка 家半三军 (jia ban san jun) – *Семья как половина трёх армий* – возникла потому, что в древнем Китае семьи были очень большие,

обычно пять поколений жили вместе. Китайская армия издревле была тоже большой и делилась на три части: пехотную конную и морскую, что и позволяло сравнивать семью с тремя армиями.

Как и в таджикском языке, в китайском языке следует выделить семантические компоненты, репрезентирующие концепт «семья» во фразеологической системе китайского языка.

Первый компонент семантического поля концепта – компонент *родители*.

Например: 水有源，树有根，不认**爹娘**如畜生。 – Shuǐ yǒu yuán, shù yǒu gēn, bù rèn **diē niáng** rú chùshēng. – У реки есть исток, у дерева корень, кто не почитает *родителей* подобен животному;

孩儿不离娘，瓜儿不离秧。 – Hái'ér bùlí **niáng**, guā er bùlí yāng. Ребенок связан с *матерью*, как тыква связана с ее ростком;

父母是孩子的镜子。 – Fùmǔ shì háizi de jìngzi. Дети – это отражение *родителей*.

Одним из важных компонентов является компонент *родственники*: 人亲骨肉香。 Rén qīn gǔròu xiāng. Родственные связи ценятся так же, как говядина на косточке.

Наряду с указанным компонентом важным является также компонент *соседи*: 阴险的邻居，有时比凶恶的敌人更可怕。 Yīnxiǎn de línjū, yǒushí bǐ xiōng'è de dírén gèng kěpà. Плохие *соседи* еще опаснее коварного врага; 只顾自己的人，和邻居合不来。 Zhǐgù zìjǐ de rén, hé línjū hébulái. Кто заботится только о себе никогда не поладит с *соседями*.

Как и в таджикском языке, наиболее существенным семантическим компонентом является компонент дети:

杂草铲除要趁早，孩儿教育要从小。 – Zá cǎo chǎnchú yào chènzǎo, hái'ér jiàoyù yào cóng xiǎo. Нужно сразу вырывать сорняки с корнем, а ребенка воспитывать с самого детства;

春耕不好害一春，教儿不好害一生。 – Chūngēng bù hǎo hài yī chūn, jiào er bu hǎo hài yīshēng. *Земля вспаханная плохо – вред на весь урожай, плохо воспитанный ребенок не справиться всю жизнь.*

Другим семантическим компонентом является компонент *супружество*: 成家容易养家难。 Chéngjiā róngyì yǎngjiā nán. *Легко создать семью, но трудно ее содержать.*

Не всегда за девушкой остается право выбора при вступлении в брак: 自誓不嫁，其家逼之。 Zì shì bu jiā, qí jiā bī zhī. *Сама отказывалась выходить замуж, но семья заставила.*

Важным семантическим компонентом является компонент *любовь*: 严是爱，松是害，不管不教要变坏。 Yán shì ài, sōng shì hài, bùguǎn bù jiào yào biàn huài. *Строгость – это любовь, свобода – вред, если оставить ребенка в покое и не воспитывать, он изменится к худшему; 爱花连盆爱，爱女疼女婿。 Ài huā lián pén ài, ài nǚ téng nǚxù. Любишь цветок – люби и вазу, любишь дочку, так полюби и зятя; 骂在嘴上，爱在心上。 Mǎ zài zuǐ shàng, ài zài xīn shàng. Ругань на словах, а любовь в сердце.*

По традиции китайцы очень часто семью ассоциируют с государством: 不能治家，焉能治国。 Bù néng zhì jiā, yān néng zhì guó. *Не можешь управиться с домом, значит, не способен управлять государством. 国有国法，家有家规。 Guó yǒu guó fǎ, jiā yǒu jiā guī. Как в стране есть законы, так и в семье есть правила.*

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что семантическое поле концепта *семья* 家 – jiā в китайском языке несколько шире, чем в таджикском языке, что обусловлено разнообразными национальными традициями и особенностями жизни социума.

3.3.3 Компоненты семантического поля концепта «семья» в китайском языке

Для того, чтобы определить структуру семантического поля концепта семья в китайском языке, определим объем данного поля и выявим основные группы.

В результате проведенного лексико-семантического анализа было выделено 10 групп, в каждой из которых выделяется по несколько подгрупп, представляющих собой компоненты семантического поля данного концепта. (Полную классификацию см. в Приложении Б):

I. БЛАГОПОЛУЧИЕ В СЕМЬЕ

1. Счастье, уважение, дружба

天伦之乐 – *tian lun zhi le* – *семейное счастье*

相敬如宾 – *xiang jing ru bin* – *жить, уважая друг друга*

相亲相爱 – *xiang qin xiang ai* – *жить душа в душу*

宜家宜室 – *yi jia yi shi* – *дружная семья.*

穿房过户 – *chuan fang guo hu* – *быть своим в доме; жить в тесной дружбе (о семьях).*

2. Семья с материальным достатком, богатая семья (достаток, статус)

家道从容 – *jia dao cong rong* – *семья с достаточным материальным положением.*

家给人足 – *jia ji ren zu* – *зажиточная семья (букв. достатка семьи на каждого хватает)*

小康之家 – *xiao kang zhi jia* – *безбедная семья, богатая семья.*

改换家门 – *gai huan jia men* – *поднять социальное положение семьи.*

家道从容 – *jia dao cong rong* – *семья с достаточным материальным положением.*

膏粱锦绣 – *gao liang jin xiu* – *богатая и знатная семья*

家财万贯 *jia cai wan guan* – *имущество в семье – десять тысяч связок монет.*

3. Изменение статуса семьи

3.1 Превращение бедной семьи в богатую

白手起家 bai shou qi jia – *создать своё благополучие собственным трудом;*

发家致富 fa jia zhi fu – *развить семейный бизнес и нажить богатства.*

3.2 Превращение богатой семьи в бедную

家道中落 jia dao zhong luo – *состояние семьи в упадке*

倾家荡产 qing jia dang chan – *пустить по миру семью и промотать всё имущество.*

4. Бедная семья (обнищание)

家贫如洗 – jia pin ru xi – *очень бедная семья*

家徒四壁 – jia tu si bi – *иметь ничего, кроме четырех стен; в состоянии нищеты.*

家败人亡 – jia bai ren wang – *полное разорение и гибель семьи.*

室如悬磬 – shi ru xuan qing – *в доме пусто, хоть шаром покати*

5. Культурная семья

书香人家 shu xiang ren jia – *семья с запахом книг*

诗礼之家 shi li zhi jia – *дом, где изучают «Шицзин» и «Ли цзи».*

6. Хозяин

家无二主-jia wu er zhu – *в семье не может быть два хозяина.*

一家之主-ниш ошф ярш ярг – *хозяин домаю*

II. РОДСТВО

1. Родители

父慈子孝-fu ci zi xiao – *родители должны любить своих детей, а дети должны почитать их, уважать*

2. Мать

贤妻良母-xian qi liang mu – *верная супруга и добродетельная мать.*

母以子贵-mu yi zi gui – *мать сильно дорожит своим ребенком.*

3. Отец

干父之蛊 – gan fu zhi gu – *продолжать дело своего отца*

4. Дети

父母是孩子的镜子。fu mu shi hai zi de jing zi. Дети – это отражение родителей.
孩儿不离娘，瓜儿不离秧。 hai 'er bu li niang, gua er bu li yang. Ребенок связан с матерью, как тыква связана с ее ростком;

5. Сын

弄璋之喜-nong zhang zhi xi- радость по случаю рождения сына.

6. Дочь

拖儿带女- tuo er dai nv – отяготить дочерью и сыном

7. Родственники

三亲六眷 san qin liu juan – родственники, родня (вообще).

骨肉至亲 – gu rou zhi qin – самые близкие родственники

骨肉团聚 – gu rou tuanju – встреча родных.

8. Кровное родство

骨肉之情 – gu rou zhi qing – кровные отношения.

骨肉相连 – gu rou xiang lian – кровно связанный.

9. Брат

兄肥弟瘦-xiong fei di shou- я-жирен, а мой младший брат – тощ (обр.: а)жертвовать собой ради спасения ближнего, идти на самопожертвование, по легенде о старшем брате Сяо, предложившем себя на съедение вместо младшего брата Ли, в голодное смутное время правления Ван Мана; б)быть совсем разными, не годиться одному взамен другого).

兄弟阋于墙，外御其侮 – xiong di xi yu qiang, wai yu qi wu – братья у себя дома не ладят, ругаются, но когда они вне дома, то всегда заступаются друг за друга.

兄死弟及-xiong si di ji – младший брат заменяет место должности старшего брата.

III. ОТНОШЕНИЯ

1. Отношение родителей к детям

父慈子孝-fu ci zi xiao- родители должны любить своих детей, а дети должны почитать их, уважать.

母以子贵-mu yi zi gui- мать сильно дорожит своим ребенком.

2. Отношения детей к своим родителям

寸草春晖 – cun cao chun hui – крохотная былинка и весенние лучи (былинка не может отплатить за щедрость весенних лучей солнца; обр. знач. неоплатный долг; дети никогда не могут отблагодарить родителей за заботу)

养老送终 – yang lao song zhong – содержать престарелых до последних их дней.

风树之感– feng shu zhi gan – чувство недолговечности престарелых родителей, о чем должны помнить дети, оказывая родителям своевременную поддержку

膏粱子弟– gao liang zi di – дети помогают родителям наслаждаться жизнью

3. Отношения между мужем и женой, супругами

白头相守-bai tou xiang shou- муж и жена до старости любят и защищают друг друга.

比翼双飞- bi yi shuang fei – летать крылом к крылу

百年偕老-bai nian xie lao- супруги живут вместе до старых лет.

4. Мир в семье

夫唱妇随 – fu chang fu sui – муж запекает-жена подпекает (обр. о согласии и мире в семье)

比翼连枝 – bi yi lian zhi – супруги очень близки друг другу, неразлучны

并蒂芙蓉 – bing di fu rong – два цветка лотоса на одном стебле (о нежных супругах)

家和万事兴– jia he wan shi xing – В семье лад – десять тысяч дел переделано

儿女情长 – er nv qing zhang – теплые чувства между детьми

5. Конфликты, дразги

争风吃醋 – zheng feng chi cu – *ссориться из ревности*

家翻宅乱 – jia fan zhai luan- *скандал в доме, шум*

家丑不可外扬 – jia chou bu ke wai yang – *Домашние скандалы чужим знать нельзя.*

家家有本难念的经– jia jia you ben nan nian de jing – *В каждой семье есть свои трудности и противоречия.*

6. Отношения между родственниками

人亲骨肉香。ren qin gu rou xiang. *Родственные связи ценятся так же, как говядина на косточке.*

7. Отношение к зятю

爱花连盆爱，爱女疼女婿。ai hua lian pen ai, ai nv teng nv xu. – *Любишь цветок – люби и вазу, любишь дочку, так полюби и зятя;*

冰清玉润 – bing qing yu run – *чистый как лёд, блестящий как яшма (тесть и зять имеют безупречные моральные качества; в основе этого образа лежит повествование о Вэй Цзе и его тесте Юэ Гуан династии Цзинь).*

IV. ВОСПИТАНИЕ, УВАЖЕНИЕ

1. Воспитание

孟母三迁 – Meng mu san qian – *мать Мэн-цзы трижды переселяется (подальше от кладбища и рынка, но поближе к школе; обр. в знач.: заботиться о воспитании детей).*

杂草铲除要趁早，孩儿教育要从小。Za cao chan chu yao chen zao, hai er jiao yu yao song xiao. *Нужно сразу вырывать сорняки с корнем, а ребенка воспитывать с самого детства;*

春耕不好害一春，教儿不好害一生。Chun geng bu hao hai yi chun, jiao er bu hao hai yi sheng. *Земля вспаханная плохо – вред на весь урожай, плохо воспитанный ребенок не исправиться всю жизнь.*

严是爱，松是害，不管不教要变坏。 Yan shi ai, song shi hai, bu guan bu jiao yao bian huai. *Строгость – это любовь, свобода – вред, если оставить ребенка в покое и не воспитывать, он изменится к худшему;*

百年树人– bai nian shu ren – *вырастить человека-дело трудное и медленное*

2. Необходимость продолжения дела отцов и содержание родителей в старости

干父之蛊-gan fu zhi gu – *продолжать дело своего отца*

养老送终-yang lao song zhong – *содержать престарелых до последних их дней.*

3. Уважение и почитание старших, забота о младших, помощь

敬老慈幼 – jing lao ci you – *уважать старших и заботиться о младших.*

水有源，树有根，不认爹娘如畜生。 Shui you yuan, shu you gen, bu ren die niang ru chu sheng. *У реки есть исток, у дерева корень, кто не почитает родителей подобен животному;*

恤孤念寡 – xu gu nian gua – *помогать сиротам и почитать престарелых*

扶老携幼 – fu lao xie you – *поддерживать старых и нести детей на руках*

V. ЧУВСТВА

1. Любовь

痴男怨女- chi nan yuan nv – *страстно влюбленные*

柔情蜜意 – rou qing mi yi – *нежные чувства*

2. Родительская любовь

老牛舐犊 – lao niu shi du – *старая корова лижет своего теленка (баловать своих детей, слепая родительская любовь)*

舐犊情深 – shi du qing shen – *безумно любить своих детей*

母以子贵 – mu yi zi gui – *ребенок самое дорогое для матери.*

VI. СУПРУЖЕСТВО, БРАК

1. Вступление в брачный союз

男大当婚, 女大当嫁 – nan da dang hun, nv da dang jia – *когда парень (мужчина) взрослеет, он должен жениться, когда девушка (женщина) взрослеет, должна выйти замуж.*

成家立业 – cheng jia li ye – *встать на ноги и обзавестись семьей.*

赤绳系足 – chi sheng ji zu – *связать себя узами брака*

结为秦晋 – jie wei qin jin – *заключить брачный союз*

2. Выбор невесты (красота)

小家碧玉 xiao jia bi yu – *красивая девушка из бедной семьи*

大家闺秀 da jia gui xiu – *незамужняя девушка из высокопоставленной и богатой семьи*

3. Содержание семьи

成家容易养家难。 – cheng jia rong yi yang jia nan. *Легко создать семью, но трудно ее содержать.*

养家糊口- yang jia hu kou – *содержать семью*

4. Брак по расчету

柴米夫妻 – chai mi fu qi – *супруги в браке по расчету.*

门当户对 – men dang hu dui – *одинакового общественного положения и происхождения (обр. о подходящей паре для брака).*

5. Жизнь в браке до старости

白头偕老- bai tou xie lao – *жить вместе до конца*

白头相守- bai tou xiang shou – *муж и жена до старости любят и защищают друг друга.*

6. Измена

东食西宿- dong shi xi su – у одного питаться, у другого ночевать (по легенде о девушке, которая соглашалась кормиться у жениха-богача, а ночевать у жениха-красавца)

VII. СЕМЬЯ, РОДИНА И ГОСУДАРСТВО

1. Управление, законы

不能治家，焉能治国。 – bu neng zhi jia, yan neng zhi guo. – Не можешь управиться с домом, значит, не способен управлять государством.

国有国法，家有家规。 – Guo you guo fa, jia you jia gui. – Как в стране есть законы, так и в семье есть правила.

2. Любовь и отношение к Родине

国破家亡 – guo po jia wang – страна распалась и семья исчезла.

重整家园 – chong zheng jia yuan – заново построить семью или родину.

爱国如家 – ai guo ru jia – любить Родину как свою семью.

国尔忘家 – guo er wang jia – из-за важных дел страны забыть о домашних делах.

保家卫国 – bao jia wei guo – защищать свою семью и родину.

3. Разорение семьи и страны

家败人亡 – jia bai ren wang – полное разорение и гибель семьи.

国仇家恨 – guo chou jia hen – страна и семья под угрозой гибели.

国破家亡 – guo po jia wang – страна распалась и семья исчезла.

4. Находиться далеко от любимой родины

背井离乡 – bei jing li xiang – покинуть родные места.

流落他乡 – liu luo ta xiang – скитаться по чужбинам, быть далеко от родины.

VIII. ДРУЖБА И ВРАЖДА

1. Дружба, родство и братство

四海之内皆兄弟 – si hai zhi nei jie xiong di – все люди – братья.

八拜之交 – ba bai zhi jiao – побратимство.

情同手足 – yǐ tóng èr zú – *дружнѣб как братьяю*

称兄道弟 – chēng xiōng dào dì – *очень близкое отношение, как родные братья.*

2. Соседи

阴险的邻居，有时比凶恶的敌人更可怕。 – Yīn xiǎn de lín jū, yǒu shí bǐ xiōng 'è de dì rén gēng kě pà. – *Плохие соседи еще опаснее коварного врага;*

只顾自己的人，和邻居合不来。 – Zhǐ gù zì jǐ de rén, hé lín jū hé bù lái. – *Кто заботиться только о себе, никогда не поладит с соседями.*

远亲不如近邻 – yuǎn qīn bù rú jìn lín – *близкий сосед лучше дальнего родственника*

3. Борьба, вражда, соперничество

骨肉相残 – gǔ ròu xiāng cán – *борьба между родными.*

煮豆燃萁 – zhǔ dòu rán qí – *расплата между братьями, братоубийство*

IX. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

1. Дом

一室生春 – yī shì shēng chūn – *комната переполнилась радостью, весельем.*

穿房过户 – chuān fāng guò hù – *быть своим в доме; жить в тесной дружбе (о семьях).*

白云亲舍 – bái yún qīn shě – *родительский дом как белое облако.*

骨肉相聚 – gǔ ròu xiāng jù – *сборы всей семьей.*

2. Отношения к внешнему миру, гостеприимство

闭门却扫 – bì mén què sǎo – *Закрывать двери, прекратить отношения с внешним миром*

闭门谢客 – bì mén xiè kè – *Запереть двери и отказывать в приёме гостям*

臣门如市 – chén mén rú shì – *у моего дома как на базаре (нет отбоя от посетителей)*

X. СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ

1. Семья как надежный оплот

在家千日好出门半日难 – zai jia qian ri hao chu men ban ri nan – *Хорошо и тысячу дней в своей семье, трудно половину дня вне семьи*

孤木难活 – gu mu nan huo – *Одно дерево тяжело растет;*

家有敝帚，享之千金 – jia you bi zhou xiang zhi qian jin – *Свою метлу хоть и ломаную не отдают и за тысячу золотых монет.*

3.4 Сопоставительный анализ структуры концепта *семья* в таджикском и китайском языках

Анализ отражения языковой объективации концепта «семья» во фразеологическом и паремиологическом фондах сопоставляемых языков показал, что объем структуры концепта в таджикском и китайском языках неравноценен. Так, в поле концепта «семья» в таджикском и китайском языках вошли 8 одинаковых компонентов (*родство; отношения; воспитание, уважение; чувства; супружество, брак; семья, родина; семейные ценности; стереотипные представления о семье*). Однако объем данных компонентов неравноценен в двух языках. Кроме того, в китайском языке выявились еще 2 компонента, такие как *благополучие в семье; дружба и вражда:*

Классификация китайских ФЕ

Классификация таджикских ФЕ

I. БЛАГОПОЛУЧИЕ В СЕМЬЕ

1.Счастье, уважение, дружба

2.Семья с материальным достатком, богатая семья

(достаток, статус)

3.Изменение статуса семьи

3.1. Превращение бедной семьи в богатую

3.2. Превращение богатой семьи в бедную

4.Бедная семья (обнищание)

5.Культурная семья

II. РОДСТВО

1.Родители

2.Мать

3.Отец

4.Дети

4.1. Сын

4.2. Дочь

5. Родственники

6. Кровное родство

7. Брат

III.ОТНОШЕНИЯ

1.Отношение родителей к детям

2.Отношения детей к своим родителям

3.Отношения между мужем и женой, супругами

4.Мир в семье

I. РОДСТВО

1.Родители (падару модар)

2.Мать и дети

3.Мать и дочь

4.Отец и дети

5.Ребенок, дети

6.Дочь. Девочка

7. Внуки

II.ОТНОШЕНИЯ

1.Отношения между мужем и женой, супругами

2.Мир в семье.

5. Конфликты, дразги

Конфликты, ссоры

6. Отношения между родственниками

IV. ВОСПИТАНИЕ, УВАЖЕНИЕ

III. ВОСПИТАНИЕ, УВАЖЕНИЕ

1. Воспитание

1. Воспитание

2. Необходимость продолжения дела отцов и содержание родителей в старости

2. Уважение и почитание старших, забота о младших, помощь

3. Уважение и почитание старших, забота о младших, помощь

V. ЧУВСТВА

IV. ЧУВСТВА

1. Любовь

1. Любовь

2. Родительская любовь

2. Любовь к детям

VI. СУПРУЖЕСТВО, БРАК

V. СУПРУЖЕСТВО, БРАК

1. Вступление в брачный союз

1. Выбор невесты

2. Выбор невесты (красота)

2. Вступление в брачный союз

3. Содержание семьи

3. Жена, женщина

4. Брак по расчету

4. Роль женщины

5. Жизнь в браке до старости

5. Несколько жен-хозяек (отриц.)

6. Измена

6. Мужчина

7. Хозяин

VII. СЕМЬЯ, РОДИНА И ГОСУДАРСТВО

1. Управление, законы
2. Любовь и отношение к Родине
3. Разорение семьи и страны
4. Находиться далеко от любимой родины

VIII. ДРУЖБА И ВРАЖДА

1. Дружба, родство и братство
2. Соседи
3. Борьба, вражда, соперничество

IX. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

1. Дом, очаг
2. Гостеприимство

X. СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ

1. Семья как надежный оплот
2. Отношение тестя, тещи и зятя

VI. СЕМЬЯ, РОДИНА

1. Любовь и отношение к Родине

VII. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

1. Дом, очаг
2. Гостеприимство

VIII. СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ

1. Отношение между свекровью и невесткой, или тестем и зятем

Проведенные параллели указывают на то, что в китайской фразеологии и паремиологии отражены такие группы, которые не наблюдаются в таджикском. Например, *благополучие в семье* (5 подгрупп), *дружба и вражда* (3 подгруппы) (более подробно см. таблицу в Приложении В).

Кроме того, следует отметить, что в китайском языке используются исторические реалии:

梁园虽好，不是久恋之家 – liang yuan sui hao, bu shi jiu lian zhi jia – *Нет ничего милее своего дома даже если это сад императора Ляосяо.* Первые два иероглифа обозначают сад, который был устроен императором Ляосяо династии Хань.

家半三军 – jia ban san jun – *Семья как половина трёх армий* – возникла потому что в древнем Китае семьи были очень большие обычно пять поколений жили вместе. Китайская армия издревле была тоже большой и делилась на три части: пехотную конную и морскую что и позволяло сравнивать семью с тремя армиями.

Необходимо отметить также, что и в таджикском, и в китайском языке при описании компонентов поля «семья» используются параллели с животным миром (**зоонимы**):

Сравните в таджикском языке:

Фарзанд хам гулу, хам булбули оила. – Дитя – и цветок, и соловей семьи.

Зог бачаи худро аз хама хушрутар медонад. – Ворон считает свое дитя красивее всех.

Зог хам ба бачааи «чонакам, сафедакам» мегуяд. – И ворона своему птенцу говорит: «миленький мой, беленький мой»

Хорпуит бачааиро гуфтааст: «о, мулоимакам, махмалакам». – ёж своему дитяти говорит: «о мой мягонький, бархатный»

Мур дар хонаи худ хукми Сулаймон дорад. – Муравей у себя дома имеет права царя Соломона.

Саг дар хонаи сохибаи шер аст. – Собака в доме своего хозяина – лев.

Хонаи гург бе устухон нест. – Логово волка не бывает без костей.

Аз байзаи зог бачаи товус набарояд. – Из яйца вороны не вылупится детеныш павлина.

Гов гири пистонаширо бин, духтар гири авлодаширо бин. – Корову покунай, глядя на ее вымя, девушку бери, глядя на ее семью.

Кунад хар чинс бо хамчинс парвоз, кабутар бо кабутар, гоз бо гоз - Каждый должен водиться с подобным себе, голубь летает с голубем, гусь с гусем.

И в китайском языке:

老牛舐犊 – lao niu shi du – старая корова лижет своего теленка (баловать своих детей, слепая родительская любовь)

鹊巢鸠居 – que chao jiu ju – сорочье гнездо занимает горлица; молодая жена переезжает в дом мужа.

嫁鸡随鸡 – jia ji sui ji – курица всегда следует за петухом (жена всегда следует за мужем).

Проведенный анализ позволил нам выявить структуру исследуемого концепта в сопоставляемых языках и выделить ядро, ближнюю и дальнюю периферию. Покажем это графически:

Таблица №1. Структура концепта «семья» в таджикском языке

Таблица №2. Структура концепта «семья» в китайском языке

Подводя итог, отметим, что в исследованных нами фразеологизмах таджикского и китайского языков, составляющих концепт «семья», заключены важнейшие понятия материальной и духовной культуры. Сопоставительное изучение данного пласта языковых единиц в контактирующих языках показало, что они имеют как сходства, так и различия, что обусловлено национальными традициями, исторически сложившимися менталитетами и моделями жизни социумов.

К сходствам можно отнести следующие суждения: и таджикские, и китайские семьи на ранних этапах своего развития отличались особой патриархальностью. Таджикским и китайским детям с раннего возраста прививалось уважительное отношение к старшим и любовь к труду как умственному, так и физическому. В обеих странах в связи с социальными преобразованиями пришли к относительному равноправию в семейных отношениях. В обеих культурах мужчина и женщина представлялись как единое целое. В обеих странах положение женщин долгое время значительно принижалось. Однако в таджикских примерах отражается роль женщины в семье, ее статус в семье не ограничивается только ролью матери или жены, она – пример

для подражания для своих дочерей, она друг и советчик мужу, от нее зависит мир и покой в семье.

Кроме большого сходства в концепте «семьи» наблюдаются и серьезные отличия. На раннем этапе становления института семьи важную роль в семейных отношениях играла религия. У таджиков эти отношения регламентировались исламом, в китайской семье огромное влияние оказывало конфуцианство. Семейные отношения между мужем и женой закреплены феодальной нормой: муж – руководитель жены. Семейное устройство напоминает государственное, в котором строгие нормы приводят к власти императора (отца).

Китай долгое время являлся закрытой страной, которая не испытывала влияния извне. Таджикистан в составе СССР оказался под влиянием европейской культуры, что, естественно, сказывалось на семейных отношениях.

Таким образом, в концепте «семья» в таджикском и китайском языках сходств больше, чем различий. Несмотря на разные пути развития, менталитет и условия жизни этих стран, они имеют много общего в связи с принадлежностью к восточной культуре и традициям, что отражено во фразеологической системе обоих языков.

Выводы по третьей главе

Конкретным проявлением вербализации концепта «семья» в таджикском и китайском языках являются фразеологические единицы и поговорки, содержащие и отражающие взаимоотношения внутри семьи. Они представлены в виде конкретных, чувственно-осязаемых образов, которые нашли отражение во внутренней форме соответствующих фразеологизмов.

Фразеологические единицы являются наиболее релевантными для выявления этнической, культурной специфики концепта «семья», так как они выполняют, помимо номинативной функции, функцию квалификации и оценки идей и интересов языкового коллектива по отношению к семье, а значит,

отражают особенности мировидения и системы ценностей таджикского и китайского социума.

Образы, лежащие в основе фразеологических единиц, имеют когнитивную природу и отражают типовые для таджиков и китайцев представления о семье. Образный стержень фразеологических единиц, репрезентирующий концепт «семья» в таджикском и китайском языках, проецируется и на сам концепт и указывает на его конкретный метафорический образ, сложившийся в таджикском и китайском лингвокультурах.

Исследование фразеологических единиц позволило нам выявить универсальные и культурно-национальные черты фразеологических репрезентантов в таджикском и китайском языках.

Социальная природа концепта «семья» доказывает общекультурную, межкультурную и социальную значимость концепта, а также и его национально-культурную специфику, которая неразрывно связана с лингвистической стороной концепта «семья». Так как концепт «семья» является межкультурным и межъязыковым концептом, он обладает универсальными характеристиками, как в плане концептуального содержания, так и в плане языковой объективации.

Универсальные концептуальные характеристики обусловлены тем, что семья является универсальной категорией. Знания о семье относятся к эмперическому уровню познания, которое доступно всем носителям языка. В структуре концепта «семья» содержится универсальный слой, представленный универсальным для обеих национальных культур.

При рассмотрении концепт «семья» следует отметить, что он характеризуется в рассматриваемых языках не только универсальными чертами, но и культурно-специфическими особенностями, которые также затрагивают как план содержания, так и план его репрезентаций.

Логико-семантическая основа фразеологизмов обоих языков в основном совпадает, в то время как конкретное лексическое наполнение обнаруживает специфические особенности. Национально-культурная специфика

фразеологических репрезентаций концепта «семья» в таджикской и китайской лингвокультурах проявляется в обращении к различным образам, которые обусловлены культурными традициями таджикского и китайского народов, в различной частотности встречающихся компонентов фразеологических единиц, а также в особенностях значений, которые эти компоненты приобретают в фразеологических единицах.

Выявление структуры концепта *семья* в таджикском и китайском языках на материале фразеологического и паремиологического фондов обоих языков позволило нам выявить ядро концепта: *родство* в таджикском языке и *благополучие в семье* – в китайском, к ближней периферии были отнесены такие компоненты, как *брак* и *воспитание* в таджикском, а в китайском – *отношения* и *Родина*; к дальней периферии по убывающей были отнесены *отношения* и *чувства* в таджикском, *дружба/вражда*, *семейные ценности* и *чувства* в китайском языке. При этом в таджикском языке в отличие от китайского не выявилось компонента «*благополучие*», которое составило ядро концепта и компонента «*дружба/вражда*», который был отнесен к дальней периферии в китайском языке.

Исходя из полученных в ходе исследования данных, можно сделать вывод, что в основе языкового воплощения концепта «семья», как в таджикской, так и в китайской лингвокультурах, помимо универсальных черт лежат и национально-специфические особенности, которые обусловлены различием таджикской и китайской культур, отразивших особенности менталитета и системы ценностей двух национальных сообществ по отношению к семье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой каждый язык соотнесен с определенной системой концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира. Главная роль, которую играют концепты в мышлении – это категоризация объектов, установление ценностного и эмоционального отношения субъекта к объекту.

Основной проблемой нашего исследования является изучение способов концептуального знания и его отражения в таджикском и китайском языках, изучение особенностей языкового сознания и национально-культурной специфики на материале концепта «семья». Концепт «семья» относится к числу универсально-значимых концептов и отражает как общечеловеческие, так и национально-специфические (социальные, этические, нравственные) представления о феномене семьи. С точки зрения лингвокультурологического подхода, концепт, являясь фрагментом концептуальной картины мира, отражает в себе национальную специфику мировосприятия социума, обусловленную образом жизни и культурой народа. Национальная специфика концепта проявляется в организации образной и ценностной составляющих. На лексико-семантическом уровне единиц, вербализующих концепт, национальная специфика реализуется в составе и структуре соответствующего участка языковой картины.

Концепт, включающий в свою структуру как собственно языковое воплощение, так и неразрывно связанную с ним внеязыковую, культурную среду, является актуальной и релевантной в процессе формирования лингвокультурологической компетенции. Изучение концептов всегда может быть полезным для понимания системы мышления или менталитета разных людей из разных культур.

Понятие «концепт» прочно закрепилось в лингвистике, обозначая оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона,

концептуальной системы и всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Концепт «семья» занимает ключевое положение как в таджикской, так и в китайской культурах, что во многом обусловлено их принадлежностью к культурам коллективистского типа. Концепт «семья» позволяет увидеть целый ряд аспектов, которые его образуют, такие как: счастье, любовь, взаимопонимание, проблемы, быт, взаимоотношения между супругами и детьми, семейные ценности, воспитание детей, родственные отношения и т.д. Все эти смыслы как позитивны, так и негативны в обществе. Таким образом, концепт «семья» является одним из важнейших концептов языкового сознания и занимает значительное место в таджикской и китайской лексике и фразеологии.

Анализ культурно-исторических предпосылок формирования концепта «семья» в таджикской и китайской культурах позволяет сделать вывод о наличии существенных сходств и различий, обуславливающих национально-культурную специфику исследуемого концепта. Как для китайской, так и для таджикской культуры характерен культ кровного родства, при котором кровнородственные связи вплоть до середины XX века во многом структурировали общественный строй, отношения между людьми и их поведение и являлись одной из основ социального устройства.

Одним из основных различий между сопоставляемыми культурами является отношение к старшим. Ключевая роль конфуцианской категории сяо (сыновней почтительности) в китайской культуре обуславливает необходимость подчинения младших членов семьи старшим. Почитание родителей и повиновение старшим, забота о них считаются основными добродетелями в китайском обществе. В связи с этим для китайской культуры характерной является строгая иерархия членов семьи по старшинству, эксплицированная в языке (наличие лексем). Хотя в таджикском языке также широко представлены лексемы и фразеологизмы, репрезентирующие подобные отношения, они не выстраивают столь стройной и строгой иерархии, как в китайском языке.

Если для китайской культуры, которая подверглась значительным изменениям лишь в середине XX века, характерна устойчивость наполнения концепта «семья», однородность структуры семейного уклада во всех слоях общества вплоть до середины XX века, то в таджикской культуре структура отношений между членами семьи подвергалась модификациям в особенности в советский период.

Обозначенные различия создают предпосылки для формирования уникальных смыслов языковых единиц, вербализирующих концепт «семья» на уровне слова и фразеологических единиц.

На основе проведенного анализа связей концепта «семья» в таджикском и китайском языке были выявлены универсальные и культурно специфичные признаки концептов таджикской и китайской культур, исследованы особенности денотативного содержания лексем.

К общим семантическим признакам концептов относится восприятие «семьи» как группы (близких) родственников, живущих вместе, что обусловлено общностью человеческого бытия и универсальным характером базовых ценностей.

Анализ специфики денотативного содержания лексемы «оила» и иероглифа 家 – jia по данным толковых словарей таджикского и китайского языков свидетельствует о том, что лексико-семантическая объективизация концепта «семья» в китайской культуре включает в себя большее число значений, передаваемых иероглифом «цзя» («семья», «дом», «имущество», «предприятие», «фамилия», «внутренний» и др.). В таджикской языковой картине мира данные значения передаются другими лексическими средствами.

Различные культурно-исторические предпосылки формирования содержания данных концептов обусловили расхождения в их лексико-семантической объективизации. Более широкое, собирательное значение лексемы «семья», используемой не только для обозначения лиц, связанных узами родства, но и шире, для обозначения людей, объединенных общей деятельностью, местом

обитания, повлияло на актуальное содержание данной лексемы (ее переносные значения, важность понятия родства и т.п.). Связь иероглифа «цзя» с конкретным «домом, хозяйством» (графическое обозначение «крыша дома»), важность ритуального аспекта жизни семьи («жертвоприношение предкам») актуализировали соответствующие значения данного иероглифа.

Семантический объем слова *семья* 家 – jia в китайском языке намного шире, чем в таджикском. Лексема *семья* в китайском языке многозначна («Дом» 回家 -hui jia – идти домой; «имущество» 家大业大 – jia da ye da – *большое семейное имущество*; «обращение к уважаемому человеку» 您老人家 – nin lao ren jia – *Вы, ваша милость*). Общим семантическим признаком концепта *семья* в таджикской и китайской культуре является их восприятие как «группы (близких) родственников, живущих вместе». Вместе с тем потенциальное число этих «близких родственников» в китайской культуре изначально шире (ср.: семья как предприятие, род), тогда как в таджикской культуре можно отметить тенденцию к сокращению числа родственников, формирующих одну семью. В современном таджикском социуме все большее распространение получают так называемые нуклеарные семьи, состоящие из представителей двух поколений. В отличие от таджикской, в китайской языковой картине мира присутствует восприятие семьи 家 – jia как общности людей, объединенных какой-либо идеей. Однако в китайском языке – это общность, связанная либо с трудовой деятельностью (农家 – pong jia – крестьянское хозяйство, 渔家 – yu jia – рыбак), либо с какой-то идеологией, направлением в искусстве, философии («школа, течение», например: 儒家 – ru jia – Конфуцианство). В китайском словаре фиксируется также научное восприятие данного явления («люди одного пола», «единица биологической общности», например: 男人家 – nan ren jia – мужчины). Значение «род, фамилия» (например: 吴家 – Wu jia – род «У») в китайской языковой картине мира включает национально-специфические элементы (императорский род). Ввиду многозначности лексемы «семья» в китайском языке требуется наличие

уточняющего контекста для того, чтобы определить точное значение иероглифа 家 – jia.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что семантический объем лексемы *семья* 家 – jia в китайском языке намного шире, чем в таджикском языке. В китайском языке слово *семья* не употребляется для обозначения группы родственных языков (*языковая семья*), а в таджикском языке употребляется, ср. *оилаи забонҳо*. Вместе с тем, *семья*, в представлении китайцев, это и дом, и группа близких родственников, живущих вместе, и общность людей, объединенных трудовой деятельностью либо идеологией, направлением искусства, и род, фамилия. В таджикском языке для передачи указанных смыслов используются различные лексемы.

Одним из ключевых принципов построения отношений между кровными родственниками в китайской культуре является принцип оппозиции «старших» и «младших» членов семьи. Для китайской культуры характерна строгая иерархия членов семьи по старшинству: младшие родственники должны повиноваться старшим, чего мы не наблюдаем в современной таджикской лингвокультуре, хотя уважение к старшим считается важнейшей нормой таджикского социума.

Данные фразеологических словарей, а также словарей пословиц и поговорок позволили выявить дополнительные признаки концептов, обладающие значительной национально-культурной спецификой: важность отношений, возникающих между участниками обряда при *никох*: коннотативная составляющая оппозиции кровные – не кровные родственники в таджикской культуре; акцент на воспитании в китайской языковой картине мира.

Концепт, включающий в свою структуру как собственно языковое воплощение, так и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду», является актуальной и релевантной в процессе формирования лингвокультурологической компетенции. Как показал анализ, концепт «семья» широко представлен в лексике, фразеологии и поговорках таджикского и китайского народов. В основном фразеологизмы о семье носят в обоих языках

назидательный характер. Основными смысловыми доминантами являются следующие:

Главой семьи является мужчина. Роли мужа и жены в семье были строго определены сложившимися традициями и обычаями. Фразеологизмы об отце и матери обладают положительной коннотацией. Но в обоих языках ФЕ о матери значительно больше, чем об отце, что свидетельствует об огромной роли матери в семейной жизни.

С родственниками необходимо поддерживать хорошие отношения, они должны друг другу помогать.

Заключение брака является важным как для мужчины, так и для женщины. Правильный выбор спутника жизни имеет большое значение. Определенное количество ФЕ на эту тему посвящено выбору невесты. В них подчеркивается, что внешняя красота не самый главный критерий, гораздо важнее ум, добрая душа и трудолюбие. В соответствии с традиционными устоями вопрос о замужестве и женитьбе решался старшими в семье, непослушание не приветствовалось, а советы старших ценились высоко.

Дети – это ценность, их должно быть много. Они являются продолжателями рода и традиций и во многом похожи на своих родителей. Во всех ФЕ о детях проступает идея о том, что детей надо любить и правильно воспитывать. В обоих языках ФЕ о дочери чаще, чем о сыне содержат отрицательную коннотацию, что также было связано с обычаями и традициями таджикского и китайского народов.

На примере анализа словарных статей, связанных с терминологией родства, становится понятным, что семья характеризуется как нуклеарная, в состав которой входят муж и жена, а также их неженатые дети или же их отсутствие. Несмотря на то, что через толкование слов сложно определить концепт, все же в основе каждого определения заложен общий денотат, представляемый лексемами «группа», «единство». Такое определение семьи предполагает объединение на основе каких-либо общих признаков. Определение семьи через «группу родственников» предполагает объединение на основе родства – связи между

людьми, основанной на происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что состав терминов генеалогического родства китайского языка несколько богаче таджикского. Связано это с тем, что для китайцев в определении родства и соблюдения этических норм, сложившегося менталитета, уклада семейной жизни, религиозных и философских традиций важно не только пол и возраст, а сложившиеся отношения к родственникам по отцовской и материнской линии. В таджикской культурной и языковой традиции существуют очень близкие выражения восприятия семьи и отношений между родственниками, однако такой выраженной дифференциации по признаку родства по отцовской и материнской линии не существует. Семья занимает особое место как в жизни китайцев, так и в жизни таджиков.

Исходя из полученных в ходе исследования данных, можно сделать вывод, что в основе языкового воплощения концепта «семья» как в таджикской, так и в китайской лингвокультурах, помимо универсальных черт лежат и национально-специфические особенности, которые обусловлены различием таджикской и китайской культур, отразивших особенности менталитета и системы ценностей двух национальных сообществ по отношению к семье.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

букв. – буквально

в знач. – в значении

досл. – дословно

и т.д. – и так далее

и т.п. – и тому подобное

т.е. – то есть

ФЕ – фразеологические единицы

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Таблица № 1. Структура концепта «семья» в таджикском языке	128
Таблица № 2. Структура концепта «семья» в китайском языке	129

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абишева, К.М. Образные лексико-фразеологические средства в публицистике Н.В. Шелгунова / К.М., Абишева // Актуальные вопросы русской лексикологии и терминологии. – Алма-ата, 1986. – С 50.
2. Авалиани, Ю.Ю. Дар бораи фарқи муродифот ва вариантҳои ибораҳои фразеологӣ / Ю.Ю. Авалиани, Ч. Мирсаидов // Масъалаҳои филологияи тоҷик. – Душанбе, 1967. – С. 134–139.
3. Авалиани, Ю.Ю. О разграничении и вариативности в области фразеологических единиц / Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон // В выступлении на координационном совещании по фразеологии. – Баку, 1965.
4. Авезова, Б. Ибораҳои фразеологии феълии забони тоҷикӣ ва ҳиндӣ / Б. Авезова // Паёми донишгоҳ. – 1990. – № 1. – С. 20–29.
5. Авезова, Б. Фразеологические сочетания со словами, обозначающими органы человеческого тела / Б. Авезова // Вестник Таджикского Госуниверситета. – 1993. – № 4. – С. 26–30.
6. Азимова, М.Н. Сопоставительно-типологическое исследование фразеологической системы таджикского и английского языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Азимова Матлюба Нуритдиновна – Душанбе, 2006. – 328 с.
7. Александрова, О.В. Когнитивная лингвистика как часть филологии / О.В. Александрова // Личность в пространстве языка и культуры. Тематический сборник. – М. –Краснодар, 2005. – С. 40–49.
8. Александрова, О.В. Общие и частные проблемы филологии и когнитивной лингвистики / О. В. Александрова // Концептуальное пространство языка. – Тамбов, 2005. – С. 17–23.
9. Алефиренко, Н.Ф. Проблема вербализации концепта: теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
10. Алехина, А.И. Фразеологическая единица и слово / А.И. Алехина. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 152 с.

11. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян // Избранные Труды. Т.2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
13. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов, 1964. – 315 с.
14. Архипов, И.К. Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия / И.К. Архипов // Филология и культура: Материалы III Международной научной конференции 16–18 мая 2001 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – Ч. 1. – С. 13–15.
15. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
16. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М., 2004. – 296 с.
17. Бабкин, А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин. – М.; Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1964. – 76 с.
18. Бабкин, А.М. Русская фразеология. Ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Л., 1970. – 261 с.
19. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.
20. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997, Т. 56 (1). – С. 11–21.
21. Баранова, З.И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка: дис. ... канд. филол. наук / Баранова Зинаида Ивановна. – М., 1969.

22. Барчукова, К. В. Фразеология в китайском языке / К.В. Барчукова, А.В. Пескова, Е.И. Подкидышева, В.Э. Скромных // Молодой ученый. – 2015. – №18. – С. 514–517.
23. Бибок, К. Проблема концептуальной семантики русского и венгерского языков / К. Бибок // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 156–165.
24. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2002. – 123 с.
25. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж, 2001. – С. 25–45.
26. Бондарева, Е.П. Актуализация концепта мысль в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бондарева Евгения Петровна. – Кемерово, 2005. – 164 с.
27. Брутян, Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
28. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М.: Наука, 1997. – 574 с.
29. Буров, В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого / В.Г. Буров. – М.: ИФ РАН, 2000. – 208 с.
30. Буслаев, Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию / Ф.И. Буслаев. – М.: Университетская типография, 1884. – 255 с.
31. Вакк, Ф.О. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Вакк Ф.О. – Таллин, 1964. – 24 с.
32. Вакуров, В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на основе советского фельетона) / В.Н. Вакуров. – М., 1963. – 175 с.

33. Введенская, Л.А. Русское слово: факультативный курс «Лексика и фразеология русского языка»: пособие для учащихся / Л.А. Введенская, М.Т. Баранов, Ю.А. Гвоздарев. – 3-е изд., испр. – М., 1983. – 144 с.
34. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
35. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
36. Верещагин, Е. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентиемы / Е. Верещагин, В. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
37. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
38. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 118–161.
39. Воеводская, О.М. Концепты света/тьмы в русском и английском языках / О.М. Воеводская // Филология и культура. Материалы Международной конференции 12–14 мая 1999 г. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 157–168.
40. Воеводская, О.М. Лексико-грамматическое поле концепта / О.М. Воеводская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 111–113.
41. Войцехович, И.В. Практическая фразеология современного китайского языка: учебник. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 509 с.
42. Войцехович, И.В. Стилистические особенности основных разрядов фразеологических единиц современного китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Войцехович И.В. – М., 1986. – 27 с.

43. Воркачев, С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47–58.
44. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев – М.: Гносис. – 2004. – 237 с.
45. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
46. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
47. Гальперин, П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления / П.Я. Гальперин // Вопросы философии. – 1977. – № 4. – С. 95–101.
48. Ганиева, С. Калимахои мураккаб бо чузъи қиёсии дил ва таносуби онҳо бо вохидҳои фразеологӣ / С. Ганиева // Вестник Таджикского Госуниверситета. – 1990. – № 1. – С. 14–19.
49. Гафарова, Г.В. Когнитивные аспекты лексической системы языка / Г.В. Гафарова, Т.А. Кильдибекова. – Уфа: Башкирск. ун-т, 1998. – 180 с.
50. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразеобразования / Ю.А. Гвоздарев - Ростов н/Д, 1977. – 184 с.
51. Гвоздарев, Ю.А. Сопоставительное описание фразеологии разных языков / Ю.А. Гвоздарев // Образование и функционирование фразеологических единиц. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1981. – С. 116–120.
52. Гвоздарев, Ю.А. Фразеологические сочетания современного русского языка / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1973. – 103 с.
53. Геляева, А.И. Человек в языковой картине мира / А.И. Геляева. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2002. – 177 с.

- 54.Го Синь-и. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Го Синь-и. – М., 2004. – 22 с.
- 55.Горелов, В.И. Стилистика современного китайского языка. Учебное пособие для студентов пед. институтов по специальности № 2103 «Иностр. яз» / В.И. Горелов. – М., 1979. – 192 с.
- 56.Гришаева, Л.И. Перевод как источник знаний о концептуализации внеязыковой действительности / Л.И. Гришаева // Перевод: язык и культура. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – С. 29–31.
- 57.Гришина, О.А. Стереотипизация признаков концепта «Америка» в современном русском языке / О.А. Гришина // Ethnohermeneutik und Antropologie. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. – Bd. 10. – P. 161–165.
- 58.Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации: Учебное пособие для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. - М.: Юнити-Дана, 2002. – 352 с.
- 59.Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – С. 51.
- 60.Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – С. 51.
- 61.Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца XX века. – М.: Российский госуд. гуманитар. университет, 1995. – С. 239–320.
- 62.Демьянков, В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 39–77.
- 63.Демьянков, В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1983. – № 4. – С. 320–329.

64. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
65. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
66. Джураев, Н.А. Фразеологические единицы как выразительные средства таджикского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Джураев Ниматулло Атохонович. – Душанбе: ТГУ, 1988. – 24 с.
67. Драгунов, А.А. Грамматическая система современного китайского языка / А.А. Драгунов // Ленингр. ордена Ленина гос. ун-та им. А.А. Жданова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 270 с.
68. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка / А.А. Драгунов // Т.1. Части речи. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 231 с.
69. Жолковский, А.К. О семантическом синтезе / А.К. Жолковский, И.А. Мельчук // Проблемы кибернетики. – 1967. – Вып. 19. – С. 177–238.
70. Жуков, В.П. «Внутренняя форма» и целостное значение фразеологизма / В.П. Жуков // Вопросы фразеологии и грамматики русского языка. Ученые записки Новгородского гос. пед. ин-та. Т. 12. Филологические науки. – Новгород, 1967. – С. 18–29.
71. Жуков, В.П. К вопросу многозначности фразеологизмов / В.П. Жуков // Вопросы фразеологии. – Ташкент, 1965. – С. 41–53.
72. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В.П. Жуков. – М., 1978. – 160 с.
73. Жуков, В.П. Соотношение фразеологической единицы и ее компонентов со словами свободного употребления / В.П. Жуков // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1962. – № 3. – С. 82–93.

- 74.Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 382 с.
- 75.Залевская, А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к её исследованию / А.А. Залевская // Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 39–55.
- 76.Залевская, А.А. Проблема признака как основания для взаимопонимания расхождений при этнических контактах / А.А. Залевская // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Моск. ун-т, 1996. – С. 163–176.
- 77.Залевская, А.А. Психологический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с.
- 78.Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
- 79.Игамбердиев, Р. Художественно-стилистическая роль фразеологизмов в «Бадаи-ал-вакаи» Зайниддина Восифи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Игамбердиев Р. – Душанбе, 1975. – 26 с.
- 80.Иванникова, Е.А. Об основном признаке фразеологических единиц / Е.А. Иванникова // Проблемы фразеологии. Материалы и исследования. – М.; – Л., 1964. – С. 17–26.
- 81.Иванова, Е.В. Пословичные картины мира (на материале англ. и рус. пословиц) / Е.В. Иванова. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. – 155 с.
- 82.Истомина, В.О. О фразеологической омонимии / В.О. Истомина // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Ростов н/Д: Изд. Ростовского Университета, 1968. – С. 107–111.
- 83.Калентьева, Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода / Т.Л. Калентьева. – Иркутск: Иркут. Ун-т, 1998. – 176 с.

84. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим / Б. Камолиддинов. – Душанбе, 1967. – 184 с.
85. Карасик, В.И. Антология концептов / В.И. Карасик, Стернина И.А. - М.: Гнозис, 2007. – 142 с.
86. Карасик, В.И. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
87. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.
88. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
89. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
90. Караулов, Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 191–206.
91. Караулов, Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 1–3 июня 2000 г. – М.: Институт языкознания РАН и МГЛУ, 2000. – С. 107–108.
92. Касевич, В.Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность / В.Б. Касевич // Язык и когнитивная деятельность. – М.: Наука, 1989. – С. 8–18.
93. Қосимова, М.Н. Мухтасар оид ба ибораҳои изофӣ / М.Н. Қосимова // Мактаби советӣ. – 1967. – № 2. – С. 18–20.
94. Қосимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик / М.Н. Қосимова. – Душанбе, 2003. – 491 с.
95. Кленин, И. Д. Лексикология китайского языка / И. Д. Кленин, В. Ф. Щичко. – М.: Восточная книга, 2013. – 269 с.

96. Кондратьева, О.Н. Этногерменевтический подход в исследовании концептов внутреннего мира человека / О.Н. Кондратьева // *Ethnohermeneutik und Anthropologie*. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. – Bd. 10. – P. 135–139.
97. Копыленко, М.М. Очерки по общей фразеологии. (Проблемы, методы, опыты) / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж, 1978. – 143 с.
98. Корнева, А.М. Фразеологизмы как отражение мировоззренческой и культурной разницы между востоком и западом / А.М. Корнева // сб. статей Первой Международной молодежной научно-практической конференции 28-29 апреля 2014 г.: Россия, Запад, Восток: диалог культур. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2014. – С. 136–138.
99. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
100. Коростовец, И.Я. Китайцы и их цивилизация / И.Я. Коростовец // *Жизнь и нравы старого Китая*. – Смоленск: Русич, 2003. – С. 197–485.
101. Кравченко, А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск: ИГУ, 2004. – 206 с.
102. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
103. Крушинский, А.А. Логика Древнего Китая / А.А. Крушинский. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2013. – 384 с.
104. Крюков, М.В. Система родства китайцев / М.В. Крюков. – М., 1972. – 343 с.
105. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // *Вопросы языкознания*. – 1994. – № 4. – С. 26–34.

106. Кубрякова, Е.С. Когнитивная лингвистика и проблема композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – № 1. – С. 13–24.
107. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Вып. 1. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
108. Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура. Материалы международной конференции. Часть 1. – Тамбов, 1999. – С. 6–13.
109. Кунин, А.В. К вопросу о немотивированности значений фразеологических сращений / А.В. Кунин // Сб. трудов МГПИИЯ имени М. Тореца. Лингвистика и методика в высшей школе. – М., 1974. – Вып 6. – С. 49.
110. Лавровский, П. А. Коренное значение в названиях родства у славян: читано в Отделении Русского языка и Словесности 16 января и 8 февраля 1867 г. / П. А. Лавровский; послесл. В. К. Журавлева и И. В. Журавлева. – изд. 2-е, стер. Репр. изд. – М.: УРСС, 2005 (ООО РОХОС). – 138 с.
111. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификатора / Дж. Лакофф // НЗЛ. - Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–52.
112. Леонтьев, А.А. Новое учение о языке / А.А. Леонтьев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов.энциклопедия, 1990. – С. 335.
113. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.
114. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН. Серия литературы и языка. – Т. 52. – 1993. – №1. – С. 4–9.
115. Лихачев, Д.С. Логический анализ языка. Культурные концепты / Д.С. Лихачев. – М., 1991. – С. 280–287.

116. Лукашевич, Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: Монография / Е.В. Лукашевич. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 234 с.
117. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды. – Архангельск: Поморский госуниверситет, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.
118. Маджидов, Х. К вопросу об определении содержания фразеологической семантики в таджикском языке / Х. Маджидов // Вестник Таджикского Госуниверситета. – 1990. – № 1. – С. 48–49.
119. Маджидов, Х. О заимствовании фразеологических единиц из русского языка в таджикском / Х. Маджидов // Русский язык и литература в таджикской школе. – 1981. – № 2. – С. 20–23.
120. Маджидов, Х. Фразеологические единицы таджикского языка с русскими элементами / Х. Маджидов // Известия Академии Наук. Серия востоковедение, история, филология. – 1989. – №2. – С. 58–63.
121. Маджидов, Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка / Х. Маджидов. – Душанбе, 2006. – 406 с.
122. Мақсудов, Т. Дар бораи воҳидҳои фразеологӣ ва вазифаи синтаксисии онҳо / Т. Мақсудов, Ф. Зикриёев, Х. Чалилов. – Душанбе, 1976. – 86 с.
123. Малышев, В. Н. Пространство мысли и истоки национального характера / В. Н. Малышев. – СПб.: Алетейя, 2009. – 197 с.
124. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта, 2006. – 396 с.
125. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – 3-е изд., испр. - М.: Академия, 2007. - 208 с.
126. Мачидов, Ҳ. Ибораҳои фразеологӣ ва таркибҳои феълӣ / Ҳ. Мачидов // Мактаби советӣ. – 1986. – №2. – С. 10–14.

127. Мачидов, Ҳ. Ибораҳои фразеологӣ сифатӣ / Ҳ. Мачидов // Маърифат. – 1992. – № 6. – С. 13–15.
128. Мачидов, Ҳ. Оид ба як навъи ҷумлаҳои фразеологӣ / Ҳ. Мачидов // Паёми Донишгоҳ. – 1993. – №4. – С. 72–80.
129. Мачидов, Ҳ. Омӯзиши воҳидҳои фразеологӣ ва фасоҳати сухан / Ҳ. Мачидов// Маърифат. – 1993. – № 11-12. – С. 7–10.
130. Мачидов, Ҳ. Таркибҳои фразеологӣ / Ҳ. Мачидов// Мактаби советӣ. – 1980. – № 1. – С. 21.
131. Мачидов, Ҳ. Фарқи воҳидҳои фразеологӣ аз зарбулмасалу мақолҳо/ Ҳ. Мачидов// Мактаби советӣ. – 1982. – № 10. – С. 26–30.
132. Мачидов, Ҳ. Фразеологияи забони хозираи тоҷик/ Ҳ. Мачидов. – Душанбе, 1982. – 189 с.
133. Маъсумӣ, Н.А. Забон ва услуби асарҳои Аҳмади Дониш / Н.А. Маъсумӣ. – Душанбе, 1976. – 256 с.
134. Маъсумӣ, Н.А. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. А. Маъсумӣ. – Сталинобод, 1959. – 293 с.
135. Мельчук, И.А. К принципам описания означаемых (о лингвистической семантике) / И.А. Мельчук // Язык и человек. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1970. – С. 201–217.
136. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 283 с.
137. Молотков, А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания / А.И. Молотков // Фразеологический словарь русского языка. – М.: Советская Энциклопедия, 1967. – С. 7–23.
138. Морган, Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган. – Л., 1935. – 373 с.
139. Морган, Л.Г. Древнее общество / Л.Г. Морган. – Л., 1934. – 233 с.

140. Муслимов, М. Воҳидҳои фразеологии забони адабии муосири тоҷик бо унсурҳои луғавии арабӣ / М. Муслимов. – Душанбе, 2009. – 187 с.
141. Муҳаммадиев, М. Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ / М. Муҳаммадиев. – Душанбе, 1975. – 256 с.
142. Назаров, О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Назаров Отуз – Ашхабад, 1973. – 29 с.
143. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – 85 с.
144. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 53–64.
145. Новый объяснительный словарь синонимов: проспект / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна; Российская акад. наук, Ин-т русского яз. – М.: Русские словари, 1995. – 558 с.
146. Перевозникова, А.К. Эволюция концепта семья в русской языковой картине мира / А.К. Перевозникова // Лингвострановедение: Методы анализа, техники обучения. – Ч.2. – М., 2004. – С. 147–156.
147. Пименов, Е.А. Этносемиотика культуры и языковой знак / Е.А. Пименов // Семиотические проблемы лингвистики. – Кемерово: Графика, 1998. – С. 91–93.
148. Пименова, М.В. Душа и Дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
149. Подюков, И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учебное пособие / И.А. Подюков. – Пермь: ПГПИ, 1991. – 124 с.
150. Попов, Р.Н. Методы исследования фразеологического состава языка: Учебное пособие для студентов факультетов русского языка и литературы / Р.Н. Попов. – Курск: Курск. гос. пед. ин-т, 1976. – 83 с.

151. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
152. Попова, З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 7–10.
153. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
154. Попова, З.Д. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Мир человека и мир языка: Коллективная монография. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 6–17.
155. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 226 с.
156. Попова, З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики / З.Д. Попова // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. – 1996. – № 2. – С. 64–68.
157. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
158. Попова, З.Д. Языковое сознание и другие виды сознания / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык. История. Культура. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 17–21.
159. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
160. Почепцов, О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 4. – С. 110–122.
161. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 176 с.

162. Прохоров, Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 328 с.
163. Прошин, Л.В. Семья: 500 вопросов и ответов / Л.В. Прошин. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1994. – 463 с.
164. Пугач, В.Н. Концепт «судьба» в повести А.С. Пушкина «Метель» / В.Н. Пугач // Филология и культура. Материалы III Международной научной конференции. – Ч. 2. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – С. 93–94.
165. Рауфов, Х. «Фарҳанги ҷаҳонгирӣ» ҳамчун сарчашмаи лексикографии тоҷику форс / Х. Рауфов. – Душанбе, 1973. – 191 с.
166. Рахилина, Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36. – С. 274–323.
167. Рахмонова, Н.Ш. Соматические фразеологические единицы в таджикском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рахмонова Наргис Шарифовна. – Душанбе, 2006. – 22 с.
168. Розенфельд, М.Я. Абстрактная лексика и образность слова / М. Розенфельд // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2003. – С. 73–76.
169. Рудакова, А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.
170. Рудакова, А.В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка / А.В. Рудакова. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 213 с.
171. Руссо, М.М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» / М.М. Руссо // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2012. – Вып. 4. – С. 148–176.

172. Савенкова, Л.Б. Концепт «счастье» в русских поговорках / Л.Б. Савенкова // Фразеология 2000. – Тула, 2000. – С. 103–106.
173. Саймиддинов, Д. Вожашиноси забони форсии миёна // Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2001. – 310 с.
174. Семенов, А. Л. Лексика китайского языка: учебник для среднего уровня / А. Л. Семенов. – 3-е изд., испр. – М.: Восточная книга, 2010. – С. 122.
175. Серебренников, Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке/ Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–107.
176. Сидихменов, В.Я. Китай: страницы прошлого / В.Я. Сидихменов. – М.: Наука, 1978. – 384 с.
177. Синтаксические модели фразеологизмов // Межвузовый сборник научных трудов. – Челябинск: ЧГПИ, 1989–1990. – 178 с.
178. Синьют, У. Лингвокультурологическая специфика концепта «семья» в русской и китайской культурах: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Синьют У. – СПб, 2009. – 192 с.
179. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 328 с.
180. Солодухо, Э.М. Вопросы сопоставительного изучения заимствования фразеологии / Э.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 159 с.
181. Стернин, И.А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта? / И.А. Стернин // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. шк.– семинара по когнитивной лингвистике, 11–14 сентября 2000 г. – Ч. 2. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – С. 13–17.
182. Стернин, И.А. Язык и мышление / И.А. Стернин. – Воронеж: Рико, 2004. – 25 с.
183. Сулименко, Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии / Н.Е. Сулименко. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 352 с.

184. Талбакова, Ҳ. Воҳидҳои фразеологии антонимӣ // Масъалаҳои забоншиносии тоҷик / Ҳ. Талбакова. - Душанбе, 1990. – С. 46–50.
185. Талбакова, Ҳ. Гунаҳои воҳидҳои фразеологӣ дар «Шоҳнома»-и Абулқосим Фирдавӣ/ Ҳ. Талбакова // Паёми Донишгоҳи милли. – Душанбе, 2001. – № 2. – С. 92–98.
186. Талбакова, Ҳ. Мавқеи рангҳо дар ташаккули воҳидҳои фразеологӣ / Ҳ. Талбакова // Паёми Донишгоҳи милли. – Душанбе, 2001. - № 2. – С. 120–123.
187. Талбакова, Ҳ. Синонимика ва вариантҳои шевагии фразеологизмҳо / Ҳ. Талбакова // Вестник Таджикского Госуниверситета. – 1993. – № 4. – С. 102–108.
188. Талбакова, Ҳ. Фразеологизмҳои пешоянддор дар «Маъвои дил» - и Р. Чалил / Ҳ. Талбакова // Мақолаҳо доир ба забон ва адабиёти тоҷик. - Душанбе, 1974. – С. 576.
189. Тань, А. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность / А. Тань. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
190. Тахохов, Б.А. Изучение фразеологических единиц русского языка в таджикских группах вузов / Б.А. Тахохов. – Душанбе, 1974. – 111 с.
191. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 366 с.
192. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
193. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
194. Телия, В. Н. Что такое фразеология / В.Н. Телия. – М., 1966. – 86 с.
195. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

196. Тилавов, Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок / Б. Тилавов. – Душанбе, 1967. – 122 с.
197. Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый концепт в поэзии Ф.И. Тютчева / Ю.Д. Тильман // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 203–212.
198. Турсунова, Х. Оид ба параллелҳо дар фразеология ва зарбулмасалҳои тоҷикӣ ва ўзбекӣ / Х. Турсунова // Армуғон. Ҷилди 2. - Душанбе, 1971. – С. 138–150.
199. Турсунова, Х. Таҷқиқи муқоисавии фразеологизмҳои параллелии забонҳои тоҷикӣ ва ўзбекӣ / Х. Турсунова. – Душанбе, 1979. – 94 с.
200. Универсалии восточных культур / под ред. М.Т. Степанянц. Серия история восточной философии. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 431 с.
201. Уорф, Б. Лингвистика и логика / Б. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 187.
202. Уорф, Б. Язык, мышление и реальность. – М.: Наука, 1957.
203. Уфимцева, А.А. Лексическое значение (принцип семасиологического описания лексики) / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
204. Уфимцева, Н.В. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / Н.В. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108–140.
205. Фарҳанги забони тоҷикӣ: в 2-х т. – Т. 1. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 951 с.
206. Фарҳанги забони тоҷикӣ: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 949 с.
207. Фесенко, Т.А. Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека / Т.А. Фесенко // Когнитивная семантика. – Часть 2. – Тамбов, 2000. – С. 149–151.

208. Фозилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ. / М. Фозилов. – Душанбе, 1975. – 367 с.
209. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик / М. Фозилов. – Ҷ. 1. – Душанбе, 1963. - 952 с.
210. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик / М. Фозилов. – Ҷ. 2. – Душанбе, 1964. - 802 с.
211. Фрумкина, Р.М. Когнитивная лингвистика или «психолингвистика наоборот»? / Р.М. Фрумкина // Язык и речевая деятельность. – Т. 2. – СПб., 1999. – С. 18–26.
212. Хайрулина, Р.Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию / Р.Х. Хайрулина. – Уфа: БГПУ, 2001. – 285 с.
213. Ҳасанов, И. Дар бораи ибораҳои фразеологии синонимӣ / И. Ҳасанов // Ученые записки ГПИ. – Выпуск 8. – Куляб, 1969. – № 4 – С. 20–29.
214. Ҳасанов, И. Лексика ва фразеология / И. Ҳасанов. - Душанбе, 1974. – С. 142–154.
215. Ҳасанов, И. Роҳҳои асосии истифодабарии ибораҳои фразеологӣ дар романи «Духтари оташ» / И. Ҳасанов // Материалҳо оид ба забони адабии тоҷик / – Серияи филология. – Душанбе, 1967.
216. Худяков, А.А. Концепт и значение / А.А. Худяков // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск, 1996. – С. 97–103.
217. Хушенова, С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка / С.В. Хушенова. – Душанбе, 1971. – 109 с.
218. Цзинь, Т. Концептуальная система пространства (фрагмент китайской языковой картины мира): монография / Цзинь Тао. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. – 163 с.
219. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.

220. Черникова, Н.В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты / Н.В. Черникова // Филологические науки. – 2007. – № 6. – С. 21–27.
221. Чернышева, И.И. Критерии выделения фразеологических единиц (на материале немецкого языка) / И.И. Чернышева // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. – Тула, 1968. – С. 3–6.
222. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1972. – 326 с.
223. Шафиков, С.Г. Категории и концепты в лингвистике / С.Г. Шафиков // Вопросы языкознания. – 2007. – № 2, – С. 3–17.
224. Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова / Г.Г. Шпет. – Иваново, 2003. – 417 с.
225. Юсупов, У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики / У.К. Юсупов. – Ташкент, 1980. – 135 с.
226. Юсуфова, М. Синонимикаи фразеологизмҳо. / М. Юсуфова // Армуғони олимони чавон. – Душанбе, 1966. – С. 159–170.
227. Юсупова, М. Фразеология романа «Дохунда» С. Айни: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Юсупова М. - Душанбе, 1971. – 26 с.
228. Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 11. – 140 с.
229. Ян, Ф. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира / Ф. Ян // Известия Томского политехнического университета. – Т. 323. – 2013. – №6. – С. 250–255.
230. Morgan, L.H. Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family. / L.H. Morgan. – Washington, 1871. – 143 p.
231. Lafitau, J. F. Histoire des découvertes et conquêtes des Portugais dans le Nouveau monde / Par Joseph François Lafitau. – Paris: Saugrain: Coignard, 1733. – Т. 1. – 1733. – XXV, 616 с.

Справочные издания

232. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 606 с.
233. Ашукин, Н.С. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. –3-е изд., доп. - М., 1966. – 752 с.
234. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
235. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – Т. 5. – М.: Вост. Лит., 2006.
236. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М.Л. Титаренко и др. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006–2009. – 1087 с.
237. Китайско-русский словарь идиом: более 6000 словосочетаний / С.Ю. Сизов. – М.: Идеал, 2005. – 241 с.
238. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. –18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
239. Прядохин, М. Г. Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка (现代汉语歇后语用法小词典) / М. Г. Прядохин, Л. И. Прядохина. – М.: Муравей, 2001. – 224 с.
240. Словарь китайских пословиц / под ред. Чжоу Цзинци. – Пекин: Шану, 2006. – 593 с.
241. 陈晓丹. 中华句典 2. 北京 : 中国戏剧出版社, 2013. 126 页 (Чэнь Сяодань. Паремии китайского народа / Чэнь Сяодань. – Пекин: Изд-во китайского спектакля, 2013. – Т 2. – 126 с.).
242. 大俄汉词典 (修订版). 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所编. 北京 : 商务印书馆. 2001. 2857 页 (Большой русско-китайский словарь (издание пересмотренное и дополненное) / Институт лексикографии

- исследовательского центра русского языка и литературы Хэйлунцзянского университета. – Пекин: Изд-во Шанъу, 2001. – 2857 с.).
243. **李行健**. 现代汉语规范词典 (2 版). 北京: 外语教学与研究出版社, 2010. 1774 页 (Ли Синцзянь. Нормативный словарь современного китайского языка / гл. ред. Ли Синцзянь. – 2-е изд. – Пекин: Изд-во обучения и исследования иностранного языка, 2010. – 1774 с.).
244. **王海洋**. 谚语俗语 5000 条. 福建: 海峡文艺出版社, 2005. 190 页 (Ван Хайян. 5000 пословиц и поговорок / Ван Хайян. – Фуцзянь: Изд-во литературы и искусства пролива, 2005. – 190 с.).
245. **温端政**. 分类谚语词典. 上海: 上海辞书出版社, 2005. 371 页 (Вэнь Дуаньчжэн. Словарь классифицированных пословиц / Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай: Шанхайское изд-во Цышу, 2005. – 371 с.).
246. **温端政**. 中国俗语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 1989. 1252 页 (Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских поговорок / Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай: Шанхайское издательство Цышу, 1989. – 1252 с.).
247. **温端政**. 中国谚语大全 (上下). 上海: 上海辞书出版社, 2004. 2386 页 (Вэнь Дуаньчжэн. Сборник китайских пословиц (2 тома) / Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай: Шанхайское издательство Цышу, 2004. – 2386 с.).
248. **夏征农**. 辞海. 上海: 上海辞书出版社, 2000. 6155 页 (Ся Чжэннун. Цыхай / под ред. Ся Чжэннун. – Шанхай: Шанхайское изд-во Цышу, 2000. – 6155 с.).
249. **夏征农, 陈至立**. 辞海 (彩图本). 第六版. 上海: 上海辞书出版社, 2009. 3477 页 (Ся Чжэннун. Цыхай / Ся Чжэннун, Чэнь Чжили. – Шанхай: Шанхайское изд-во Цышу, 2009. – 3477 с.).
250. **夏仲毅**. 汉俄词典. 北京: 商务印书馆, 1999. 1250 页 (Ся Чжун'и. Китайско-русский словарь / под ред. Ся Чжун'и. – Пекин: Изд-во Шану, 1999. – 1250 с.).

251. 现代汉语词典（第 5 版）. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京：商务印书馆，2005. 1870 页 (Словарь современного китайского языка / Отдел редактирования словарей института исследования языка китайской академии общественных наук. – 5-е изд. – Пекин: Изд-во Шаньбу, 2005. – 1870 с.).
252. 新华字典（第 10 版）. 中国社会科学院语言研究所. 北京：商务印书馆，2004. 689 页 (Словарь иероглифов Синьхуа / Институт исследования языка китайской академии общественных наук. – 10-е изд. – Пекин: Изд-во Шаньбу, 2004. – 689 с.).
253. 张印栋. 中国俗语谚语库（上下）. 郑州：中州古籍出版社，1999. 1620 页 (Чжан Иньдун. Сборник китайских пословиц и поговорок (2 тома) / Чжан Иньдун. – Чжэнчжоу: Изд-во древней литературы Чжунчжоу, 1999. – 1620 с.).
254. 朱介凡. 中华谚语志. 台北：台湾商务印书馆，1989. 5871 页 (Чжу Цзефань. Китайские пословицы / Чжу Цзефань. – Тайбэй: Изд-во Шану Тайвань, 1989. – 5871 с.).

Электронные ресурсы

255. Привычные выражения (гуаньюньюй) в современном китайском языке [Электронный ресурс] // disserCat – электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/>
256. Фразеологические сочетания гуаньюньюй в современном китайском языке [Электронный ресурс] // 万事如意. Полезные и интересные статьи о Китае на сайте востоковедов Подчерниных Анны и Виктора. – Режим доступа: <http://wan-shi-ru-yi.com/kitayskiy-yazyik/frazeologicheskie-sochetaniya-guanyunyuy-v-sovremennom-kitayskom-yazyike>
257. 汉语词典 [Электронный ресурс] // Китайский толковый словарь. Режим доступа: <http://cidian.xpcha.com/c0763nxd41e.html>

258. 民谚俗语谚语大全 [Электронный ресурс] // Полное собрание народных пословиц, поговорок. - Режим доступа: http://www.ximizi.com/yanyu_Results.php?page=2&yanyu_key=%E5%AE%B6%E5%BA%ADhttp:
259. Киберленинка. Научная электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-izuchenie-frazeologii-kak-printsip-natsionalno-orientirovannogo-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo](http://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-izuchenie-frazeologii-kak-printsip-natsionalno-orientirovannogo-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo)
260. Studsel. el [https.](https://www.studsell.com/view/171092/130000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//www.studsell.com/view/171092/130000](https://www.studsell.com/view/171092/130000)

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Классификация таджикских ФЕ поля концепта «семья»

І. РОДСТВО

1. Родители (падару модар)

Некӣ муқаддамтар аз ҳама бо кӣ бояд кард? Дар ҳаққи падару модар. – Кому прежде всего надо делать добро? Родителям.

Падару модар баҳо надоранд, тиллою нуқра куҳнагӣ. – Золото и серебро не стареют, родители цены не имеют.

Давлати фарзандон – падару модар. – Богатство детей – родители.

Падару модар розӣ – худо розӣ. Если родители согласны, бог тоже согласен.

2. Мать и дети

Бача – лой, оча – кулол. Дитя – глина, мать – гончар

Дили модар ба фарзанд, дили фарзанд ба фарсанг. – Сердце матери к дитяти (тянется), а сердце дитяти тянется отмерять фарсанги, т.е. дитя стремится уйти.

Дили оча ба бача, дили бача ба куча. – Сердце матери к ребенку (тянется), а сердце ребенка тянется к улице.

Бача то нагирад, модараш ишир намедихад – пока ребёнок не заплачет, мать не накормит его

3. Мать и дочь

Духтар чӣ гуна – модар намуна. Какова дочь – образец – ее мать, т.е. суди о дочери по ее матери.

Модараша бину духтараша гир. – Посмотри на мать, а потом бери в жены дочь.

Духтари некбахт – боги оча, духтари бадбахт – доги оча. Счастливая дочь – сад матери, несчастная дочь – горе матери.

4. Отец и дети

*Фарзанди нағз – боғи падар, фарзанди бад – доғи падар.
Хорошее дитя – сад отца, плохое дитя – горе отца.*

*Фарзанд агарчи айбнок аст, дар чаими падар зи айб пок аст
Будь ребенок и порочен, в глазах отца он чист.*

*Фарзанд ба сурат гарчи зишт аст, дар чаими падар накусиришт аст. –
Будь ребенок внешне безобразен, в глазах отца он хорош своим
характером.*

*Кудаки зишт дар назари падар биҳишт. В глазах отца безобразный
ребенок, красив как рай.*

Фарзанди нек – ҷонишини падар. Доброе дитя станет заместителем отца.

5. Ребенок, дети

Аз фарзанд беҳтар неъмате нест. – Нет лучше блага, чем дитя.

Фарзанд – лаззати умр. – Дитя – услада жизни.

Асал ширин, аз асал ҳам бача ширин. – Сладок мед, а дитя слаще меда.

Меваи инсон фарзанд аст. – Плод человека – дитя.

Фарзанд ҳам гулу, ҳам булбули оила. – Дитя – и цветок, и соловей семьи.

*Оилаи бефарзанд, дарахти бе мева. – семья без детей, что дерево без
плодов.*

*Бачаи нағз раҳмат мебиёрад, бачаи бад – лаънат. – Хороший ребенок
приносит отраду, плохой ребенок – проклятье.*

*Дарахти бесамар беҳ аз фарзанди носолех. – Бесплодное дерево лучше
недобродетельного ребенка.*

Бача ҳукми подшоҳ дорад. – Ребенок имеет власть царя.

6. Дочь. Девочка

*Духтар – алафи дари мардум. – Девушка – трава, растущая у чужих
ворот.*

7. Внуки

Бача донак, набера магзи донак. – Дитя – косточка, внук /внучка – ядрышко в косточке.

Дона аз магз ширин. – Ядрышко вкуснее косточки.

II. ОТНОШЕНИЯ

1. Отношения между мужем и женой, супругами

Худо хоки зану шуйро аз як ҷой гирифта аст. – Землю, из которой созданы жена и муж, бог взял из одного места.

Шуи хуб беҳ аз ёру бародар. Хороший муж лучше друга и брата.

Зану шавҳар – ширу қаймоқ. – Жена и муж – молоко и сливки.

Зану шавҳар меҳрубон бошанд, гаҳвора холӣ намемонад. – Если муж и жена дружны, у них люлька пустовать не будет.

Оила аҳл бошад, гаҳвора холӣ намемонад. – В дружной семье колыбель не пустует.

Зан шарики зандагӣ ва ёри дармондагист. – Женщина – товарищ в жизни и друг в несчастье.

Мард – шох, занаш – вазир. – Мужчина – царь, жена его – визирь

Мард – сар, занаш – гардан. – Муж – голова, жена – шея.

2. Мир в семье. Конфликты, ссоры

Дар хонае, ки роҳат нест, дар куча фароғат нест. – В доме, где нет покоя, и на улице нет отдыха.

Дар хона ҷанҷол бисёр шуд, барака гум шуд/ Хонаи ҷанҷолиба барака намешавад. – В доме, где есть ссоры, нет достатка.

Балои сафар беҳ, ки дар хона ҷанг. – Бедствие в пути лучше, чем ссора в семье.

Ба ҷанги зану шуй остонаи хона меҳандад. Над ссорами мужа с женой порог смеется, т.е. они за порог не выйдут, быстро помирятся.

Даъвои зану шавҳар мисли борони фасли тобистон аст. – Ссоры между мужем и женой подобны летнему дождю.

III. ВОСПИТАНИЕ, УВАЖЕНИЕ

1. Воспитание

Бача азиз аст, одобаш аз вай азиз. – Дитя дорого, а воспитанность его дороже его самого.

Бача – бачавор, калон – калонвор. – С ребенком по-ребячьи, со взрослым – по-взрослому.

Бача – дар бачагӣ, арус – дар арусӣ. – Ребенка воспитывай в детстве, невесту, пока она невеста.

Бача лой – оча кулол. – Ребенок глина, а мать – гончар.

Бачаи эрка – балои ҷон. – Избалованный ребенок – несчастье в жизни.

Бачаро кор фармову аз пасаш дав. – Ребенку дело поручи, сам следом беги.

Меваи дарахт ба таги дарахт мерезад. Плод дерева падает под дерево

Духтарам, ба ту мегуям, келинам, ту шунав. – Тебе, дочка, говорю, а ты, невестка, слушай.

2. Уважение и почитание старших, забота о младших, помощь

Бе пир марав ту дар амонӣ, гарчанд Сикандари замони. И в мирное время не ходи без старца, будь ты хоть Александром Македонским.

Бе пир тадбир нест. Без старых людей не примешь мудрого решения.

Амри модар муқаддас аст аз азиз. – Повеленье матери священо и дорого.

Некӣ муқаддамтар аз ҳама бо кӣ бояд кард? Дар ҳақиқат падару модар. – Прежде всего кому должны делать добро? Матери и отцу.

Падару модар баҳо надоранд, тиллою нуқра кухнагӣ. – Золото и серебро не стареют, отец и мать цены не имеют.

Давлати фарзандон – падару модар. – Богатство детей – отец и мать.

Падару модар розӣ – худо розӣ. Если мать с отцом согласны, бог тоже согласен.

IV. ЧУВСТВА

1. Любовь

Ишққ– дарди бедавоост. – Любовь – неизлечимая болезнь.

Ишқ камбагалу бой намегуяд. – Любовь не смотрит, кто беден. А кто богат.

Ишқу мушк пинҳон намемонад. – Любовь и мускус не утаишь.

Дарди марази ишқро набошад табиб. – Нет лекаря, исцеляющего болезнь любви.

Барои оишқ Бағдод дур нест. – Для влюбленного и до Багдада недалеко.

Ишқ – ишқи аввал. Настоящая любовь – первая любовь.

Ишқи тирӣ гар бичунбад, сар ба расвой занад. – Если проснется любовь в старости, она может привести к позору.

Лайлиро ба чашми Мачнун бояд дид. – На Лейли надо смотреть глазами Маджнуна (Красота в глазах смотрящего)

2. Любовь к детям

Меҳри фарзанд бар шоҳу гадо яке бувад. – Любовь к своим детям свойственна и царям, и нищим.

V. СУПРУЖЕСТВО, БРАК

1. Выбор невесты

Арус чӣ гуна аст? Додарарус намуна аст. – Какова невеста? Брат образец (т.е. о невесте можно судить по ее брату).

Модараша бину духтараша гир. – Посмотри на мать, а потом бери в жены дочь.

2. Вступление в брачный союз

Зан гирӣ, дида гир, дег гирӣ, санчида гир. – Жену берешь – посмотри, котел покупаешь, проверь, постукивая, нет ли трещин.

3. Жена, женщина

Биби хамакора, хамаи кораи нимкола. Тетка на все руки мастерица – все дела на половину сделаны.

Зан – ободии хона. – Жена благополучие дома.

Зани нагз – гули хона. – Хорошая жена – цветок дома.

Зан савдои умр. – Жена – на всю жизнь.

Занро муяш дарозу ақлаш кам. – Волос долог, да ум короток.

Заиф аз хона ба ҳамом, аз ҳамом ба гур. – У женщины одна дорога: от дома до бани, и от бани до могилы.

Зани бе бача – дарахти бе мева. Бездетная женщина – бесплодное дерево.

4. Роль женщины

Мардро мард мекардагӣ ҳам зан, номард мекардагӣ ҳам зан. Мужчину делает человеком жена, и подлецом тоже делает его жена.

Хоксорат мекунад, зан мекунад. Тоҷдорат мекунад, зан мекунад. – Скромным тебя жена делает, венценосным тебя жена сделает.

Зани нек офияти зиндагонӣ бувад. – Хорошая жена основа жизненного благополучия.

Дар хона, ки зан нест, рушноӣ нест. – В доме, где нет жены, там нет света.

Зани солиҳа ба кадом хонае, ки бошад, рушноӣ ба рушноӣ меафзояд. – Добродетельная жена, в каком бы она доме ни была, приумножает свет.

Дар хонае, ки зан нест, бидон, ки як сузан нест. – Если в доме нет женщины, знай, ни одной иголки не найдешь.

5. Несколько жен-хозяек (отриц.)

Дар хонае, ки ду зан ҳаст, барака нест. – В доме, где две жены, не будет благодати

Дар хона ҳафт бону, хокаш то зону. – В доме семь хозяек, посуда грязной осталась.

Кайбону ду шуд, ош шур шуд. У двух хозяек кушанье пересоленное.

Момо, ки дуто шуд, сари бача кач мешавад. Когда повивальных бабок две, у ребенка голова кривая.

6. Мужчина

Марди баҳунар – хонааш пури зар. У человека, владеющим ремеслом, дом полон золотом.

VI. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

1. Дом, очаг

Девор галтад, ба дарун галтад. Если стене падать, так пусть упадет внутрь.

Дег ба дег мегуяд: «руят сиёҳ!» – Котел говорит котлу: «у тебя черное лицо».

Деге, ки барои ман наҷушад, ба дарунаш хок ҷушад. – Котел, который для меня не кипит, пусть в нем земля кипит.

Коса аз ош гармтар. – Миска горячее пищи.

Косаи шикаста бутун намешавад. – Сломанная чашка не станет целой.

Кулухи қоқ ба девор намечаспад. – Сухой ком глины не пристанет к стене.

Кузаи нав – оби хунук. – Новый кувшин – вода холодная.

Одаму либос, хонаву палос. – Человека красит одежда, дом украшает палас.

Он чи дар дег аст, ба кафгир мебарояд. – Все, что есть в котле, попадает на шумовку.

Ҳавлиро нахарίδα дарвозаашро харίδαаст. – Не купив дома, купил ворота для него.

Ҳамон ош ҳамон коса. – Та же еда, в той же миске.

Иморат – зорат. – Стройка дома – разорение.

Оби дари хона тира аст. – Вода, протекающая возле дома, мутна, а дочь соседа неказиста.

Оби дари хона қадр надорад. – Воду, протекающую возле дома, не ценят.

Ҳар кас дар хонаи хеш хоҷа аст. – В своем доме и стены помогают

2. Гостеприимство

Меҳмон аз дар дарояд, ризқаш аз дарича. – Гость в двери, а доля его уж через окошко идет.

Меҳмон дар хона баракат меоварад. – Гость приносит в дом благодать.

Меҳмон ризқи худро мехурад. – Гость ест свою долю.

Меҳмон азиз аст то се руз. – Гость дорог до трех дней.

Меҳмон бо дастовез дустиро бо худ меорад. – Вместе с подарком гость приносит дружбу.

Меҳмон дар дасти соҳиби хона асир аст. – Гость – пленник хозяина.

Меҳмонатро иззат кун, агарчи вай душмани ту бошад. – Гостя своего принимай с почетом, даже если он враг тебе.

Меҳмони нохонда иззат надорад. – Незванный гость не имеет уважения.

Меҳмон – ҳар ки бошад, хона – ҳарчи бошад. – Гость всякий, кто бы не пришел, угощение все, что в доме есть.

VII. СЕМЬЯ, РОДИНА И ГОСУДАРСТВО

Любовь и отношение к Родине в тадж.

Одами бехона, ҳамаҷо бегона.

Бездомный человек, везде чужой.

Шахси беватан – булбули бечаман.

Человек без родины – соловей без цветника.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Классификация китайских ФЕ поля концепта «семья»

І. БЛАГОПОЛУЧИЕ В СЕМЬЕ

1. Счастье, уважение, дружба

天伦之乐 – tian lun zhi le – семейное счастье.

相敬如宾 – xiang jing ru bin – жить, уважая друг друга.

相亲相爱 – xiang qin xiang ai – жить душа в душу.

宜家宜室 – yi jia yi shi – дружная семья.

拉家带口 – la jia dai kou – находиться вместе с семьей.

家长里短 – jia chang li duan – обыкновенное явление в семье.

一室生春 – yi shi sheng chun – комната переполнилась радостью, весельем.

良家妇女 – liang jia fu nv – хорошая семья; добропорядочное семейство.

穿房过户 – chuan fang guo hu – быть своим в доме; жить в тесной дружбе (о семьях).

身家性命 – shen jia xing min – своя жизнь и жизнь членов семьи.

妻儿老小 – qi er lao xiao – вся семья.

2. Семья с материальным достатком, богатая семья (достаток, статус)

人给家足 – ren ji jia zu – каждая семья, каждый двор живут в достатке и довольстве.

家道从 – jia dao cong rong – семья с достаточным материальным положением.

家给人足 – jia ji ren zu – зажиточная семья (букв. достатка семьи на каждого хватает)

小康之家 – xiao kang zhi jia – безбедная семья, богатая семья.

养家糊口 – yang jia hu kou – кормить всю семью.

改换家门 – gai huan jia men – поднять социальное положение семьи.

家道从容 – jia dao cong rong – семья с достаточным материальным положением.

家给人足 – jia ji ren zu – зажиточная семья (букв. достатка семьи на каждого хватает)

嫌贫爱富 – xian pi nai fu – не любить бедноту, любить богатство

膏粱锦绣 – gao liang jin xiu – богатая и знатная семья

夫贵妻荣 – fu gui qi rong – знатный муж и почетная жена

千家万户 – qian jia wan hu – многочисленные семьи и дома.

华屋山丘 – hua wu shan qiu – великолепный дом

家财万贯 jia cai wan guan (имущество в семье – десять тысяч связок монет)

3. Изменение статуса семьи

3.1 Превращение бедной семьи в богатую

白手起家 bai shou qi jia – создать своё благополучие собственным трудом и

发家致富 fa jia zhi fu – развить семейный бизнес и нажить богатства;

3.2 Превращение богатой семьи в бедную

家道中落 jia dao zhong luo – состояние семьи в упадке и

倾家荡产 qing jia dang chan – пустить по миру семью и промотать всё имущество.

4. Бедная семья (обнищание)

家贫亲老 – jia pin qin lao – бедная семья и пожилые родители.

家贫如洗 – jia pin ru xi – очень бедная семья

家徒四壁 – jia tu si bi – не иметь ничего, кроме четырех стен; в состоянии нищеты.

家无儋石 – jia wu dan shi – бедная семья.

家败人亡 – jia bai ren wang – полное разорение и гибель семьи.

人亡家败 – ren wang jia bai – разорение и гибель всей семьи.

家破人亡 – jia po ren wang – полное разорение семьи.

饥寒交迫 – ji han jiao po – жить в голоде и холоде.

土阶茅茨 – tu jie mao ci – простой, скромный образ жизни.

室如悬磬 – shi ru xuan qing – в доме пусто, хоть шаром покати

瓮牖绳枢 – weng you sheng shu – окна из битых кувшинов и веревочные дверные петли (убогое жилище, нищета).

家徒四壁 jia tu si bi – в доме только четыре голых стены.

家无担石 jia wu dan shi – в доме никаких запасов продовольствия.

5. Культурная семья

书香人家 shu xiang ren jia – семья с запахом книг.

诗礼之家 shi li zhi jia – дом, где изучают «Шицзин» и «Ли цзи».

6. Хозяин

家无二主 – jia wu er zhu – в семье не может быть два хозяина.

一家之主 – нш ошф ярш ярг – хозяин домаю

衣食父母 – yi shi fumu – поильцы и кормильцы; благодетели (часто в устах слуг о хозяине)

无毒不丈夫 – wu du bu zhang fu – безвредный мужчина, ненастоящий мужчина

II. РОДСТВО

1. Родители

父慈子孝 – fu ci zi xiao – родители должны любить своих детей, а дети должны почтить их, уважать.

2. Мать

贤妻良母 – xian qi liang mu – верная супруга и добродетельная мать.

母以子贵 – mu yi zi gui – мать сильно дорожит своим ребенком.

3. Отец

干父之蛊 – gan fu zhi gu – *продолжать дело своего отца*

4. Дети

父母是孩子的镜子。 – fu mu shi hai zi de jing zi. *Дети – это отражение родителей.*

孩儿不离娘，瓜儿不离秧。 – hai er bu li niang, gua er bu li yang. – *Ребенок связан с матерью, как тыква связана с ее ростком;*

童心未泯 – tong xin wei min – *детская душа не погибает.*

童言无忌 – tong yan wu ji – *детское слово не обижает человека.*

4.1 Сын

弄璋之喜 – nong zhang zhi xi – *радость по случаю рождения сына.*

4.2 Дочь

拖儿带女 – tuo er dai nv – *отяготить дочерью и сыном.*

5. Родственники

骨肉之亲 – gu rou zhi qin – *родные родственники.*

三亲六眷 – san qin liu juan – *родственники, родня (вообще).*

骨肉相聚 – gu rou xiang ju – *сборный всей семьей.*

骨肉至亲 – gu rou zhi qin – *самые близкие родственники*

骨肉团聚 – gu rou tuan ju – *встреча родных.*

6. Кровное родство

骨肉之情 – gu rou zhi qing – *кровные отношения.*

骨肉相连 – gu rou xiang lian – *кровно связанный.*

7. Брат

兄肥弟瘦 – xiong fei di shou – *я – жирен, а мой младший брат – тощ (обр.: а) жертвовать собой ради спасения ближнего, идти на самопожертвование, по легенде о старшем брате Сяо, предложившем себя на съедение вместо младшего брата Ли, в голодное смутное время правления Ван Мана; б) быть совсем разными, не годиться одному взамен другого).*

兄弟阋于墙，外御其侮 – xiong di xi yu qiang, wai yu qi wu – *братья у себя дома не ладят, ругаются, но когда они вне дома, то всегда заступаются друг за друга.*

兄死弟及 – xiong si di ji – *младший брат заменяет место должности старшего брата.*

相煎何急 – xiang jian he ji – *родные братья не должны сражаться, ссориться*

昆弟只好 – kun di zhi hao – *братья*

III. ОТНОШЕНИЯ

1. Отношение родителей к детям

父慈子孝 – fu ci zi xiao – родители должны любить своих детей, а дети должны почитать их, уважать.

望子成龙 – wang zi cheng long – надеяться, что сын станет талантом

弄璋之喜 – nong zhang zhi xi – радость по случаю рождения сына.

母以子贵 – mu yi zi gui – мать сильно дорожит своим ребенком.

畜妻养子 – xu qi yang zi – поддерживать жизнь жены и детей.

2. Отношения детей к своим родителям

寸草春晖 – cun cao chun hui – крохотная былинка и весенние лучи (былинка не может отплатить за щедрость весенних лучей солнца; обр. знач. неоплатный долг; дети никогда не могут отблагодарить родителей за заботу)

养老送终 – yang lao song zhong – содержать престарелых до последних их дней.

白云亲舍 – bai yun qin she – родительский дом как белое облако.

承欢膝下 – cheng huan xi xia – дети в детстве около своих родителей; ухаживать за родителями.

风树之感 – feng shu zhi gan – чувство недолговечности престарелых родителей, о чем должны помнить дети, оказывая родителям своевременную поддержку.

扬名显亲 – yang ming xian qin – Поднять репутацию семьи, приумножить славу рода.

先意承旨 – xian yi cheng zhi – удовлетворять желания родителей.

显亲扬名 – xian qin yang ming – поднять репутацию семьи.

膏粱子弟 – gao liang zi di – дети помогают родителям наслаждаться жизнью

不肖子孙 – bu xiao zi sun – недостойный потомок

兴家立业 – xing jia li ye – возвысить свою семью

3. Отношения между мужем и женой, супругами

白头相守 – bai tou xiang shou – *муж и жена до старости любят и защищают друг друга.*

贤妻良母 – xian qi liang mu – *верная супруга и добродетельная мать.*

比翼双飞 – bi yi shuang fei – *летать крылом к крылу*

生儿育女 – ырутп ук нг тм – *родить ребенка*

百年偕老 – bai nian xie lao – *супруги живут вместе до старых лет.*

柴米夫妻 – chai mi fu qi – *супруги в браке по расчету.*

夫贵妻荣 – fu gui qi rong – *муж разбогател, жена тоже вместе с ним.*

4. Мир в семье

夫唱妇随 – fu chang fu sui – *муж запекает – жена подпевает (обр. о согласии и мире в семье)*

燕侣莺俦 – yan lv ying chou – *Любящие супруги*

燕尔新婚 – yan er xin hun – *радость, принесенная браком*

比翼连枝 – bi yi lian zhi – *супруги очень близки друг другу, неразлучны*

并蒂芙蓉 – bing di fu rong – *два цветка лотоса на одном стебле (о нежных супругах)*

百年偕老 – bai nian xie lao – *хорошо жить много лет*

家和万事兴 – jia he wanshi xing – *В семье лад – десять тысяч дел переделано*

儿女情长 – er nv qing zhang – *теплые чувства между детьми*

5. Конфликты, дразги

夫妻反目 – fu qi fan mu – *супруги ссорятся*

争风吃醋 – zheng feng chi cu – *ссориться из ревности*

家翻宅乱 – jia fan zhai luan – *скандал в доме, шум*

室怒市色 – shi nu shi se – *рассердиться на жену, а гневное лицо показывать всему базару*

骨肉相残 – gu rou xiang can – *борьба между родными.*

家贼难防 – jia zei nan fang – *домашнего вора трудно предостеречь.*

大义灭亲 – da yi mie qin – *жертвовать родственными связями ради принципа*

家丑不可外扬 – jia chou bu ke wai yang – *Домашние скандалы чужим знать нельзя.*

家家有本难念的经 – jia jia you ben nan nian de jing) – *В каждой семье есть свои трудности и противоречия.*

清官难断家务事 – qing guan nan duan jia wu shi – *Даже способному чиновнику трудно разобраться в домашних дразгах.*

6. Отношения между родственниками

人亲骨肉香 – ren qin gu rou xiang – *Родственные связи ценятся так же, как говядина на косточке.*

IV. ВОСПИТАНИЕ, УВАЖЕНИЕ

1. Воспитание

孟母三迁 – Meng mu san qian – *мать Мэн-цзы трижды переселяется (подальше от кладбища и рынка, но поближе к школе; обр. в знач.: заботиться о воспитании детей).*

孟母断机 – Meng mu duan ji – *мать Мэн-цзы рвет нити на ткацком станке (упрекая сына в плохой учебе; обр. в знач.: хорошее воспитание; своевременно сделанный упрек).*

杂草铲除要趁早，孩儿教育要从小 – Za cao chan chu yao chen zao, hai er jiao yu yao cong xiao. – *Нужно сразу вырывать сорняки с корнем, а ребенка воспитывать с самого детства;*

春耕不好害一春，教儿不好害一生 – Chun geng bu hao hai yi chun, jiao er bu hao hai yi sheng. *Земля вспаханная плохо – вред на весь урожай, плохо воспитанный ребенок не исправиться всю жизнь.*

严是爱，松是害，不管不教要变坏 – Yan shi ai, song shi hai, bu guan bu jiao yao bian huai. *Строгость – это любовь, свобода – вред, если оставить ребенка в покое и не воспитывать, он изменится к худшему.*

骂在嘴上，爱在心上。 – Ma zai zui shang, ai zai xin shang. – *Ругань на словах, а любовь в сердце.*

重生父母 – chong sheng fu mu – родители, давшие вторую жизнь (обр. о воспитателях, наставниках).

父严子孝 – fu yan zi xiao – отец строго воспитывает сына.

父为子隐 – fu wei zi yin – отец перед сыном скрывает злодеяние (также воспитательный момент).

少壮不努力，老大徒伤悲 – shao zhuang bu nu li, lao da tu shang bei – учись смолоду, а то в жизни наплачешься

父母恩勤 – fu mu en qin – родители воспитывают своих детей быть щедрым и упорным.

百年树人 – bai nian shu ren – вырастить человека – дело трудное и медленное

将门出将 – jiang men chu jiang – из семьи полководцев выходит настоящий полководец

2. Необходимость продолжения дела отцов и содержание родителей в старости

干父之蛊 – gan fu zhi gu – продолжать дело своего отца

养老送终 – yang lao song zhong – содержать престарелых до последних их дней.

承欢膝下 – cheng huan xi xia – дети в детстве около своих родителей; ухаживать за родителями.

3. Уважение и почитание старших, забота о младших, помощь

父慈子孝 – fu ci zi xiao – родители должны любить своих детей, а дети должны почтить их, уважать.

敬老慈幼 – jing lao ci you – уважать старших и заботиться о младших.

水有源，树有根，不认爹娘如畜生。 – Shui you yuan, shu you gen, bu ren die niang ru chu sheng. – *У реки есть исток, у дерева корень, кто не почитает родителей подобен животному;*

敬老慈幼 – jing lao ci you – уважать старших и заботиться о младших.
 怜贫惜老 – lian pin xi lao – жалеть старых и бедных.
 怜贫敬老 – lian pin jing lao – жалеть бедных и уважать старых.
 老泪纵横 – lao lei zong heng – в старческих слезах, в горьких слезах старика.
 恤孤念寡 – xu gu nian gua – помогать сиротам и почитать престарелых
 敬老慈幼 – jing lao ci you – уважать старых и любить маленьких
 敬老怜贫 – jing lao lian pin – уважать старых и жалеть бедных
 敬老恤贫 – jing lao xu pin – уважать старых и помогать бедным
 敬老尊贤 – jing lao zun xian – уважать старых и почитать достойных
 扶老携幼 – fu lao xie you – поддерживать старых и нести детей на руках
 恤孤念寡 – xu gu nian gua – сироты и престарелые

V. ЧУВСТВА

1. Любовь

偷香窃玉 – tou xiang qie yu – вступить в любовную связь с женщиной
 痴儿挨女 – chi er ai nv – неразумные юноши и девушки
 痴男怨女 – chi nan yuan nv – страстно влюбленные
 柔情蜜意 – rou qing mi yi – нежные чувства
 巫山云雨 – wu shan yun yu – место встречи любовников

2. Родительская любовь

老牛舐犊 – lao niu shi du – старая корова лижет своего теленка (баловать своих детей, слепая родительская любовь)
 舐犊情深 – shi du qing shen – безумно любить своих детей
 母以子贵 – mu yi zi gui – ребенок самое дорогое для матери
 爱国如家 – ai guo ru jia – любить Родину как свою семью.

VI. СУПРУЖЕСТВО, БРАК

1. Вступление в брачный союз

自誓不嫁, 其家逼之。 – Zi shi bu jia, qi jia bi zhi. – *Сама отказывалась выходить замуж, но семья заставила.*

男大当婚, 女大当嫁 – nan da dang hun, nv da dang jia – *когда парень (мужчина) взрослеет, он должен жениться, когда девушка (женщина) взрослеет, должна выйти замуж.*

成家立业 – cheng jia li ye – *встать на ноги и обзавестись семьей.*

洞房花烛 – dong fang hua zhu – *комната новобрачных в свадебных свечах (свадебная ночь)*

鹊巢鸠居 – que chao jiu ju – *сорочье гнездо занимает горлица; молодая жена переезжает в дом мужа.*

双宿双飞 – shuang su shuang fei – *жить вместе, вести супружескую жизнь*

琵琶别抱 – pi pa bie bao – *выйти вторично замуж.*

割壁之盟 – ge bi zhi meng – *тайно договориться о брачных условиях*

赤绳系足 – chi sheng ji zu – *связать себя узами брака*

结为秦晋 – jie wei qin jin – *заключить брачный союз*

重整家园 – chong zheng jia yuan – *заново построить семью или родину.*

结发夫妻 – jie fa fu qi – *супруги*

2. Выбор невесты (красота)

Два типа красавиц:

– 小家碧玉 – xiao jia bi yu – *красивая девушка из бедной семьи.*

大家闺秀 – da jia gui xiu – *незамужняя девушка из высокопоставленной и богатой семьи.*

3. Содержание семьи

成家容易养家难。 – cheng jia rong yi yang jia nan – *Легко создать семью, но трудно ее содержать.*

养家糊口 – yang jia hu kou – содержать семью

养家活口 – yang jia huo kou – кормить семью

4. Брак по расчету

柴米夫妻 – chai mi fu qi – супруги в браке по расчету.

门当户对 – men dang hu dui – одинакового общественного положения и происхождения (обр. о подходящей паре для брака).

5. Жизнь в браке до старости

白头偕老 – bai tou xie lao – жить вместе до конца

白头相守 – bai tou xiang shou – муж и жена до старости любят и защищают друг друга.

6. Измена

东食西宿 – dong shi xi su – у одного питаться, у другого ночевать (по легенде о девушке, которая соглашалась кормиться у жениха-богача, а ночевать у жениха-красавца)

VII. СЕМЬЯ, РОДИНА И ГОСУДАРСТВО

1. Управление, законы

不能治家，焉能治国。 – bu neng zhi jia, yan neng zhi guo. – *Не можешь управиться с домом, значит, не способен управлять государством.*

国有国法，家有家规。 – guo you guo fa, jia you jia gui. – *Как в стране есть законы, так и в семье есть правила.*

2. Любовь и отношение к Родине

父母之邦 – fu mu zhi bang – Родина (父母 – fumu – родители).

本乡本土 – ben xiang ben tu – родина, родные края (места).

流落他乡 – liu luo ta xiang – скитаться по чужбинам, быть далеко от родины.

萍飘蓬转 – ping piao peng zhuan – далеко от родины, блуждать на чужбине.

告老还乡 – gao lao huan xiang – выйти в отставку и возвратиться на Родину.

国破家亡 – guo po jia wang – страна распалась и семья исчезла.

重整家园 – chong zheng jia yuan – заново построить семью или родину.

背井离乡 – bei jing li xiang – покинуть родные места.

敬恭桑梓 – jing gong sang zi – почитать, уважать родные места

安土重迁 – an tu zhong qian – испытывать привязанность к родным местам, прочно обосноваться в данном месте.

衣锦还乡 – yi jin huan xiang – возвратиться на родину в шелковистых халатах

毁家纾难 – hui jia shu nan – пожертвовать всем своим достоянием для спасения родины

告老还乡 – gao lao huan xiang – уволиться по старости и вернуться в родную деревню

归心似箭 – gui xin si jian – стремиться на Родину.

爱国如家 – ai guo ru jia – любить Родину как свою семью.

国尔忘家 – guo er wang jia – из-за важных дел страны забыть о домашних делах.

国仇家恨 – guo chou jia hen – страна и семья под угрозой гибели.

爱民如子 – ai min ru zi – любить свой народ как родного сына.

保家卫国 – bao jia wei guo – защищать свою семью и родину.

齐家治国 – qi jia zhi guo – упорядочить семью и управлять страной.

千家万户 – qian jia wan hu – многочисленные семьи и дома.

天下一家 – tian xia yi jia – мир является страной.

3. Разорение семьи и страны

家败人亡 – jia bai ren wang – полное разорение и гибель семьи.

人亡家败 – ren wang jia bai – разорение и гибель всей семьи.

妻离子散 – qi li zi san – разрушить (разбить) семью.

家翻宅乱 – jia fan zhai luan – скандал в доме, шум.

国仇家恨 – guo chou jia hen – страна и семья под угрозой гибели.

国破家亡 – guo po jia wang – страна распалась и семья исчезла.

家破人亡 – jia po ren wang – полное разорение семьи.

遭家不造 – zao jia bu zao – понести семейное несчастье (обычно о смерти родителей).

4. Находиться далеко от любимой родины

背井离乡 – bei jing li xiang – покинуть родные места.

不服水土 – bu fu shui tu – не привыкший к новому месту, новому климату.

流落他乡 – liu luo ta xiang – скитаться по чужбинам, быть далеко от родины.

萍飘蓬转 – ping piao peng zhuan – далеко от родины, блуждать в чужбинах.

无亲无故 – wu qin wu gu – не иметь ни одного родственника.

无家可归 – wu jia ke gui – оказаться на улице.

VIII. ДРУЖБА И ВРАЖДА

1. Дружба, родство и братство

四海之内皆兄弟 – si hai zhi nei jie xiong di – все люди – братья.

八拜之交 – ba bai zhi jiao – побратимство.

称兄道弟 – cheng xiong dao di – очень близкие отношения, как родные братья.

情同手足 – qing tong shou zu – дружны, как братья.

如兄如第 – ru xiong ru di – как настоящие братья, близкие отношения.

手足之情 – shou zu zhi qing – братские чувства.

契若金兰 – qi ruo jin lan – глубокие дружеские отношения.

称兄道弟 – cheng xiong dao di – очень близкое отношение, как родные братья.

同堂兄弟 – tong tang xiong di – соученик, однокашник, двоюродные братья.

三亲六故 – san qin liu gu – родственники и друзья.

三亲四友 – san qin si you – родные и друзья.

骨肉情谊 – gu rou qing yi – дружба родных.

化敌为友 – hua di wei you – ради друга убить врага

情同手足 – qing tong shou zu – дружны, как братья.

2. Соседи

阴险的邻居，有时比凶恶的敌人更可怕。 – Yin xian de lin ju, you shi bi xiong 'è de di ren geng ke pa. – *Плохие соседи еще опаснее коварного врага.*

只顾自己的人，和邻居合不来。 – Zhi gu zi ji de ren, he lin ju he bu lai. – *Кто заботиться только о себе никогда не поладит с соседями.*

远亲不如近邻 – yuan qin bu ru jin lin. – *близкий сосед лучше дальнего родственника.*

3. Борьба, вражда, соперничество

骨肉相残 – gu rou xiang can – *борьба между родными.*

反目成仇 – fan mu cheng chou – *из друзей стать врагами.*

煮豆燃萁 – zhu dou ran qi – *расплата между братьями, братоубийство.*

IX. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

1. Дом

一室生春 – yi shi sheng chun – *комната переполнилась радостью, весельем.*

家书抵万金 – jia shu di wan jin – *письмо из дома очень дорогое.*

家常便饭 – jia chang bian fan – *домашний обед, обыкновенное явление.*

家贼难防 – jia zei nan fang – *домашнего вора трудно предохранить.*

穿房过户 – chuan fang guo hu – *быть своим в доме; жить в тесной дружбе (о семьях).*

白云亲舍 – bai yun qin she – *родительский дом как белое облако.*

家传秘方 – jia chuan mi fang – *фамильный рецепт; семейный рецепт.*

骨肉相聚 – gu rou xiang ju – *сборы всей семьей.*

2. Отношение к внешнему миру, гостеприимство

闭门却扫 – bi men que sao – *Закрывать двери, прекратить отношения с внешним миром.*

闭门谢客 – bi men xie ke – *запереть двери и отказывать в приёме гостям.*

众叛亲离 – zhong pan qin li – *все окружающие и приближенные отвернулись.*

臣门如市 – chen men ru shi – у моего дома как на базаре (нет отбоя от посетителей).

室迩人远 – shi er ren yuan – дом близко, а человек далеко (тоска в разлуке)

关门闭户 – guan men bi hu – замкнуться в четырех стенах

Х. СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ

1. Семья как надежный оплот

在家千日好出门半日难 – zai jia qian ri hao chu men ban ri nan – хорошо и тысячу дней в своей семье, трудно половину дня вне семьи.

孤木难活 – gu mu nan huo – одно дерево тяжело растёт.

孤雁难飞 – gu yan nan fei – один сухонос далеко не летает.

家有敝帚，享之千金 – jia you bi zhou xiang zhi qian jin – свою метлу хоть и ломаную не отдают и за тысячу золотых монет.

爱花连盆爱，爱女疼女婿。 – aihuā liánpén ài, àinǚ téngnǚxù – любишь цветок – люби и вазу, любишь дочку, так полюби и зятя.

冰清玉润 – bingqingyurun – чистый как лёд, блестящий как яшма (тесть и зять имеют безупречные моральные качества; в основе этого образа лежит повествование о Вэй Цзе и его тесте Юэ Гуан династии Цзинь)

月下老人 – yue xia lao ren – сваха.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

**Таблица соответствий групп компонентов, входящих в поле концепта
«СЕМЬЯ»**

Классификация китайских ФЕ		Классификация таджикских ФЕ
I. БЛАГОПОЛУЧИЕ В СЕМЬЕ		
1. Счастье, уважение, дружба		
2. Семья с материальным достатком, богатая семья (достаток, статус)		
3. Изменение статуса семьи		
3.1. Превращение бедной семьи в богатую		
3.2. Превращение богатой семьи в бедную		
4. Бедная семья (обнищание)		
5. Культурная семья		
II. РОДСТВО	↔	I. РОДСТВО
1. Родители	↔	1. Родители (падару модар)
2. Мать	↔	2. Мать и дети
3. Отец	↔	3. Мать и дочь
4. Дети	↔	4. Отец и дети
4.1. Сын	↔	
4.2. Дочь	↔	
5. Родственники	↔	5. Ребенок, дети
6. Кровное родство	↔	6. Дочь. Девочка

7. Брат		7. Внуки
III. ОТНОШЕНИЯ		II. ОТНОШЕНИЯ
1. Отношение родителей к детям		1. Отношения между мужем и женой, супругами
2. Отношения детей к своим родителям		
3. Отношения между мужем и женой, супругами		
4. Мир в семье	↔	2. Мир в семье. Конфликты, ссоры
5. Конфликты, дразги	↔	
6. Отношения между родственниками		
IV. ВОСПИТАНИЕ, УВАЖЕНИЕ	↔	III. ВОСПИТАНИЕ, УВАЖЕНИЕ
1. Воспитание	↔	1. Воспитание
2. Необходимость продолжения дела отцов и содержание родителей в старости		2. Уважение и почитание старших, забота о младших, помощь
3. Уважение и почитание старших, забота о младших, помощь		
V. ЧУВСТВА	↔	IV. ЧУВСТВА
1. Любовь	↔	1. Любовь
2. Родительская любовь	↔	2. Любовь к детям
VI. СУПРУЖЕСТВО, БРАК	↔	V. СУПРУЖЕСТВО, БРАК

1. Вступление в брачный союз		1. Выбор невесты
2. Выбор невесты (красота)		2. Вступление в брачный союз
3. Содержание семьи		3. Жена, женщина
4. Брак по расчету		4. Роль женщины
5. Жизнь в браке до старости		5. Несколько жен-хозяек (отриц.)
6. Измена		6. Мужчина
7. Хозяин		
VII. СЕМЬЯ, РОДИНА И ГОСУДАРСТВО		VI. СЕМЬЯ, РОДИНА
1. Управление, законы		1. Любовь и отношение к Родине
2. Любовь и отношение к Родине		
3. Разорение семьи и страны		
4. Находиться далеко от любимой родины		
VIII. ДРУЖБА И ВРАЖДА		
1. Дружба, родство и братство		
2. Соседи		
3. Борьба, вражда, соперничество		
IX. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ		VII. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
1. Дом, очаг		1. Дом, очаг
2. Гостеприимство		2. Гостеприимство

